Н. В. АРУТЮНЯН

НОВЫЕ УРАРТСКИЕ НАДПИСИ

ՍՏՈՒԳՎԱԾ Է

ՀՍՍՀ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՋԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ն. Վ. ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ

ԿԱՐՄԻՐ-ԲԼՈՒՐԻ ՈՒՐԱՐՏԱԿԱՆ ՆՈՐ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ԱՌԱՋԱԲԱՆԸ Բ Բ ՊԻՈՏՐՈՎՍԿՈՒ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1966

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Н. В. АРУТЮНЯН

НОВЫЕ УРАРТСКИЕ НАДПИСИ КАРМИР-БЛУРА

ПРЕДИСЛОВИЕ Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

P 21554

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1966

ՀԱՅԿ.ԱՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՖՈՒՆԴԱՄԵՆՏԱԼ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Ответственный редактор
Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1936 г. геолог А. П. Демехин нашел на Кармир-блуре, на юго-восточном его склоне, обломок камня с клинописью. В сохранившейся части надписи можно было прочесть имя урартского царя Руса, сына Аргишти, правившего в VII в. до н. э.

Эта находка привлекла внимание археологов к Кармир-блуру, и в 1939 г. там начались систематические раскопки. В первый же день работы К. Г. Кафадарян поднял на поверхности холма, недалеко от места первой находки, еще один обломок камня с остатком клинописи.

Раскопки начали исследованием холма с северной стороны, и долгое время археологам не удавалось найти остатки урартских лапидарных надписей. Было обнаружено громадное число коротких текстов на бронзовых предметах; из них стало известно, что крепость на Кармир-блуре в древности называлась городом бога Тейшебы и что большинство бронзовых предметов вооружения с надписями урартских царей VIII в. до н. э. было изготовлено не для Тейшебаини, а для города Эребуни, развалины которого сохранились на холме Арин-берд, в Ереване.

В раскопках Кармир-блура были найдены глиняные таблички, представлявшие собой хозяйственные документы и распоряжения урартских царей и чиновников наместнику города Тейшебаини.

Лишь в 1961 г. раскопки дошли до того места, где двадцать пять лет назад был найден первый обломок камня с клинописью, и там, в яме средневекового слоя, археологи обнаружили полностью сохранившийся базальтовый блок из кладки стены (73,5 x 43,5 см) с одиннадцатью строками клинописи. Весь текст II был высечен на нескольких камнях и обнаруженная надпись представляла лишь фрагмент пространного текста. Надпись рассказывала о строительных работах царя Руса, сына Аргишти, и о принесении перед воротами бога Халди священного оружия. Стало понятным, что тут речь идет о тех высокохудожественных бронзовых предметах вооружения, которые в большом количестве были обнаружены при раскопках Кармир-блура. Действительно, бронзовые щиты, шлемы, колчаны, панцири, наконечники стрел и др. предметы имели посвятительные надписи урартских царей VIII в. до н. э.—именно бога Халди.

В 1962 г. в верхних слоях одного из помещений юго-восточной части цитадели был найден развал крупных базальтовых блоков, среди которых были камни с одиннадцатью строками клинописи. Было ясно, что мы имеем дело с обвалом нижней части стены постройки, имевшей каменный цоколь. Здесь было обнаружено семь камней с клинописью, составляющих текст 1, лишь один небольшой камень с частью текста был найден в другом помещении (ряд II, x+4).

Из этих камней, после их реставрации, так как некоторые из них были разбиты при обрушении, удалось составить два ряда камней, различающихся по высоте. Первый ряд содержал три камня (№ 1—43,5×52 см; № 2—43,5×73 см; № 3—43,5×72 см; один камень, шириной около 20 см, отсутствовал), причем первый камень стоял под прямым углом по отношению ко второму. Следует заключить, что текст занимал угловую внутреннюю часть помещения или же находился у входа в храм, захватывая боковую грань углового контрфорса.

Таким же образом составился и второй ряд камней (x+1—46,5×52 см; x+2—45,5×38 см; x+3—45,5×70,5 см; x+4—46,5×25,5см и x+5—46,5×30 см). Последний камень имел форму, указывающую на то, что он представлял собою косяк двери. Небольшой камень x+4, найденный в другом помещении, отличался своей толщиной и формой тыльной стороны. В то время как все другие блоки, толщиной 40—55 см, имели необработанную заднюю сторону, этот камень был полукруглым в сечении (толщ. ок 10 см) и входил в лунку, высеченную на камне x+5. Вероятно, текст в этом месте был или поврежден, или ошибочно высечен и мастера прибегли к такой своеобразной «каменной заплатке».

Мне представлялось, что камни первого ряда были установлены на камнях второго ряда, на что указывало совпадение размеров угловых камней и общей длины надписи. Но если, действительно, в начале камней второго ряда отсутствуют знаки и надо полагать, что тут находился еще небольшой добавочный камень, то реконструкция размещения одного ряда над другим теряет в какой-то мере убедительность. Но все же нет никакого сомнения в том, что камни двух рядов составляют один текст, имеющий громадное значение для изучения истории города Тейшебаини. Научный сотрудник кармирблурской экспедиции Н. В. Арутюнян в результате большой и кропотливой работы в настоящей книге дает исследование этой сложной и необычной надписи.

Текст начинается с сообщения о том, что царь Руса, сын Аргишти, в городе Тейшебаини, находящемся в стране Аза, построил богу Халди храм, называемый «суси», и величественные Халдовы ворота. Далее говорится о том, что местность была пустынной и что Руса, вступив на престол, построил сооружения , к которым и относилась публикуемая надпись. В честь этих сооружений предусматривались жертвы главным урартским богам, богу Халди—быки и козлята. мужским богам—овцы, а супруге бога Халди, богине Арубаини—коровы. В конце надписи упоминается еще сооружение, находящееся перед «суси», названное «сирихани», и дом бога Халди и предусматриваются жертвы царю, когда тот прибудет в Тейшебаини.

Таким образом, из надписи мы узнаем, что Тейшебаини находился в стране Аза, т. е. в той же стране, где были сооружены Эребуни и Аргиштихинили. Становится понятным, что во второй период истории Урарту он заменял эти центры VIII в. до н. э. Следует обратить внимание на то, что публикуемый кармирблурский текст дословно повторяет формулы урартских строительных надписей, в частности из Армавира и Адыльджеваза. Надпись как будто указывает и на то, что город Тейшебаини был сооружен в начале царствования Руса, сына Аргишти, и что сам царь посещал эту крепость, находившуюся на окраине его царства.

Для археологов, изучающих Кармир-блур, очень важны сведения о постройке храмов в крепости и тот факт, что публикуемая надпись была высечена на камнях храма «суси». Следы жертвоприношений также были открыты раскопками Кармир-блура. В центральной части крепости помещение № 26 было целиком заполнено перегорелыми костями жертвенных животных, перечисленных в тексте надписи.

Надпись в «суси» полностью подтверждает наше предположение, основанное на надписи на бронзовом запоре кладовой, о том, что крепость, величественные развалины которой мы исследуем на Кармир-блуре, в древности называлась городом бога Тейшебы (Тейшебаини). Ведь до обнаружения этой надписи, высеченной на камнях постройки, всегда можно было предположить, что бронзовый запор, называющий имя города Тейшебаини, мог быть доставлен в крепость из другого места.

Вторая группа камней, два блока и три обломка, не составляет целого текста, но и среди них имеются камни разной высоты: в 43,5 см (камень 1961 г.) и 46,5 см (камень 1962 г.), что позволяет и их составить двумя рядами. В первой надписи налицо начало всего текста; тут же мы имеем, несомненно, заключительный камень с формулой проклятия и одной свободной строкой. Надо отметить, что и к этому камню следующий приставлялся под прямым углом, т. е. весь текст заканчивался у угла постройки.

Очень важны обстоятельства находки камней второй группы. Как уже было указано, камень 1961 г. был найден в яме средневекового слоя; таковыми же были условия находки в 1962 г. камня с заключительными строками. К нему примыкал обломок, поднятый в 1936 г. на склоне холма. На поверхности лежал и обломок, найденный в 1939 г., к которому приставился другой небольшой фрагмент из раскопок 1963 г. Из условий находок можно заключить, что часть храма «суси», где находилась вторая половина текста, не обрушилась в помещения первого этажа, а долгое время находилась на платформе, где был сооружен храм.

В южной части цитадели, рядом с большой кладовой для вина, сооруженной на втором этаже, раскопками обнаружены массивные платформы, служившие фундаментами тем пяти храмовым сооружениям, которые упоминает издаваемый текст. В момент гибели крепости храмы были уже пустыми и поэтому в тех помещениях первого этажа, куда обрушились части храмов, при раскопках было найдено незначительное количество древних предметов.

С течением времени камни с надписями обнажились в развале второго этажа и были обнаружены в средние века. Понятно, что не все камни сохранились, часть их была разбита и растащена.

Можно предположить, что второй текст находился также внутри храма «суси» и занимал цокольную часть стены вплоть до угла, где он и кончался; дверь храма разделяла текст на две части. Если же надпись была помещена у входа в храм справа, то она кончалась у контрфорса и не заходила на его боковую грань.

Храм, называвшийся в древности «суси», был обнаружен при раскопках на Арин-берде. Он состоял из одного прямоугольного помещения с дверью на торцовой стене. Надписи на «суси» в Эребуни были помещены с внешней стороны по бокам входа. На Азнавур-тепе, в центре Урарту, надписи были обнаружены внутри помещения; на такое же положение текстов указывают камни с надписями из Адыльджеваза и Армавира, к которым приставлялись блоки, образующие внутренний угол.

Если длина правой внутренней стенки, где было расположено окончание текста, равнялась левой стене, то она должна была иметь длину около 164 см. Таким образом, надо считать, что значительная часть второго текста, к сожалению, до нас не дошла.

Надпись из «суси» Тейшебаини выступает теперь как один из крупнейших урартских текстов. Можно предположить, что она занимала 22 строки, протяженностью около 3 м 80 см.

Сохранившаяся часть этого большого текста, исследованная Н. В. Арутюняном, имеет первостепенное значение для истории Тейшебаини, крупнейшего урартского административно-хозяйственного центра в Закавказье VII в. до н. э.

ТЕКСТ I

Основное содержание публикуемой кармирблурской пространной надписи отражено в тексте I. В нем камни с надписью были проставлены в два ряда, причем первый ряд состоял из трех больших и конечного небольшого (кстати, еще не обнаруженного) камня, а со второго ряда пока известны три больших и два небольших камня; недостает начального (начальных?) камня (камней ?).

Начинаем чтение и интерпретацию текста первого ряда камней. Здесь, в 1-й строке, читается: ^{D}Ḫal-di-e EN ŠÚ i-ni É su-si-e ^{I}Ru-sa-a-še |^{I}A|r-giš-te-ḫi-ni-še ši-di-iš-tú-ni e-'a ^{D}Ḫal-di-| . . . . . |. Исходя из небольшой величины недостающего IV камня, общего содержания публикуемой надписи и наличия слова badusie в начале 2-й строки, конец 1-й строки можно восстановить следующим образом: -|ni-li GIŠKA′-li?|[1].

На основании сказанного, для 1-й строки текста в целом можно предложить, очевидно, следующее чтение:

^{D}Ḫal-di-e EN ŠÚ i-ni É su-si-e ^{I}Ru-sa-a-še |^{I}A|r-giš-te-ḫi-ni-še ši-di-iš-tú-ni e-'a ^{D}Ḫal-di-|ni-li GIŠKA′-li?|

Итак, видно, что в 1-й строке надписи речь идет о сооружении культовых объектов — „дома susi" и „ворот бога Халди", причем организатором этих строительных мероприятий, как и составителем надписи являлся Руса, сын Аргишти, т. е. Руса II — основатель города-крепости Тейшебаини.

В начале 2-й строки имеется слово ba-du-si-e „величественный(?)", которое относится, несомненно, к ^{D}Ḫaldinili GIŠKA′-li (урартск. šeštili) „Халдовым воротам" (resp. храму) конца 1-й строки. Далее здесь читается ^{I}A-za-i-ni KUR-ni ^{D}IM-ni URU. Это показывает, что упомянутые выше „дом susi" и „ворота бога Халди" были сооружены в городе Тейшебаини страны 'Аза. Далее следуют переходные глаголы 3-го лица единственного числа прошедшего времени ku-šú-ni „(он) воздвиг" и |at-q|a-na-du-ni „(он) посвятил". Данная фраза завершается именем бога Халди (^{D}Ḫal-di-e), которое стоит в дательном падеже.

[1] Ср. хотя бы УКН, 165, стк. 1–6.

Таким образом, под ku-šú-ni [at-q]a-na-du-ni ^{D}Ḫal-di-e подразумевается воздвижение „величественных Халдовых ворот" и посвящение их верховному богу Халди.

В конце сохранившегося отрызка 2-й строки налицо ^{I}Ru-sa-a-še a-li „Руса говорит" и знак qar. Исходя из величины недостающего камня и общего содержания публикуемой надписи, мы считаем вполне возможным под сохранившимся знаком qar видеть начало слова $^{(NA_4)}$ qar-bi „скала (?)", после чего следовало, по всей вероятности, sal-zi ma-nu[2].

Таким образом, для 2-й строки публикуемого текста можно предложить следующее чтение:

ba-du-si-e ^{I}A-za-i-ni KUR-ni ^{D}IM-ni URU ku-šú-ni [at-q]a-na-du-ni ^{D}Ḫal-di-e[3] ^{I}Ru-sa-a-še a-li qar-[bi sal-zi ma-nu?]

Следующая, 3-я строка текста начинается гетерограммой KI „земля", которая при себе имеет фонетический комплемент TIM, соответствующий аккадскому слову ERṢITU. Далее следует слово qu-ul-di-ni „пустынная", которое фиксирует состояние вышеупомянутых земель до начала строительных работ.

Далее, в 3-й строке имеется трафаретная фраза ú-i gi-[i iš-ti-ni ši-da-[ú]-[ri „ничего здесь (раньше) не было построено"[4]. Следует обратить внимание, что в известных урартских надписях мы имеем или qarbi salzi manu ui gi(ei) ištini šidauri, или же qi(u)ra(ni) (=KI^{TIM}) quldini manu ui gi(ei) ištini šidauri. Что касается публикуемого текста, то здесь встречается совокупность приведенных фраз, причем неправильный глагол manu в данном случае относится как к qarbi salzi, так и к qi(u)ra(ni) (=KI^{TIM}-a) quldini.

Вслед за рассмотренным выражением в 3-й строке читается: i-ú-me ^{D}Ḫal-di-še LUGA′L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-[· · · · · · · ·]. Приведенный текст и e-si-i LUGA′L-tú-ḫi-ni-i в начале следующей, 4-й строки вполне совпадает с аналогичными фразами других урартских надписей, которые позволяют без особого труда восстановить 3-ю строку недостающего камня нашей надписи. Так, в сардуровской летописи, например, мы имеем: ... i-ú ^{D}Ḫal-di-iš-me LUGA′L-tú-ḫi a-ru-ú-ni na-ḫa-a-di ^{LÚ}AD-si-ni e-si LUGA′L-tú-ḫi-ni... (УКН, 155G, стк.2), в одном из дубликатов той же летописи: ... i-[ú ^{D}Ḫal-di-i]š-me LUGA′L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-a-di [^{LÚ}AD-ni] e-si-i LUGA′L-tú-ḫi-ni...(УКН, 156

---

[2] Ср. надпись того же Русы II, происходящую из Маку: ... ^{I}Ru-sa-še ^{I}Ar-giš-te-ḫi-ni-še a-li qar-bi sal-zi ma-nu...„Руса, сын Аргишти, говорит: Скала была крутой..." (УКН, 280, стк. 3—4).

[3] Начало публикуемого текста вплоть до ^{D}Ḫal-di-e почти полностью совпадает с одной из надписей Сардури II, происходящих из Аргиштихинили-Армавира (УКН, 165).

[4] К переводу подобных фраз см. A. Goetze. On some Urartean verbal forms, RHA, 24, Paris, 1936, стр. 267—268. *Т. В. Гамкрелидзе.* К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка. ВДИ, 1956, № 4, стр. 143—145.

AII-AI, стк. 26—27), в надписи того же Сардури II на скале Карагаш близ Арчеша: ... i-ú ^{D}Ḫal-di-iš-me LUGA'L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-a-di ^{LÚ}AD-si-ni [e]-si-[i] LUGA'L-tú ḫi-ni... (УКН, 168, стк. 3—4) и, наконец, в одном из дубликатов Хорхорской летописи Аргишти I: ... i-ú ^{D}Ḫal-di-š[e] ^{I}Ar-gi-iš-ti-i-e ^{I}Me-nu-ú-a-ḫi-ni-^{I}e LUGA'L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-bi ^{LÚ}AD-ni e-si-i...(УКН, 128A3, стк. 17—19).

Приведенные тексты красноречиво свидетельствуют, что между ^{D}Ḫaldiše LUGA'L-tuḫi aruni naḫa[...] (недостает только окончания di этого глагола) и esi LUGA'L-tuḫini публикуемой надписи следует восстановить -[di ^{LÚ}AD-si-ni?]. В итоге получается: ...^{D}Ḫal-di-še LUGA'L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-[di ^{LÚ}AD-si-ni?] e-si-i LUGA'L-tú-ḫi-ni-i... Здесь следует иметь в виду, что в некоторых случаях вместо восстановленного ^{LÚ}AD-si-ni в урартских надписях встречается написание ^{LÚ}AD-ni (см., например, УКН, 128A3, стк. 19), однако величина строк недостающего камня делает чтение ^{LÚ}AD-si-ni более вероятным.

Под i-ú-me рассмотренной выше фразы следует видеть наречие времени iu „когда" и энклитически присоединившееся к нему личное местоимение -me „мне"; следовательно, iume означает „когда мне". Кстати, из приведенных выше примеров видно, что -me, как правило, присоединяется к ^{D}Ḫaldiše, в результате чего и получается форма ^{D}Ḫaldišme „(бог) Халди-мне", т. е. речь идет о предоставлении власти царю богом Халди: iu ^{D}Ḫaldišme LUGA'L-tuḫi aruni „когда (бог) Халди-мне царство дал".

Кроме того, нам известно, что в урартских надписях -me присоединяется также к переходным глаголам (aru-me „(он) дал-мне", artu-me „(они) дали-мне") и к относительному местоимению aluše (aluš-me „кто-мне"). Однако нам не известно ни одного случая, чтобы -me присоединялось к наречию времени iu „когда", как это встречается в публикуемом тексте.

Таким образом, наша надпись приводит еще один, притом вполне новый, пример о применении -me; к тому же она показывает, что в урартской эпиграфике слово iu „когда" применялось не только самостоятельно, как во всех известных до сих пор случаях, но и вместе с -me (iu-me „когда-мне").

Итак, рассмотренный выше отрывок строк 3—4 нашей надписи в целом можно прочесть следующим образом:

...i-ú-me ^{D}Ḫal-di-še LUGA'L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-[di ^{LÚ}AD-si-ni?] e-si-i LUGA'L-tú-ḫi-ni-i...

„... Когда-мне бог Халди царство дал, воссел (я) на отцовское место царственное...".

После конечного LUGA'L-tuḫini в 4-й строке надписи имеется слово še-er-ḫi-ni. Текст как будто подсказывает, что его следует отнести именно к предыдущему LUGA'L-tuḫini, причем оба они своими одинаковыми окончаниями -ḫini, по всей вероятности, являются определениями и относятся в конечном счете к определяемому esi „место".

Интересующее нас слово šerḫini в урартской эпиграфике встречается впервые. Однако нам кажется, что корень (основа) его šer- имеет прямое отношение к известному составному глаголу šer-d(u)- „отделять" „выделять" и т. д.[5] Следовательно, слово šer-ḫini нашей надписи, очевидно, может означать „отделенное(?)", „выделенное(?)", „самостоятельное(?)" или же „исключительное(?)", „особенное(?)" и т.п.

Таким образом, фразу esi LUGA'L-tuḫini šerḫini в целом, на наш взгляд, можно перевести так: „место царственное самостоятельное(?)" или же „царственное самостоятельное (?) место".

Далее в 4-й строке налицо указательное местоимение ini во множественном числе (i-ni-li), ^{D}Ḫal-di-ni-li KA'] „(бога) Халди ворота" (букв. „Халдовы ворота") и переходный глагол šidišt(u)- „построить", „сооружать" в первом лице единственного числа с объектным показателем -li множественного числа (ši-di-iš-tú-ú-li); объектом для этого глагола являются „Халдовы ворота" (^{D}Ḫaldinili KA'). Следует слово ba-du-si-e „величественный(?)", „великолепный(?)", которое также относится к ^{D}Ḫaldinili KA'. Таким образом, в рассмотренном выше отрывке надписи речь идет о том, что непосредственно после вступления на престол царем Руса II были сооружены величественные Халдовы ворота (resp. храм бога Халди).

Далее, в конце 4-й строки имеется ^{D}Ḫal-di-ni bi-di „со стороны (бога) Халди". Отсутствует отрывок между ^{D}Ḫaldini bidi и ^{GIŠ}KA' bidi 5-й строки. При этом, согласно надписям Ишпуини (УКН, 18, стк.10—13, 26—28) и Сардури II (УКН, 172, стк. 3—5), в аналогичных контекстах имеется ^{D}Ḫaldini bidini ^{D}Ḫaldinani KA' bidini и т.д. Следовательно, в 4-й строке недостающего камня нашей надписи, по всей вероятности, следует восстановить [^{D}Ḫal-di-na-ni].

Кстати, величина строк недостающего камня также полностью оправдывает приведенное восстановление. Следовательно, в конце 4-й строки и в начале 5-й мы должны иметь ^{D}Ḫal-di-ni bi-di[6] [^{D}Ḫal-di-na--ni] ^{GIŠ}KÁ bi-di[6]) „со стороны (бога) Халди, со стороны Халдовых ворот". Здесь привлекает внимание наличие детерминатива ^{GIŠ} „дерево" при гетерограмме KA' (урартск. šeštili) „ворота" (^{GIŠ}KA' см. также в строках 6,9,14), в то время как в других до сих пор известных нам надписях урартской эпиграфики в целом KA' встречается, как правило, без подобного детерминатива[7].

Вслед за ^{GIŠ}KA' bidi в 5-й строке имеются: ma-ni-ni „пусть будет" (3-е лицо единственного числа повелительного наклонения действительного залога от неправильного глагола manu „быть", существо-

[5] См. УКН, 20, обор. стор., стк. 26; 37, стк. 14; 99, обор. стор., стк. 7 и др. Ср. также šer-li.

[6] Вызывает удивление отсутствие знака ni (показателя отложительного падежа) в конце bidi. По нормам урартской письменности, скорее ожидалось bi-di-ni.

[7] То же самое мы имели, по-видимому, и в дефектной надписи УКН, 300, стк. 4: ...^{D}[Ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KA' bi-di...(восстановление наше). Впрочем, эта надпись имеет и некоторые другие аналогии с публикуемым текстом.

вать") и имена существительные ul-gu-še[8] „жизнь", pi-ṣu-še[9] „радость", al-su-i-še[10] „величие" и союз e-ia „и", „также", „а также" и т. п. Затем снова встречаются существительные ar-di-še „власть", „повеление". ar-ni „сила(?)" и uš-ma-še „могущество". Далее следует ᴵRu-sa-a ᴵAr--giš-|te-ḫi|.

Итак, для рассмотренных отрывков строк 4—5 можно предложить следующее чтение:

ᴰᴵJal-di-ni bi-di |ᴰᴵJal-di-na-ni| GIŠKA′ bi-di ma-ni-ni ul-gu-še pi-ṣu--še al-su-i-še e-ia[10a] ar-di-še ar-ni[11] uš-ma-še[12] ᴵRu-sa-a ᴵAr-giš-|te-ḫi|

Со стороны (бога) Халди, со стороны Халдовых ворот да будет жизнь, радость, величие, а также власть, сила(?), могущество (царю) Руса, сыну Аргишти".

Выше, для 5-й строки недостающего камня мы предложили лишь чтение -|te-ḫi| — окончание Аргишти, отчества Русы II. Но здесь недостает и некоторых других слов, для восстановления которых оказывает соответствующую услугу, прежде всего, начало текста следующей 6-й строки: KURšú-ra-u-e KURBi-a-i-na-u-e. Видно, что в данном случае мы имеем дело с трафаретной титулатурой царя, поэтому для восстановления недостающего отрывка 5-й строки следует, естественно, обратиться прежде всего к известным формулам титулатуры Русы II — составителя публикуемой надписи.

Известно, например, что Руса II в одной из адыльджевазских надписей провозгласил себя LUGA′L DAN · NU LUGA′L alsuini LUGA′L KURBiainaue LUGA′L KURMEŠ-ue alusi URUTušpae patari (УКН, 278, стк.10—12), в надписи из Маку—LUGA′L DAN · NU LUGA′L KUR · KURMEŠ-aue LUGA′L KURBiainaue LUGA′L LUGA′L-ue alusi URUTušpae URU (УКН, 280, стк. 14—16) и, наконец, в звартноцской надписи—LUGA′L DAN · NU LUGA′L alsuini LUGA′L-ni KURšuraue LUGA′L KURBiainaue LUGA′L LUGA′LMEŠ-ue alusie URUTušpae patari (УКН, 281, стк. 27—30).

Из приведенных выше примеров видно, что в титулатуре царя Руса II первое место, как правило, занимает LUGA′L DAN.NU „царь могущественный", что мы и восстанавливаем в недостающем отрывке 5-й строки. Замечается, однако, некоторое расхождение среди тек-

---

[8] В ассирийском тексте келишинской билингвы этому урартскому слову соответствует balâṭu „жизнь" (УКН, 19, ур. текст, стк. 13—ассир. текст, стк. 12).

[9] В билингве Топузава этому урартскому слову соответствует ассир. ḫadûtu „радость" (УКН, 264, ур. текст, стк. 28, 30, 31—ассир. текст, стк. 27, 28, 29). Ср. хурр. piṣ- „радоваться". J. Friedrich, HWb, стр. 323.

[10] В топузавинской билингве этому урартскому слову соответствует ассир. dannânu „сила, мощь, власть" и т. п. (УКН, 264, ур. текст, стк. 28=ассир. текст, стк.26).

[10a] Ср. это слово в аналогичной фразе надписи УКН, 276, лиц. стор., стк. 9—12.

[11] К переводу arni (а также arni(u)še, arni(u)šiniH) см. *Н. В. Арутюнян*, Заметки по урартской клинописи, „Известия АН АрмССР" (обществ. науки), 1956, № 7, стр. 89—94.

[12] Наш текст показывает, что прав А. Гетце, когда в начале 5-й строки армавирской дефектной надписи УКН, 172 восстанавливает ar-di-še (JAOS, 55, 1935, стр. 298).

тов: после LUGA′L DAN · NU в адыльджевазской и звартноцской надписях, далее, имеется LUGA′L alsuini „царь великий", в то время как в макинской—LUGA′L KUR · KUR^{MEŠ}-aue „царь стран".

Однако предполагаемая небольшая величина недостающего камня позволяет восстановить в 5-й строке лишь LUGA′L DAN · NU LUGA′L. Конечный LUGA′L уже относится к ^{KUR}šuraue и ^{KUR}Biainaue следующей 6-й строки.

Что касается фразы LUGA′L alsuini или LUGA′L GAL, то она, несомненно, отсутствовала в нашем тексте. Кстати, макинская надпись также свидетельствует, что данная фраза не всегда выступает в титулатуре Русы II.

Наконец, следует заметить, что если в других надписях определяемый LUGA′L регулярно повторяется при каждом определении — „(страны) Биайнили", „стран", „царей" и т. д., то в нашем тексте LUGA′L, упоминаемый перед ^{KUR}šuraue, относится не только к отмеченному слову, но и, одновременно, к последующему ^{KUR}Biainaue.

С другой стороны, титулатура нашего текста почти полностью совпадает с соответствующим отрывком титулатуры надписи из Маку того же Русы II. Некоторым отступлением здесь является лишь то, что вместо нашего LUGA′L ^{KUR}šuraue „царь вселенной" в макинской надписи встречается его соответствие LUGA′L KUR KUR^{MEŠ}-aue „царь стран". Вполне очевидно, что в нашей надписи титулатура представлена в несколько сокращенном виде: здесь отсутствует не только LUGA′L alsuini „царь великий" адыльджевазской и звартноцской надписей, но и alusi ^{URU}Tušpae patari „правитель города Тушпа" адыльджевазской надписи или же LUGA′L LUGA′L$^{(MEŠ)}$-ue alusi ^{URU}Tušpae patari „царь царей, правитель города Тушпа" макинской и звартноцской надписей.

После уже рассмотренной титулатуры [LUGA′L DAN. NU LUGA′L?] ^{KUR}šuraue ^{KUR}Biainaue, в 6-й строке текста налицо ^{I}Ru-sa-a-še a-li ^{D}Ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KA′ bi-di-ni gu-ni ar-di-še gu-ni ar-[· · · · · · ·]. Интерпретация начальной части приведенного отрывка не вызывает особых затруднений. ^{I}Rusaše ali ^{D}Ḫaldinani ^{GIŠ}KA′ bidini означает „Руса говорит: Со стороны ворот (храма) бога Халди". Что касается продолжения текста, то здесь возникает целый ряд препятствий, прежде всего в деле восстановления недостающего отрывка. В связи с этим следует иметь в виду также фразу ma¦-¦nu-li qu-¦du-la-ni šú-ḫi-na-ṣi в начале следующей 7-й строки.

Однако нужно обратить внимание, что с приведенным выше отрывком ^{I}Rusaše ali ^{D}Ḫaldinani ^{GIŠ}KA′ bidini guni ardiše guni ar[· · · · · · · ·] manuli qudulani šuḫinaṣi невозможно найти, к сожалению, полной аналогии и в других надписях урартской эпиграфики. С ним несколько сходится лишь соответствующий отрывок ашотакертской (Ашрут-дарга) надписи царей Ишпуини и Менуа: ...teruni ardiše qudulani šuḫinaṣi (УКН, 25, стк. 3—4, 8—9)[13].

[13] Кстати, в основном совпадает также продолжение кармирблурской и ашотакертской надписей.

Исходя из сказанного, для недостающего отрывка 6-й строки нашего текста следует, быть может, предложить восстановление ar-[di-še te-ru-bi?]. Но следует обратить внимание, что в других аналогичных фразах вместо нашего ar[diše terubi?] налицо, как правило, обратное расположение слов: terubi ardiše или teruni ‖ teirtu ardiše[14]. К тому же слово guni нашего текста, выступающее перед ardiše, в других аналогичных текстах всегда отсутствует. Кстати, вызывает удивление наличие повторного guni ardiše публикуемого текста (быть может, результат невнимательности урартского писца ?!).

Итак, на основании вышесказанного, IRu-sa-a-še a-li DḪal-di-na-ni GIŠKA' bi-di-ni gu-ni ar-di-še gu-ni ar-[di-še te-ru-bi?] можно перевести следующим образом: „Руса говорит: Со стороны бога Халди ворот воистину(?)[15] (я) установил приказ".

Переходим к интерпретации фразы ma]-[nu-li qu-[du-la-ni šu-ḫi-na-ṣi. Здесь в слове manuli мы склонны видеть неправильный глагол manu „быть", „существовать" в 3-м лице единственного числа будущего времени—„будет". Исходя из общего содержания нашего текста и наличия написания É.BA'R-ni-i-ni[16] в одной из урартских клинописных табличек, не исключена возможность, по-видимому, в слове qudulani видеть урартское раскрытие гетерограммы с фонетическим комплементом É · BA'R-ni.

Что касается šuḫinaṣi, то оно, несомненно, образовано от слова šuḫi „новый"[17] и суффикса -naṣi(e)[18]. При этом, как известно, определение šuḫe всегда стоит за определяемыми словами (GIŠuldi šuḫe, GIŠṣari šuḫe, burganani šuḫe, URU šuḫe и т. д.). Это обстоятельство указывает, по-видимому, на то, что и определение šuḫinaṣi нашего текста следует отнести к предыдущему определяемому qudulani „храм(?)".

Таким образом, исходя из вышесказанного, фразе manuli qudulani šuḫinaṣi нашего текста можно придать, по-видимому, значение „будет в(?) новом храме(?)". В самом деле, получается, что согласно упомянутому выше приказу (ardiše) в сооруженном вновь храме (qudulani šuḫinaṣi?) должны были совершаться культовые обряды, о чем повествует продолжение текста.

С другой стороны, под „домом susi" и „воротами бога Халди" мы склонны видеть составные части „Большого(!) храма"—qudulani (ср.

---

[14] УКН, 25, стк. 3, 8; 27, стк. 2, 29, 34, 90; 156AII+AI, стк. 9—10.

[15] Такой перевод слова guni предлагает И.М. Дьяконов—УПД, стр. 49.

[16] УПД, текст № 12, лиц. стор., стк. 6. В первом -ni мы склонны видеть фонетический комплемент к урартскому слову „храм" (= qudulani?!), а во втором -ni—показатель отложительного падежа. Ср. УПД, стр. 81.

[17] См. *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 120 и прим. 104. Ср. *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 53.

[18] Под šuḫinaṣi(e) Г. А. Меликишвили в УКН, 25 склонен видеть два слова (šuḫi и naṣie), однако ср. KURḪate и KURḪatinaṣie, KURlulue и KURluluinaṣi. Кстати, имеются также формы KURḪatina и KURluluina, поэтому следует, быть может, в окончании -ṣi(e) видеть показатель какого-либо падежа (возможно местного?).

„Малый храм"—É.BA′R-ṣi TUR-li—ниже со своими составными частями „дом бога Халди", „дом sir(i)ḫani" и т.д.).

Вслед за рассмотренной выше фразой manuli qudulani šuḫinaṣi в 7-й строке начинается перечисление культовых обрядов в честь нового храма: MA′Š.TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li[19] GUD ^{D}Ḫal-di-e TAG UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni | · · · · · · | „Козленок (богу) Халди пусть будет зарезан(?), бык (богу) Халди пусть будет принесен в жертву, овца—(богу) Тейшеба, овца—богу Шивини, | · · · · · · · · |. После указанного небольшого отрывка 7-й строки, культовые обряды продолжаются в следующей, 8-й строке: ...|^{D}A-ru-ba-i-ni-e UDU ^{D}Ḫal-di-na-u+e BE.LI UDU ^{D}Ḫal-di-na-u+e KA′ UDU ^{D}I-ár-šá-a

Прежде всего несколько слов о недостающем отрывке конца 7-й строки. Полной аналогии с приведенным выше порядком жертвоприношений, к сожалению, мы больше не имеем в урартской эпиграфике. Однако, согласно надписи УКН, 25, например, не подлежит никакому сомнению, что в самом конце 7-й строки нашего текста следует восстановить A′B „корова". Кстати, в пользу такого восстановления недвусмысленно говорит также ^{D}Arubainie начала 8-й строки, если иметь в виду, что согласно урартским культовым обрядам богиня 'Арубани — супруге Халди, как правило, приносится в жертву именно корова.

В связи с недостающим отрывком 7-й строки публикуемого текста привлекает внимание, с другой стороны, аналогичная фраза звартноцской надписи Русы II: ... UDU.MA′Š.TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-ni UDU ^{D}Ḫal-di-e TAG UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni-e še-ha-di-(e) DINGIR a-ni-qu... (УКН, 281, стк. 18—21, 23—25).

Исходя из вышесказанного, для недостающего отрывка конца 7-й строки нашего текста, с некоторой оговоркой, можно предложить восстановление [še-ha-di DINGIR a-ni-qu[20] A′B??].

Таким образом, для рассмотренных выше отрывков строк 7—8 нашего текста можно предложить, по-видимому, следующее чтение:

MA′Š.TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li GUD ^{D}Ḫal-di-e TAG[21] UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni |še-ha-di DINGIR a-ni-qu A′B?| ^{D}A-ru-ba-i-ni-e UDU ^{D}Ḫal-di-na-u+e BE.LI UDU ^{D}Ḫal-di-na-u+e KA′ UDU ^{D}I-ár-šá-a

„Козленок пусть будет зарезан(?) богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, овца—богу Тейшеба, овца—богу Шивини, šeḫadi бог aniqu? корова—богине Арубаини, овца—оружию бога Халди, овца—воротам бога Халди, овца—богу И(у)арша".

В приведенном выше отрывке представляет определенный интерес наличие имени бога Иарша, который в перечислении жертвоприноше-

[19] Такое написание встречается также в звартноцской надписи того же Русы II (УКН, 281, стк. 23). В остальных случаях: ni-ip-si-du-li-ni. Ср. *A. Goetze*, RHA, 24, стр. 274. *Г. А. Меликишвили*, УКН, 281, стк. 23 и прим. 4.

[20] Быть может, эта непонятная фраза здесь выступала в несколько сокращенной форме, ибо имеющееся место как будто не совсем достаточно для такого полного восстановления. В противном случае следует допустить сжатое написание здесь текста или же повторение гласных и т. д. в других строках этого недостающего камня.

[21] Соответствует урартскому глаголу ugr(u)-.

ний занимает лишь последнее место: перед ним стоят не только Халди, Тейшеба и Шивини — верховная триада урартских богов, Арубани — супруга Халди, но и оружие и ворота бога Халди. Кстати, И(у)арша упоминается также в двух идентичных надписях, происходящих из Эребуни-Аринберда (DI-ú-ár[22]-šá-a), где в честь его сооружается „дом susi“[23]. Отсутствие его в пантеоне урартских богов мхеркапусинской культовой надписи и упоминание лишь в надписях из Эребуни и Тейшебаини приводят нас к выводу, что в лице И(у)арша (Иубша) мы имеем, по-видимому, не урартское, а местное 'азайское божество[24].

Далее в 8-й строке налицо IRu-sa-a-še a-li DḪal-[· · · · · · ·]. Исходя из общего содержания нашего текста и наличия DḪal-, в недостающем отрывке рассматриваемой строки нетрудно восстановить -[di-ni bi-di-ni][25] и тогда получится IRu-sa-a-še a-li DḪal-[di-ni bi-di-ni] „Руса говорит: Со стороны бога Халди“...

В начале 9-й строки имеется в урартских источниках до сих пор не засвидетельствованное слово si-li-iš-t[i?]-li. Здесь перед нами, по-видимому, не известный до сих пор непереходный глагол sil-išt-. Под -išt- мы склонны видеть энклитическую частицу, которая нередко встречается в урартских глаголах (ср. šid- и šid-išt-, nul- и nul-ušt-, ul- и ul-ušt-). Глаголы с показателем непереходности i типа нашего silištili уже известны в урартской эпиграфике — suluštibi, aištibi, kuluaršibi.

Основа sil- интересующего нас слова silištili, быть может, имеет отношение к основе silu- непереходного глагола silu-a-di („быть расположенным (милостиво к кому-либо?“) и причастия silunini („расположенный?“)[26], однако возникают некоторые сомнения в связи с наличием дополнительного -u- в основе последних.

Далее в 9-й строке можно прочесть: ma-si-ni-li GIŠKA′ al-zi-na-i DḪal-di-na-a KA′ bi-di su-u-i-u-li ta-nu-li-ni i-na-a [· · · · · · · ·].

Здесь первое слово masinili является притяжательным местоимением 3-го лица множественного числа — „свои“. Кстати, если форма единственного числа этого местоимения masi(ni) в урартской эпиграфике встречается сплошь и рядом, то форма множественного числа masinili представляет довольно редкое явление. Это слово в нашем тексте выступает в качестве определения к GIŠKA′ („воротам“) и согласуется с ним в числе и падеже (множ. число абсолютного падежа)[27]. Следовательно, masinili GIŠKA′ (ср. DḪaldinili KA′-(li) — УКН, 65, стк. 6; 73, стк. 4) означает „свои ворота“, т.е. речь здесь идет о тех же „воротах бога Халди“ (храме).

---

[22] Вместо ár возможно также чтение ub.

[23] См. УКН, стр. 451—452, № 8—9.

[24] Об этом подробнее см. на стр. 94 настоящей работы.

[25] Ср. выше, стк. 4—5. Быть может, DḪal-[di-na-ni KA′ bi-di?].

[26] См. *Г. А. Меликишвили*, УКН, стр. 405.

[27] Следует иметь в виду, что слово „ворота“, выступает ли оно в урартской форме šeštili или же в гетерографическом его соответствии (GIŠ)KA′-(li), всегда воспринимается во множественном числе. Кстати, и в УКН, 128А4, стк. 10 определение masinili как будто согласуется с определяемым ḫurunili.

Р 21554
ՀԱՅԿ.ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՖՈՒՆԴԱՄԵՆՏԱԼ ԳՐԱԴԱՐԱՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ

Встречающееся далее в 9-й строке текста слово al-zi-na-i известно также по надписям УКН, 279 и 301. Согласно последней, где alziniei относится к pulusi („надпись", „стела", „памятник"), Г. А. Меликишвили слову alzini предположительно придает значение „наскальный(?)". Что касается нашей надписи, то в ней alzinai выступает в связи с „храмом" (GIŠKA′), поэтому указанный выше перевод „наскальный", быть может, подходит и к нашему тексту, тем более, что цитадель Тейшебаини, в комплексе сооружений которой числится также интересующий нас храм, является именно наскальной крепостью.

Затем в 9-й строке имеется вообще понятное, но грамматически трудно объяснимое словосочетание ^{D}Hal-di-na-a KA′ bi-di. При отсутствии конечного bidi, например, нетрудно было бы воспринять его в местном падеже множественного числа („в Халдовых воротах"), но с bidi это словосочетание примыкает, как будто, к ^{D}Hal-dinani GIŠKA′ bidini („со стороны ворот бога Халди") 6-й строки нашего текста.

Далее следует слово su-u-i-ú-li, являющееся, по-видимому, переходным глаголом 3-го лица единственного числа повелительного наклонения страдательного залога[28]. В связи с suiuli привлекают наше внимание глаголы с распространенной в урартском основой d: ср. ar(u)- и ar-d(u)-, aš(u)- и aš-d(u)-, luruq(u)- и luruqu-d(u)-, ter(u)- и ter-d(u)- и т.д. и т.п. Исходя из этого, естественно, возникает мысль: не имеет ли отношение suiuli нашего текста к suiduli других надписей?[29]

Имеющееся далее в 9-й строке слово ta-nu-li является, по-видимому, переходным глаголом tan(u)- „делать", „совершать" и т.д. (ср. хурр. tan-)[30] в 3-м лице единственного числа повелительного наклонения страдательного залога. Что касается i-na-a | · · · · · · | в конце 9-й строки, то под ним следует усмотреть, по-видимому, форму местного падежа от указательного местоимения ini „это" (ina-„в этом", „в этой"), если, конечно, в данном случае мы имеем дело с завершенным словом, как i-na-a в УКН, 99, обор. стор., стк. 4,5. Но не исключена возможность, что здесь имелось начало inaini, inahini, inani или inani(e)li.

В начале 10-й строки имеется наречие места в отложительном падеже e-di-ni „оттуда(?)", а затем ši-du-li-ni, под которым следует, по-видимому, усмотреть переходный глагол šid(u)- „строить", „сооружать" в 3-м лице единственного числа будущего времени или повелительного наклонения страдательного залога. Далее налицо непонятное трафаретное словосочетание me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni[31].

---

[28] Глагол suiuli выступает также в одной из армавирских надписей. См. ниже: текст IV, стк. 1.

[29] Пока трудно найти точки соприкосновения глаголов suid(u)- („выбрасывать", „отбрасывать" и т.д.) и sui(u)-. Собственно говоря, даже трудно настаивать на этом, если иметь в виду, что в некоторых случаях указанный выше d в глаголах может быть коренным. Ср., например, ši(u)- „приносить" („приводить"), „уносить" („уводить") и šid(u)- „строить", „сооружать", „воздвигать".

[30] J. *Friedrich*, HWb, стр. 325. *И. М. Дьяконов*, ЭВ, IV, стр. 113, прим. 8.

[31] Эту фразу см. также: текст I, стк. 13; текст II, стк. 11; текст IV, стк. 2, 6; текст V, стк. 8, 9, 11.

Следует слово a-še „когда" и переходный глагол ta-nu-li, который мы склонны рассматривать в 3-м лице единственного числа будущего времени, на что указывает не только глагольное окончание -li, но и предшествующее наречие времени aše. Под глаголом tan(u)- подразумевается, очевидно, не что иное, как сооружение „Халдовых ворот", неоднократно упоминаемых в публикуемом тексте.

С конца 10-й строки текста вновь повторяется повествование о необходимости жертвоприношения в честь сооруженных (или сооружаемых?) культовых объектов: ...MA'Š·TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li [· · · · · · · · ·]. Наличие ^{D}Ḫal-di-e TAG A'B ^{D}A-ru-ba-i-ni в начале следующей 11-й строки и сопоставление приведенного выше отрывка конца 10-й и начала 11-й строк с аналогичными отрывками нашего текста и других надписей, когда богу Халди приносится в жертву не только козленок (UDU·MA'Š·TUR), но и бык (GUD=pahini), не оставляют сомнения в том, что в недостающем отрывке конца 10-й строки следует восстановить -[i-ni] (окончание глагола nipsidulini) и GUDpa-ḫi-ni—„бык", „крупный рогатый скот".

Исходя из сказанного, указанные выше отрывки строк 10—11 можно прочесть следующим образом: ... MA'Š.TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-[i-ni GUDpa-ḫi-ni?][32] ^{D}Ḫal-di-e TAG A'B ^{D}A-ru-ba-i-ni... „Козленок пусть будет зарезан богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, корова—богине Арубаини"...

Далее в 11-й строке мы имеем a-še ši-di-iš-tú-li pa-ḫa-zu-li MA'Š·TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-ni...Слово aše, как и выше, является, очевидно, наречием времени „когда", а šidištuli—переходным глаголом šid-išt(u)-(ср. šid(u)-) „строить", „сооружать" в 3-м лице единственного числа будущего времени. Очевидно в таком же лице, числе и времени выражен здесь неизвестный до сих пор переходный глагол paḫaz(u)-. Судя по контексту, этому глаголу следует, по-видимому, придать значение „обставлять(?)", имея в виду, что, по сведениям древневосточных клинописных источников, культовые обряды в сооруженных вновь храмах совершаются, как правило, после их обставления[33]. Таким образом, приведенную выше фразу aše šidištuli paḫazuli MA'Š·TUR ^{D}Ḫaldie nipsidulini можно перевести: „Когда будет построен, обставлен(?) (храм), козленок пусть будет зарезан богу Халди".

А сейчас несколько слов о возможности восстановления недостающего отрывка 11-й строки. Предыдущая фраза MA'Š·TUR ^{D}Ḫaldie nipsidulini со всей очевидностью показывает, что вслед за ней следует восстановить GUD ^{D}Ḫal-di-e TAG. В самом деле, в пользу такого восстановления говорят не только тождественные фразы других урарт-

[32] Ср. выше, текст I, стк. 7—8, а также УКН, 25, стк. 4—5, 9—10; 27, стк. 3—4; 281, стк. 18—20, 23—24. В культовых текстах, как правило, фигурирует гетерографическое соответствие GUD этого урартского слова pahini, однако гетерограмма GUD совершенно недостаточна для заполнения недостающего отрывка 10-й строки нашего текста.

[33] Ср., например, подобные сведения хеттских клинописных источников. *В. Н. Хачатрян*, Хеттская надпись KUB, XXIX, № 4. „Вестник общественных наук" АН АрмССР, 1966, № 2, стр. 59—74.

ских надписей, но и наличие начала знака GUD в конце сохранившейся части 11-й строки. Таким образом, здесь (как и выше) видно, что после сооружения и обставления храма верховному богу Халди приносится в жертву не только козленок, но и бык.

Здесь кончается текст первого ряда камней. Однако до чтения и интерпретации текста второго ряда камней следует еще остановиться на глаголах tan(u)- и šidišt(u)-, выступавших в рассмотренном выше тексте. При этом мы уже говорили о сходности значения этих глаголов. Здесь нужно лишь добавить, что глагол tan(u)- отображает, по-видимому, сооружение храма в начальной его стадии (возможно, при заложении основ?), а šidišt(u)-, быть может, при завершении работ. Иначе трудно объяснить требование надписи о совершении культовых обрядов тó во время tanuli (aše tanuli — стк. 10), тó при šidištuli (aše šidištuli — стк. 11) храма[34]. Кстати, глаголы tan(u)- и šid(u)- в неразрывной связи выступают также в известной кешшигельской надписи, где tanubi относится к созданию искусственного озера, а šiduli — к сооружению Русахинили (iu[35] ᴵRusaḫinili šiduli iu[35] ini ṣue tanubi[36]).

Таковы, в основном, наши соображения по поводу чтения и интерпретации текста первого ряда камней. Продолжение рассматриваемого текста следовало на камнях второго ряда.

***

Переходя к чтению текста второго ряда камней, следует обратить внимание, что конечная 11-я строка первого ряда камней завершается, как известно, так: ...MA′Š·TUR ᴰḪaldie nipsidulini GU[D ᴰḪaldie TAG?]. Исходя из общего содержания публикуемого текста, нетрудно прийти к выводу, что в начале второго ряда камней следовало, по-видимому, или A′B ᴰ′Arubaini (как в строках 10—11), или же UDU ᴰIM-a UDU ᴰUTU-ni и т.д. (как в строках 7—8). Кстати, первая из указанных возможностей (A′B ᴰ′Arubaini) как раз встречается в начале одного из левосторонних (начальных) камней второго ряда. Однако он вряд ли являлся начальным (первым) камнем второго ряда. На это указывает хотя бы наличие -ṣi TUR в начале 2-й строки (13-я строка общего текста), которая является, по всей вероятности, продолжением комбинации Ê·BA′R-ṣi TUR, встречаемой несколько выше, в 12-й строке текста.

---

[34] Кстати, глагол tanuli является начальной стадией также при повествовании о виноградниках: aše GIŠuldi tanuli ᴰḪaldie III UDU TAG III UDU DINGIRMEŠ aše GIŠuldi mešuli ᴰḪaldie III UDU TAG III UDU DINGIRMEŠ UKKINMEŠ... (CICh, 18, стк. 30—31 = УКН, 27, стк. 30—31). Быть может, глагол tanuli связан здесь с разбивкой виноградников, а mešuli — со сбором урожая и т.д. Глагол tan- И. М. Дьяконов воспринимает в смысле „совершать", „завершать" — ПС, стр. 398.

[35] Соответствует слову aše нашего текста.

[36] *Г. А. Меликишвили*, УКН, 268, стк. 9—10.

Исходя из сказанного, мы склонны думать, что недостает, по крайней мере, еще одного небольшого камня в начале второго ряда, в 1-й строке которого могло быть высечено: UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni и т.д. (ср. выше, стк. 7). Следовательно, здесь, как и выше, в строках 7—8, могло быть повествование о необходимости жертвоприношения не только в честь бога Халди и его супруги Аруба(и)ни, но и в честь богов Тейшеба, Шивини и т. д.

Таким образом, приступая к чтению и интерпретации сохранившегося текста второго ряда камней, следует отметить, что в начале 12-й строки общего текста[37] имеется ...]A′B ^{D}A-ru-ba-i-ni. Здесь речь идет о необходимости жертвоприношения коровы верховной богине Аруба(и)ни. Далее в рассматриваемой строке написано: a-še ^{D}Ḫal-di-e-i É.BA′R-ṣi TUR-li a-gu-li MA′Š·TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li. Здесь привлекает внимание прежде всего глагол aguli. Перед нами, по-видимому, тот же переходный глагол ag(u)-, выступающий в строительных надписях в значении „проводить“ (ini pili agubi/ni „этот канал (я/он) провел“), а в победных текстах—„уводить“ (пленных): aliki zašgubi aliki šeḫeri agubi „одних (я) умертвил, других живыми увел“.

Что касается глагольной формы aguli нашего текста, то она в урартской письменности встречается лишь впервые. Нам кажется, что в данном случае мы имеем известный переходный глагол ag(u)-, но уже не в прошедшем (как приведенные выше примеры), а в будущем времени, с возможным значением „сделать“, „сооружать“ и т.п. Речь идет, очевидно, о сооружении „Малого храма бога Халди“ (^{D}Ḫaldiei É·BA′R-ṣi TUR-li), в честь чего и предвидится жертвоприношение козленка богу Халди и т.д. (MA′Š·TUR ^{D}Ḫaldie nipsiduli).

Продолжение текста следовало в соответствующей строке недостающего начального камня (камней?), поэтому нам остаются неизвестными другие культовые обряды, проведенные в честь сооружения „Малого храма бога Халди“. Но уже факт совпадения начала обрядов (MA′Š·TUR ^{D}Ḫaldie nipsiduli) при сооружении qudulani—„Большого(!)“ храма („дома susi“ и „ворот бога Халди“) и ^{D}Ḫaldiei É·BA′R-ṣi TUR-li—„Малого храма бога Халди“ как будто говорит в пользу того, что, возможно, были и некоторые другие общности в культовых обрядах, произведенных в честь „Большого (?)“ и „Малого“ храмов.

Кармирблурская надпись повествует, по-видимому, о необходимости проведения культовых обрядов в честь двух основных сооружений—„Большого(?)“ храма, составными частями которого являлись, возможно, дом susi и ворота бога Халди (см. выше) и „Малого“ храма с составными частями дома бога Халди (см. ниже, стк. 14, 20, 21), дома sir(i)ḫani (см. ниже, стк. 15, 16, 20, 22) и дома adunusini (см. текст II, стк. 5, 9).

---

[37] Первую строку текста второго ряда камней мы рассматриваем продолжением конечной 11-й строки первого ряда, поэтому в общем тексте обозначаем ее цифрой 12. На этом же основана и последующая нумерация строк.

В начальной части 13-й строки сохранились знак şi и гетерограмма TUR. Вполне вероятно, чтобы здесь мы имели ...É · BA′R]-şi TUR (ср. выше, стк. 12: É·BA′R-şi TUR-li). Далее следует ur-di-a-li (быть может, ur-di a-li). Является ли это слово определением к предыдущему [É·BA′R?]-şi TUR, или непереходным глаголом — трудно сказать что-нибудь определенное[38].

В 13-й строке текста далее налицо урартское слово iš-ti-ni „здесь"[39]. Следуют переходные глаголы ka-qu-li 'a-hu-li-ni, которые стоят, по-видимому, в 3-м лице единственного числа будущего времени (или повелительного наклонения страдательного залога?). Далее имеется трафаретная фраза KITIM-a qul-di-ni-ni me-i e-ši-me-şi el-mu-še ma-nu-ni[40]. Кстати, глагол 'ahulini в тождественном контексте выступает также в одной из адыльджевазских надписей того же Русы II (см. ниже, текст V, стк 11). Кроме того, 'ahulini здесь, в строке 5, упоминается в связи с гетерограммой NA_4 („камень" (с надписью), „стела" и т.п.). В другой же надписи (УКН 65, стк. 30—31) 'ahuli(e) встречается в связи с новыми виноградниками, причем после их разбивки (aše GEŠTINMEŠ šuhie 'ahulie...).

Таким образом, 'ah(u)- в урартской эпиграфике выступает то в связи с „Малым храмом", то с камнем (с надписью), то с новыми виноградниками (вином?). Исходя из этого, глаголу 'ah(u)- следует придать, быть может, значение „завершать(?)", „подготовлять(?)" и т.п.[41].

Для следующей 14-й строки можно предложить чтение:

...]a-li ^{D}Ḫal-di-na-ni GIŠKA′ UDU e-ra-ši-ni[42] ú-ú-li a-li[43] ^{LÚ}pa-la-gi ma-nu-li áš-du-li-ni ^{D}Ḫal-di-ni-e É

В приведенном не совсем понятном тексте трудно сказать что-нибудь определенное по поводу ...]a-li начала строки, тем более, что само слово ali (если, конечно, здесь мы имеем самостоятельное слово, а не окончание какого-либо предыдущего слова) в урартской эпиграфике засвидетельствовано в трех значениях: переходного глагола 3-го лица единственного числа настоящего времени („говорит"), относительного местоимения („который, кто, что" и т.п.) и наречия времени („когда?"). Далее снова встречается культовый объект ^{D}Ḫaldinani GIŠKA′ в отложительном падеже множественного числа („от ворот

---

[38] Быть может, под urdiali мы имеем урартское раскрытие гетерограммы TUR „малый"; тогда вместе с вышеприведенным словосочетанием читай [É·BA′R]-şi TURurdiali? (ср. выше, стк. 12: É·BA′R-şi TUR-li).

[39] К переводу этого слова см. *Н. В. Арутюнян*, Заметки по урартской клинописи. „Известия АН Армянской ССР" (обществ. науки), Ереван, 1956, № 7, стр. 96, прим. 4.

[40] Здесь засвидетельствована запретительная форма повелительного наклонения неправильного глагола manu „быть, существовать" в 3-м лице единственного числа с отрицанием mei „пусть не". Ср. аналогичные фразы: me kui tini manuni (УКН, 280, стк. 12), mei absi bauše bidi manuni (УКН, 268, стк. 23—24).

[41] Ср. *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 106 и прим. 18. *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 87.

[42] Быть может, UDUe-ra-ši-ni? UDUe-ra ši-ni? lu-e-ra-ši-ni? lu-e-ra ši-ni?

[43] Быть может, ú-ú-li-a-li? Ср. ú-ú-la-li ниже, в 16-й строке.

бога Халди"), гетерограмма(?) UDU вместе со словом erašini[44], uli ali (или uliali?) и LÚpalagi (читай LÚpalaji!)—возможно название профессии, служителя храма[45].

В слове manuli 14-й строки следует видеть неправильный глагол manu „быть", „существовать" в 3-м лице единственного числа будущего времени, а в ašdulini—переходный глагол ašd(u)-„предназначать(?)", „определять(?)" и т.д.[46] в том же лице, числе и времени. Рассматриваемая строка текста завершается упоминанием культового объекта „дом бога Халди" (DHaldinie É), который ниже встречается неоднократно (см. текст I, стк. 20, 21; текст II, стк. 10).

Переходим к чтению и интерпретации текста следующей 15-й строки. Здесь написано:

...] ku-ši-i-ni DHal-di-i-ka D'A-ru-ba-i-ni-ka i-šá-ni ši-i-ni za-di-i-ni TAG É si-ir-ḫa-ni-ni ma-ri-a-ḫi-ni

Несмотря на отсутствие начального камня с надписью, можно не сомневаться в том, что под kušini мы имеем самостоятельное слово. На это указывает то же слово ku-ši-i-ni, встречаемое в следующей 16-й строке настоящего текста. В данном случае мы имеем лишь первое упоминание слова kušini в урартской эпиграфике в целом, причем контексты, в которых оно выступает, не позволяют, к сожалению, сказать что-нибудь определенное по поводу перевода kušini.

Однако, с другой стороны, не исключена, по-видимому, возможность, чтобы интересующее нас слово kušini имело прямое отношение к корню (основе) глагола kuš- („строить", „воздвигать"), встречаемого во 2-й строке нашего текста, а также в 6-й строке аналогичной надписи УКН, 165. Можно, по-видимому, предположить, что kuš-uni и kuš-ini исходят из одного и того же корня (основы) kuš-, причем, если в первом случае мы имеем глагольную форму, то во втором форму имени существительного(?) (прилагательного?). В таком случае слову kušini следует придать, быть может, значение „свершение(?)", „постройка(?)", „сооружение(?)" и т. п.[47]

В связи со сказанным привлекают внимание также слова zadini (стк. 15), šini (стк. 15, 17, 20) и ašini (стк. 22), корни (основы) которых zad-,ši-, aš- совпадают соответственно с корнями (основами) гла-

---

[44] UDU erašini встречается также в аналогичной надписи из Аргиштихинили—см. ниже, текст IV, стк. 7.

[45] Кстати, в нашей надписи упоминается также название другой профессии—служителя храма (см. ниже, текст II, стк. 2: LÚa-u-e-i-ṭé-ni).

[46] В билингве Топузава (УКН, 264, ур. текст, стк. 23—ассир. текст, стк. 22) урартскому ašdubi соответствует, по-видимому, ассирийский глагол aškun (от šakānu „делать, передавать, определять" и т.д.). Об ассирийском šakānu (škn) подробнее см. *Fr. Delitzsch*, AL. *Л. А. Липин*, АЯ, вып. II.

[47] С окончанием -ni в урартском известны имена существительные algani „граница(?)", arni „сила(?)", ebani „страна", narani „народ", paḫini „крупный рогатый скот", qarqarani „панцирь", šani „сосуд", tini „имя", „название" и т.д. и т. п.

голов zad(u)-, ši(u)-, aš(u)- или aš-d(u)-. Подобные примеры в урартской эпиграфике засвидетельствованы и в некоторых других случаях: bid(u)- и bid-ini, ḫa(u)- и ḫa-ini, ḫa-itini, ter(u)- и ter-ihini, zaš(u)- и zaš-e, zaš-ili, ašḫ-ašt(u)- (ср. ašḫ(u)-?) и ašḫ-ašt-ini, ašḫ-ašt-itini, ašḫ--ašt-eše и т.д. и т.п. Все это, конечно, нуждается в дополнительной аргументации в каждом отдельном случае. Однако не остается как будто сомнения в том, что образование глаголов и существительных(?) от одних и тех же корней в урартском языке было широко распространено.

В 15-й строке, после уже рассмотренного kušini, как известно, следует ^{D}Ḫal-di-i-ka ^{D}A-ru-ba-i-ni-ka „перед богом Халди, перед богиней Арубаини". Имеющееся далее слово išani („с той (стороны)", „оттуда") в нашем тексте (как и в УКН, 155F, стк. 13–14) следует, по-видимому, воспринять в значении „потом(?)", „после(?)" и т.п. В таком случае текст 15-й строки повествует, возможно, о необходимости жертвоприношения (TAG) перед статуями бога Халди (^{D}Ḫaldi--ka) и богини Арубаини (^{D}Arubaini-ka) после сооружения(?) (išani šini zadini) культового объекта „дом sir(i)ḫani", в котором предвидится, по-видимому, установить статуи верховных урартских богов.

Можно полагать, что упомянутый дом sir(i)ḫani (ср. siri, sirani?), наряду с домом Халди (^{D}Ḫaldini É – стк. 14, 20, 21), являлся, по-видимому, составной частью „Малого храма бога Халди" (^{D}Ḫaldiei É·BA'R--ṣi TUR-li – стк. 12). Что касается слова mariaḫini (ср. marini „укрепление?") конца 15-й строки, то по своей форме оно как будто является именем прилагательным(?), поэтому мы склонны mariaḫini предположительно считать эпитетом к „дому sir(i)ḫani".

Для 16-й строки надписи можно предложить следующую транслитерацию:

...] a-li i-ni ú-li ^{KUR}šú-ri-li$_9$ ú-ú-la-li áš-du-li$_9$-ni É si-ir-ḫa-ni-ni su-si-ni-ka ku-ši-i-ni áš-ḫa-áš-ti-ni

Здесь, как и в начале 14-й строки, трудно сказать что-нибудь определенное по поводу ...]ali, не только потому, что слово ali в урартской эпиграфике выступает в разнообразных значениях (глагола, относительного местоимения, наречия времени), но и по той причине, что мы не уверены в наличии здесь самостоятельного слова (быть может, ...]ali окончание какого-либо предыдущего слова?). Далее, как известно, имеется указательное местоимение ini („этот, эта, это"), а затем, по-видимому, определительное местоимение uli („другой")[18].

В связи со словом ^{KUR}šú-ri-li$_9$ привлекает внимание прежде всего знак li$_9$. Он встречается также в áš-du-li$_9$-ni рассматриваемой строки и в te-er-du-li$_9$ 4-й строки текста II. Примечательно, что в данном случае мы имеем совершенно новый вариант знака li не только в урартском письме, но и в древневосточной клинописи вообще. До сих

---

[18] uli по своей форме совпадает с глаголом ul- 2-го лица единственного числа повелительного наклонения действительного залога („иди").

пор мы имели лишь восемь вариантов знака li[49]. Чтобы сэкономить место в текстах, здесь в урартскую клинопись был введен довольно „короткий" вариант знака li[50] (он занимает примерно втрое меньше места, чем обычный li).

Но что же можно подразумевать под KURšurili нашего текста? Известно, например, что урартскому KURšurili (в тексте форма родительного падежа множественного числа: KURšuraue) в келяшинской билингве соответствует ассирийское kiššatu „множество", „совокупность", „вселенная", „мир" и т.д. (УКН, 19, ур. текст, стк. 3,18= ассир. текст, стк. 2,16).

Следует иметь в виду, что вместо фразы LUGA'L KURšuraue в титулатуре урартских царей иногда встречаем LUGA'L KUR·KUR MEŠ-aue „царь стран", поэтому следует думать, что под KURšurili надписей подразумевается не только коренная территория Биаинили-Урарту, но и урартская империя в целом, со всеми покоренными впоследствии „странами".

Однако в нашей надписи KURšurili выступает, как известно, не в титулатуре царей, а в совершенно ином контексте. Примечательно, что написание KURšurili (абсолютный падеж множественного числа) встречается также в двух других урартских надписях (УКН, 128А4, стк. 4; 276, лиц. стор., стк. 30), интересующие нас контексты которых, как и наш, поддаются толкованию очень туго.

В связи с интерпретацией слова šurili представляет определенный интерес клинописная таблетка из Топрах-кале, согласно которой среди дворцового персонала Русахинили, в числе представителей высшей знати, упоминаются 300 человек LÚKUR·KURMEŠ , которых И. М. Дьяконов отождествляет с šurili (ср. выше, LUGA'L KUR·KURMEŠ-aue= LUGA'L KURšuraue), и считает их „полноправными гражданами, способными носить оружие", т.е. „вооруженными свободными"[51]. Быть может, и под KURšurili нашего текста следует подразумевать представителей высшей знати — вооруженных свободных государства Урарту[51a], которые также должны были приносить жертву в случае посещения ими культового объекта „дом sir(i)hani". На это указывает, по-видимому, ulali ašdulini É sirhanini и ašhaštini рассматриваемой строки.

Сейчас несколько слов о глагольной форме ulali рассматриваемой 16-й строки. Здесь засвидетельствована форма непереходного глагола, на что указывает показатель -a- между корнем ul- и окончанием -li. Но следует иметь в виду, что непереходный глагол ul(a)- „идти" до сих пор известен лишь в 1-м (uladi) и 3-м (ulabi) лицах единственного числа прошедшего времени, а также во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения (uli). Что касается ulali нашего текста,

---

[49] *René Labat*, MÉA, стр. 261.

[50] По своему начертанию он совпадает со знаком liš/s, на что мы указывали и раньше — *Н. В. Арутюнян*, ИФЖ, 1962, № 3, стр. 102, 114.

[51] *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 31 (текст №12, лиц. стор., стк. 15), 82.

[51a] Возможно, šurili — определенные слои населения подчиненных стран.

то под этой совершенно новой глагольной формой мы склонны видеть форму 3-го лица единственного числа будущего времени[52]. По-видимому, в том же лице, числе и времени стоит также последующий глагол ašdulini[53].

Что касается словосочетания É sirḫanini susini-ka, то здесь имеется важное сообщение о том, что дом sirḫani составная часть „Малого храма" (É·BA′R-ṣi TUR-li) был сооружен перед домом susi — составной частью „Большого(!) храма" (qudulani?). Рассматриваемая 16-я строка завершается словами kušini и ašḫaštini, корни которых мы склонны отождествить с корнями глаголов kuš(u)- и ašḫ-ašt(u)- или ašḫ(u)-[54].

В таком случае под kušini и ašḫaštini (ср. ašḫaštitini, ašḫašteše) следует видеть, по-видимому, имена существительные, причем kušini со значением „свершение(?)", „постройка(?)", „сооружение(?)" и т.п. (ср. kuš(u)- „воздвигать", „строить"), а ašḫaštini — „пожертвование(?)", „жертвоприношение(?)" и т.п. (ср. ур. ašḫ(u)- и хурр. ašḫ- „жертвовать", „учреждать (жертву)"[55].

Переходим к чтению и интерпретации 17-й строки надписи:

^{D}Ḫal-di-e i-šá-ni ši-i-ni za-di-ni¦ TAG ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′-ka a-lu-si me-ri-ip-te ma-nu-li ši-i-ni me-ru-ni

Здесь как будто речь идет о необходимости совершения жертвоприношения в честь бога Халди перед Халдовыми воротами (^{D}Ḫaldie išani šini zadini ^{D}Ḫaldinani KA′-ka), в отличие от предыдущего жертвоприношения перед Халди и Арубаини (resp. перед их статуями!), которые, вероятно, были установлены в доме sir(i)ḫani (^{D}Ḫaldi-ka ^{D}Arubaini-ka išani šini zadini TAG É sirḫanini — стк. 15).

Имеющееся далее, в 17-й строке, слово alusi в урартских надписях, как известно, выступает со значениями „правитель" (alusi ^{URU}Tušpa-patari „правитель Тушпа-города) и „господин" (alusinini(=EN-sinini) alsušini „господским величием"). Это последнее значение как будто лучше подходит к нашему тексту. Тогда речь идет, вероятно, о необходимости жертвоприношения в честь бога Халди перед его „воротами" (храмом) в случае посещения „Халдовых ворот" какого-либо высокопоставленного лица — „господина" (ср. выше, сведения о ^{KUR}šurili) Урартской державы.

Более сложно обстоит дело с интерпретацией слова meripte, которое встречается также в одной из аналогичных надписей, происходящих из Аргиштихинили-Армавира (см. ниже, текст IV, стк. 10). К

---

[52] Она полностью совпадает с формой 3-го лица множественного числа прошедшего времени (ср. uštali).

[53] О глаголе ašd(u)- см. выше, стр. 23 и прим. 46.

[54] Об этом подробнее см. стр. 23—24 настоящей работы.

[55] См. *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 87. Переходный глагол ašḫ(u)- А. Гетце и Г. А. Меликишвили переводят „выполнять(?)", „исполнять(?)", „устраивать(?)", „совершать(?)"—*A. Goetze*, RHA, 1936, Fasc. 24, стр. 273. *Г. А. Меликишвили*, УКН, стр. 390 - 391.

сожалению, в настоящее время невозможно установить значение этого слова, однако можно почти не сомневаться в том, что под словом meripte мы имеем имя существительное с редко встречающимся в урартском суффиксом -ipte. В таком случае из корня этого слова, в конечном счете, мы склонны выводить также merini конца рассматриваемой 17-й строки.

Слово merini является, по всей вероятности, переходным глаголом 3-го лица единственного числа прошедшего времени. Предложенная интерпретация о словах mer-ipte и mer-u-ni станет, как нам кажется, в достаточной мере аргументированной, если иметь в виду аналогичные примеры ušt-ipte и ušt-u-ni с корнем ušt-. Что касается слова manuli, то в нашем тексте (ср. manuli в строках 14 и 19), как правило, следует с уверенностью воспринять его в будущем времени „будет" (от неправильного глагола manu „быть", „существовать").

Для следующей 18-й строки надписи, по нашему мнению, можно предложить такое чтение:

^{D}Hal-di-na-ni KA′-ka-i a-li ur-pu-a-ṣi ^{D}Hal-di-na-ni KA′ šú-i-ni-ni zi-el-di ŠÀ ^{I}Ru-sa-a ar-du-li-ni

^{D}Haldinani KA′-kai стоит во множественном числе творительного падежа, поэтому его можно перевести: „перед Халдовыми воротами". Следующее слово ali, согласно контексту, как будто должно иметь значение наречия времени „когда(?)". Urpuaṣi[56] (ср. TAG-ṣinini в строке 19) является урартским соответствием гетерограммы TAG „жертва", „пожертвование", причем в нашем тексте urpu встречается лишь в рассматриваемой строке, в то время как TAG неоднократно (см. стк. 7, 11, 15, 17, 19). Далее здесь снова повторяется ^{D}Haldinani KA′, вероятно в отложительном падеже („от Халдовых ворот"). Следует слово šuinini, соответствующее, согласно билингве Топузава, ассирийскому kullatu „совокупность", „всё". Кроме того, нам известно также хурритское соответствие этого слова в сходной форме šue[57].

Далее, в 18-й строке имеется zieldi, которое закономерно выступает в культовых надписях[58]. Несмотря на неоднократное упоминание этого слова в урартских источниках, установить его значение в настоящее время все же не представляется возможным. Однако в имеющихся трафаретных контекстах zieldi как будто является каким-то предметом (именем существительным), который в связи с жертвоприношением следует предоставить (arduli) царю (LUGA′L-e)[59].

С другой стороны, быть может от того же корня zield-, в урарт-

---

[56] Суффикс -(a)ṣi(e) М. Перетели предположительно отождествляет с ассирийским ina eli и, следовательно, склонен под ним видеть показатель местного падежа — NH, стр. 38. То же самое мы видим у Н. Фридриха—Einführung, стр. 14, § 66a.

[57] *E. Speiser*, Introduction, p. 78—79. J. *Friedrich*, HWb, S. 325. *И. М. Дьяконов*, УНД, стр. 91.

[58] УКН, 89, стк. 9, 10; 142, стк. 3; 143, стк. 11 и т. д. В нашей надписи zieldi упоминается неоднократно—см. также текст I, стк. 19, 20; текст II, стк. 1.

[59] Ср. ниже, строку 19 настоящего текста.

ской клинописи имеется переходный глагол zield(u)-, который в билингве Топузава выступает в 1-м лице единственного числа прошедшего времени (zieldubi) и, возможно, соответствует ассирийскому ú-si-iq, которое М. Церетели переводит „(я) расчленил“[60], а Г. А. Меликишвили — „(я) притеснил“.

Кстати, zieldubi топузавинской билингвы относится к „вражеской стране“ (KURIuluinili), в то время как zieldi рассматриваемого и других текстов — возможно, к жертвенному животному. Исходя из этого, нам кажется, что перевод „расчленять“ и „расчленение(?)“ „расчлененный(?)“ и т.п. как будто лучше подходит к словам zield(u)- и zieldi, тем более, что в нашем тексте zieldi упоминается, по-видимому, в связи с сердцем (ŠÀ) жертвенного животного(?).

Далее в 18-й строке налицо гетерограмма ŠÀ „сердце“, „середина“, „внутренность“ и т.п.[61]. Кстати, она в урартской эпиграфике встречается впервые, причем в нашем тексте занимает то самое место, где в аналогичной армавирской надписи имеется UZU ti-iš-nu...[62].

С другой стороны, известно, что ŠÀ нередко выступает вместе с детерминативом UZU „мясо“. Следовательно, сказанное, очевидно, не оставляет сомнения в том, что в армавирской надписи UZU следует усмотреть в качестве детерминатива к слову tišnu, притом (UZU)ŠÀ кармирблурской надписи является раскрытием урартского слова UZUtišnu „сердце“, „середина“ и т.п. Кстати, то же слово в форме tiz[a], tišni/u встречается и в хурритском (Introduction, стр. 21, 52, 100, 104 и т.д.).

Следует полагать, что к рассмотренному UZUtišnu имеет прямое отношение и слово tišni другой армавирской надписи[63]. Наконец, предложенная выше интерпретация (UZU)ŠÀ = UZUtišnu поневоле наводит нас на мысль, что и в UZU ḫušu армавирской надписи УКН, 142, стк. 4, возможно, UZU следует усмотреть в качестве детерминатива к слову ḫušu. В таком случае в UZU следует, быть может, видеть раскрытие урартского слова ḫušu и тогда UZUḫušu может означать „мясо(?)“.

За рассмотренной выше гетерограммой ŠÀ в 18-й строке надписи далее имеется [I]Ru-sa-a ar-du-li-ni. Имя царя Руса здесь, судя по тексту, стоит в дательном падеже единственного числа. Нам известно, что в урартском языке слова, имеющие основу с исходом на *-a*, в дательном падеже единственного числа, в отличие от характерного *-e*, имеют окончание *-a*, которое в произношении, очевидно, сливалось в один звук с находящимся в конце основы *-a*; причем в письме второе *-a* (падежное окончание) отражается не всегда[64]. Следует обратить внимание на тот факт, что в написании Руса, можно сказать, мы имеем

---

[60] См. *M. Tseretheli*, Études ourartéennes, RA, № 4, XLIV, 1950, стр. 185—189, ур. текст, стк. 30 — ассир. текст, стк. 28.

[61] *René Labat*, MÉA, знак № 384.

[62] CICh, табл. LXII, 121, стк. 11. УКН, 143, стк. 11.

[63] См. УКН, 142, стк. 10.

[64] *Г. А. Меликишвили*, УКН, стр. 56.

обратное явление: второе *-a* (^{I}Ru-sa-a), невзирая на то, стоит ли это имя в дательном или в каком-либо другом падеже, весьма часто фигурирует в конце Руса (см., например, ^{I}Ru-sa-a-še в УКН, 278, стк. 2, 3; ^{I}Ru-sa-a-ni в УКН, 278, стк, 10; ^{I}Ru-sa-a-i в УКН, 280, стк. 7 и т. д.).

С другой стороны, имеющаяся в нашей надписи форма написания имени Руса (Ru-sa-a) иногда соответствует абсолютному падежу[65]. Следовательно, чем же можно объяснить правдоподобность интерпретации ^{I}Ru-sa-a нашего текста именно в дательном падеже? Это следует объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, ^{I}Ru-sa-a в данном случае выступает в связи с переходным глаголом arduli, следовательно, в данном предложении он может быть лишь объектом (дополнением), так как при переходных глаголах субъект всегда стоит в эргативном падеже с характерным окончанием -še (^{I}Rusaše). При этом в интересующей нас фразе ...zieldi ŠÀ ^{I}Rusa-a ardulini имя Rusa является косвенным дополнением; прямым дополнением здесь служит гетерограмма ŠÀ (быть может, также слово zieldi?).

Для рассмотрения ^{I}Rusa-a в дательном падеже более веское основание мы находим в других аналогичных контекстах урартской эпиграфики, в том числе публикуемой надписи. В одной армавирской надписи, например, имеется ...barzani zieldi ^{I}Argišti-e ^{I}Menuahini|e arduli|[66]. В следующей 19-й строке публикуемой надписи читаем: ...aše LUGA'L-ni ^{D}IM-ni URU manuli kamnini TAG-šinini barzani zieldi LUGA'L-e ardulini. В другом отрывке нашего текста налицо:...TAG barzani zieldi LUGA'L-e arduli[67]. Как видно из приведенных примеров, во всех случаях мы имеем показатель дательного падежа *-e* при имени Аргишти или же при гетерограмме LUGA'L „царь". Таким образом, не остается сомнения в том, что и в нашей фразе ... zieldi ŠÀ ^{I}Rusa-a ardulini имя Руса стоит именно в дательном падеже.

Что касается слова ardulini, то оно может быть переходным глаголом 3-го лица единственного числа будущего времени или же 3-го лица единственного числа повелительного наклонения страдательного залога. Глагол ar-d(u)- представляет собой распространенную с d основу от известного глагола ar(u)- „давать", „даровать", „преподносить"[68].

Таким образом, в 18-й строке надписи речь идет о том, что при жертвоприношении перед воротами бога Халди (храмом) всё zieldi и

---

[65] См. УКН, 286, лиц. стор., стк. 1; 292, стк. 1.

[66] См. УКН, 142, стк. 3—4. Глагол arduli восстановлен нами на основании аналогичных фраз.

[67] См. *И. В. Арутюнян*, Новая клинообразная надпись из Кармир-блура, ИФЖ, 1962, № 3, стр. 109 (стк. 1 надписи). Об этом подробнее см. ниже текст II.

[68] В билингвах Келишина и Топузава ar(u)- соответствует ассирийскому nadânu „давать"—УКН, 19, ур. текст, стк. 12 ассир. текст, стк. 11; 264, ур. текст, стк. 16, 22, 27, 30 ассир. текст, стк. 15, 21, 27, 28. Хурритским соответствием его представляет ar- „давать, даровать, отдавать" J. *Friedrich*, HWb, S. 319.

сердце (ŠA) жертвенных животных, согласно установленному обряду, должны были быть преподнесены (ardulini) царю Руса.

Переходим к чтению 19-й строки текста:

a-še LUGA'L-ni DIM-ni URU ma-nu-li kam-ni-ni TAG-ṣi-ni-ni bar--za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li-ni a-li-e

Первое слово aše данной строки в урартских текстах выступает в двух значениях: „когда", „щит". При этом приведенный текст не оставляет сомнения в том, что к нашему aše явно подходит значение „когда". Мало того, предложенный перевод находит себе оправдание и в других многочисленных отрывках нашего текста с упоминанием aše[69].

Далее, в 19-й строке, следует гетерограмма LUGA'L „царь" с фонетическим комплементом -ni, который является окончанием урартского слова eri(e)lini (=LUGA'L-ni)[70]. Затем здесь имеется DIM[70a]-ni URU. DIM-ni представляет гетерографическое соответствие имени урартского божества Тейшеба с фонетическим комплементом -ni (DTeišebaini), а URU урартского слова „город" (patari). Следовательно, под DIM-ni URU мы имеем DTeišebaini patari „город Тейшебаини", где и были сооружены упомянутые в надписи культовые объекты. Кстати, в публикуемом тексте й бог Тейшеба, й город Тейшебаини, как правило, выступают в гетерографической форме[71].

В 19-й строке далее имеется слово ma-nu-li, которое, по всей вероятности, является формой 3-го лица единственного числа будущего времени от неправильного глагола manu „быть", „существовать" (ср. хурр. man(n)-)[72]. Тогда manuli следует перевести „будет"[73]. Однако подобный перевод глагола manuli требует, чтобы DIM-ni URU („город Тейшебаини") стоял в местном падеже, что, однако, согласно контексту, исключено, так как здесь отсутствует показатель упомянутого падежа *-a* при DIM-ni и URU, которые стоят, вероятно, в абсолютном падеже. Исходя из сказанного, мы склонны глаголу manuli придать сходное значение „прибудет(?)". В таком случае интересующую нас фразу 19-й строки a-še LUGA'L-ni DIM-ni URU ma-nu-li можно перевести: „когда царь (в) город Тейшебаини прибудет(?)".

После рассмотренной фразы, в 19-й строке надписи имеется kam--ni-ni TAG-ṣi-ni-ni. В слове kam-ni-ni привлекает к себе внимание,

---

[69] См. также строки 10, 11, 12, 22 и т. д.

[70] Написание LUGA'L-ni налицо также в УКН, 155A, стк. 17; 281, стк. 27; 300, стк. 1. Урартское соответствие eri(e)lini приведенной гетерограммы см. в УКН, 264, ур. текст, стк. 11.

[70a] Из-за невнимательности урартского писца эта гетерограмма в тексте высечена не совсем точно — с двумя горизонтальными клиньями (вместо одного) перед первым вертикальным.

[71] См. выше: DIM-a (стк.7), DIM-ni URU (стк. 2).

[72] См. *J. Friedrich*, HWb, S. 322.

[73] manuli по своей форме может быть также 3-м лицом множественного числа прошедшего времени („(они) были"). Ср. часто встречающуюся в урартских надписях фразу É·GALMEŠ agunuili manuli gunuša ḫaubi „крепости укреплены были, в битве (я) завоевал".

прежде всего, первый знак kam (), который в урартских текстах в целом встречается впервые. Кстати, это слово, в таком же написании (kam-ni), упоминается также несколько ниже, в начале 21-й строки. Однако, если в данных случаях мы имеем дело с графическим своеобразием, что выражается лишь в написании знака kam, то само слово kamni давно уже известно в урартской эпиграфике.

В других надписях kamni, как правило, встречается с раздроблением знака kam на ka-am или же на ka-ma. Не вызывает, например, никакого сомнения наличие этого слова в аналогичной форме ka-am-ni-ni в одной из дефектных надписей, происходящих из центральной части Урарту (УКН, 93). Кстати, эта надпись, повествующая опять-таки об установлении культовых обрядов (жертвоприношение и т.д.) в честь сооружения „Халдовых ворот" (храма), имеет и ряд других общностей с нашей кармирблурской. Кроме того, от той же основы kamni в двух надписях имеется слово kamnahe (ka-am-na-a-hi, ka-am-na-a-hi-e: УКН, 36, стк. 19; 58, стк. 27). Наконец, не исключена возможность, чтобы к упомянутым kamni и kamnahe имело прямое отношение и слово ka-ma-a-ni сардуровской летописи (УКН, 155F, стк. 1).

Что касается значения слов kam(a)ni и kamnahe, то для kam(a)ni И. М. Дьяконов предлагает перевод „прежний(?)", „ранее упомянутый(?)", а для kamnahe—„раньше" (УПД, стр. 89). Кстати, такой перевод как будто находит свое оправдание и в нашем тексте. Слово kamni рассматриваемой строки непосредственно связано с TAG („жертва"). И тогда в фразе kam-ni-ni TAG-şi-ni-ni речь идет, по-видимому, об „упомянутых ранее" жертвоприношениях, тем более, что выше в самом деле неоднократно отмечается о пожертвовании крупного и мелкого рогатого скота верховной триаде урартских богов Халди, Тейшебе, Шивини, а также Уарубани—супруге Халди и местному(?) азайскому(?) божеству Иуарша (Иубша?). При этом, имея в виду конечное ni при kam-ni-ni и TAG-şi[74]-ni-ni, мы склонны это сочетание слов воспринять в отложительном падеже. Такое восприятие kamnini TAG-şinini, как увидим ниже, оправдывается в рассматриваемом тексте.

Вслед за словосочетанием kamnini TAG-şinini в строке 19 имеется: bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li-ni. Здесь очень трудно установить значение слов barzani и zieldi. Кстати, они выступают и в других надписях культового характера и всегда неразрывно связаны с обрядом жертвоприношения. Чтобы иметь хотя бы некоторое понятие о значении barzani и zieldi[75], считаем целесообразным привести немногочисленные контексты из урартских надписей с указанными словами.

1) ...šú-i-ni-ni zi-el-di ŠÀ ḪRu-sa-a ar-du-li-ni... (см. стк. 18 текста I настоящей публикации).

[74] Характер данного -şi не совсем ясен. Известные написания TAG-şi (УКН, 143, стк. 8) и ıgruaşi (УКН, 96, стк. 1, 2, 5, 7), наряду с TAG и ıgrue, также не вносят ясность в этот вопрос. Под -(a)şi(e) урартоведы, как правило, склонны видеть послелог со значением русского предлога „в" — *M. Tseretheli*, NH, S. 38 *J. Friedrich*, Einführung, S. 14. *Г. А. Меликишвили*, УЯ, стр. 59.

[75] О слове zieldi см. также выше, стр. 27—28.

2) ...kam-ni-ni TAG-ši-ni-ni bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li-ni... (см. стк. 19 текста I настоящей публикации).

3) ...TAG bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li... (см. стк. 1 текста II настоящей публикации).

4) ...šú-i-ni-ni bar-za-ni zi-el-[di ᴵMe]-nu-a ᴰḪal-di-še ú-ṣu-ni... (УКН 89, стк. 8—10).

5) ...DINGIRᴹᴱŠ-še zi-el-di iš-ti-ni-ni LUGA'LᴹᴱŠ ú-ṣi-di-la-ti-ni[76]... (УКН, 89, стк. 10—11).

6) ...bar-za-ni zi-el-di ᴵAr-giš-ti-e ᴵMe-nu-a-ḫi-ni-[e ar-du-li[77]...(УКН, 142, стк. 3—4).

7) ...[šú]-i-ni-ni[78] zi-el-di-e ᵁᶻᵘti-iš-nu[79][ᴰSar$_5$-du-ri-ni[80] ar-du-li--ni][81]... (УКН, 143, стк. 11).

Из приведенных выше примеров видно, что barzani и zieldi в ритуальных текстах упоминаются наряду с ŠÀ („сердце") и все это предвидится преподнести царю. Мало того, в некоторых случаях barzani и zieldi выделяются(?), предоставляются(?) и т.д. (uṣuni, uṣidilatini) царям даже верховным богом Халди (УКН, 89, стк. 8—10) или же богов вообще (УКН, 89, стк. 10—11). Таким образом, видно, что barzani и zieldi, наряду с ŠÀ („сердце"), как будто являлись разными органами жертвенного животного, причем при жертвоприношении они полностью[82] должны были быть преподнесены урартским царям.

Итак, фразу 19-й строки kam-ni-ni TAG-ṣi-ni-ni bar-za-ni zi-el-di[83] LUGA'L-e ar-du-li-ni[84] следует воспринять примерно так: „из упомянутой ранее(?) жертвы (жертвенного скота?) barzani (и) zieldi пусть будут преподнесены царю". При этом предыдущая фраза a-še LUGA'L--ni ᴰIM-ni URU manuli разъясняет, что урартский царь Руса II удостоится высокой чести преподнесения ему barzani и zieldi из жертвен-

---

[76] Ср. глагол uṣuni предыдущего примера.

[77] Глагол arduli восстановлен нами. Возможно также [ar-du-li-ni] (ср. выше, примеры 1, 2).

[78] Восстановлено нами. У М. В. Никольского (КНЗ, XVII) и Г. А. Меликишвили (УКН, 143): [ᴰḪal-di]-i-ni-ni.

[79] *Г. А. Меликишвили*: UZU ti-iš-n[u]. Нам кажется, что здесь UZU „мясо" является детерминативом к слову tišnu, которое, очевидно, равнозначно ŠÀ строки 18 публикуемого I текста (см. выше, пример 1). ŠÀ „сердце" в данном случае выступает без детерминатива UZU „мясо". Таким образом, UZUtišnu = (UZU)ŠÀ. Ср. хурр. tiz^{a}, tišnu, tišni „сердце".

[80] В данной лакуне стояло, несомненно, имя царя—составителя надписи (см. выше, примеры 1,6). О восстановлении имени Сардури см. ниже, стр. 73—74.

[81] Восстановлено нами на основании аналогичных фраз (ср. выше, примеры 1, 2, 3, 6, 7).

[82] Обратим внимание на слово šuini „весь", „все" (šuinini zieldi, šuinini zieldi ŠÀ, šuinini zieldie UZUtišnu).

[83] Имеет ли отношение слово zieldi к переходному глаголу zield(u)-, в настоящее время трудно сказать.

[84] Здесь мы имеем дело с 3-м лицом единственного числа повелительного наклонения страдательного залога от глагола ar-d(u)- „давать, даровать, преподносить" (ср. хурр. ar-; J. *Friedrich*, HWb, S. 319).

ного животного в том случае, когда он будет в городе Тейшебаини. Рассматриваемая 19-я строка завершается словом a-li-e. Является ли оно относительным местоимением („который", „кто", „что", „каковой") или наречием времени („когда"), трудно сказать что-нибудь утвердительное.

Следующая, 20-я строка текста начинается словом a-šú-li, которое, как и ar-du-li-ni предыдущей 19-й строки, является, быть может, переходным глаголом 3-го лица единственного числа повелительного наклонения страдательного залога[85]. Рассматриваемый глагол aš(u)- в таком же написании a-šú-li выступает также во 2-й строке II текста публикуемых надписей.

Глагол aš(u)- обычно переводят „оставлять(?)" „покидать(?)", „отталкивать(?)", „преследовать(?)" и т.д.[86]. От того же корня в урартском имеется также непереходный глагол с энклитической частицей -ul- (ašulabi, ašulani)[87]. Кажется, что от корня aš- следует выводить и aš-d(u)- (распространенная с d основа от aš(u)-)[88], однако для ašdubi урартского текста топузавинской билингвы Русы I специалисты, как правило, в ассирийском тексте предположительно находят соответствие šakânu, на основании чего ašd(u)- переводят „превращать", „предназначать(?)", „определять(?)"[89].

Кстати, хотя ašd(u)-, по сравнению с aš(u)-, более часто упоминается в публикуемых текстах[90], однако эти сведения, к сожалению, ничего нового не дают для определения или уточнения значения aš(u)- или ašd(u)-.

После уже рассмотренного a-šú-li, в строке 20 имеется ^{D}Hal-di-ni É „дом (бога) Халди". Кстати, это культовое сооружение в публикуемых текстах упоминается неоднократно[91] и является одним из объектов в комплексе „Малого храма бога Халди". Вслед за ^{D}Haldini É следует ku-i, затем знак zi, после чего имеется повреждение, достаточное для одного небольшого знака. Слово ku-i[92] является, по-видимому, усилительной частицей со значением „же", „даже", „также", „а также"[93]. Что касается знака zi, то его трудно отнести к предыду-

---

[85] Он может быть и 3-м лицом единственного числа будущего времени.

[86] *Г. А. Меликишвили*, УКН, стр. 391. Ср. *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 74, 87.

[87] УКН, 155А, стк. 12, С, стк. 46; 24, лиц. стор., стк. 28, обор. стор., стк. 35. Ср. глаголы terubi и terulubi, suidubi и suidulubi и т.д.

[88] Ср. ter(u)- и ter-d(u)-, ar(u)- и ar-d(u)- и т.д. Конечно, на этом не всегда можно настаивать, если иметь в виду, например, что под ši(u)- и šid(u)- (а не ši-d(u)-?!) мы имеем дело с совершенно разными глаголами. Однако тождественные тексты с глаголами aš(u)- и aš-d(u)- (zumagi ašduni—текст I, стк. 21; zumagi ašuli—текст II, стк. 2) как будто говорят в пользу их отождествления.

[89] УКН, стр. 391. УПД, стр. 87.

[90] См. текст I, стк. 14, 16, 21; текст II, стк. 10; текст IV, стк. 7, 9; текст V, стк. 7, 9.

[91] Текст I, стк. 14, 20, 21; текст II, стк. 10; текст V, стк. 7.

[92] Это слово см. также в следующих урартских надписях: УКН, 19, ур. текст, стк. 35; 27, стк. 27; 155С, стк. 28; 276, лиц. стор., стк. 8; 280, стк. 12.

[93] *Г. А. Меликишвили*, УКН, стр. 400; он же, УЯ, стр. 61, 69.

щему kui или, как это увидим ниже, к последующему zieldi[94], поэтому мы склонны воспринять zi в его гетерографическом значении „душа", „человек" (ассирийск. napištu). В таком случае в поврежденном месте после zi следует, быть может, восстановить детерминатив MEŠ; ZI[MEŠ ?] (ассир. napšâte) означает „души", „люди"[95].

Далее, в 20-й строке, встречается уже известное слово zi-el-di (см. выше, стк. 18, 19), а затем ši-la-ni. Урартская эпиграфика в целом до сих пор не имела понятия о слове šilani, поэтому лексика урартского языка в данном случае обогащается еще одним новым словом. Кстати, это же слово в написании ši-la-ni-ni упоминается также в следующей 21-й строке публикуемого текста. Наши контексты, однако, нисколько не способствуют установлению значения šilani.

Затем в 20-й строке снова повторяется i-šá-ni ši-i-ni É si-ir-ḫa-ni-ni (ср. выше, строки 15, 17). Кстати, эти слова в нашем тексте закономерно выступают рядом. В строках 15 и 17 вслед за išani šini упоминается также zadini TAG, причем после всего этого в двух случаях фигурирует É sirḫani (строки 15, 20), а в одном—^{D}Ḫaldinani KA′-ka. Выше для išani (ср. išaḫini?) предположительно мы предлагали перевод „после(?)", „потом(?)", „затем(?)" и т.п. Что касается šini, то считаем возможным корень его связать с корнем глагола ši- („приносить", „приводить" и т.п.) и считать именем существительным с возможным значением „приношение(?)" и т.д.[96]. Это приношение, как подсказывают наши контексты, как будто относится к обрядам жертвоприношения (TAG), которые должны были быть проведены то́ перед „воротами" (resp. храмом) бога Халди (^{D}Ḫaldinani KA′-ka), то́ в доме sir(i)ḫani.

Рассматриваемая 20-я строка завершается словами ma-ni-ni na-ḫi-zi-e. Первое слово manini мы склонны рассматривать в качестве 3-го лица единственного числа повелительного наклонения от неправильного глагола manu („быть"); поэтому manini[97] следует перевести „да будет". Что касается na-ḫi-zi-e, то это слово в урартском встречается впервые, причем наш контекст не позволяет, к сожалению, сказать что-нибудь о его значении[98].

В начале 21-й строки имеется ši, а затем al-di. Чтение ši-al-di мы считаем менее вероятным, тем более, что такое слово в урартском нигде не упоминается. Нам кажется, что первый знак ši скорее является окончанием предыдущего слова, причем это окончание в урартском встречается совсем редко, в словах di-id-gu-ši (УКН, 155C, стк. 32; 156C, стк. 15; 158, стк. 25); i-ni-ri-a-ši (УКН, 128A4, стк. 11), ú-e-ši (УКН, 276, лиц. стор., стк. 29). Если под ši нашего ритуального

[94] Это невозможно и для zi последующей 21-й строки, где этот знак встречается между kui и šilanini.

[95] См. *Fr. Delitzsch*, AL, знак № 60. *Л. А. Литвин*, АЯ, I, знак № 60.

[96] Об этом см. также выше, стр. 23—24.

[97] По своей форме он совпадает с личным местоимением mani(ni) „он", „его". См. ma-a-ni-ni в билингве Топузава Русы I (УКН, 264, ур. текст, стк. 20).

[98] Быть может, na-ḫi zi-e? или na-ḫi-ši(?)-e; тогда ср. naḫ(u/a)-, naḫidini?

текста в самом деле следует видеть окончание какого-либо известного урартского слова, то мы склонны предположительно считать его, например, окончанием i-ni-ri-a-ši „божественность(?)“[99]. В таком случае за ним следует уже известное по другим надписям (в том числе по культовой надписи Мхер-капуси) слово aldi(ni)[100].

Далее в 21-й строке имеется слово kam-ni, которое, как мы уже видели, упоминается также в 19-й строке нашего текста[101]. Затем здесь читается su-ri ku-i ZI ši-la-ni-ni. В данном случае мы имеем лишь второе по счету упоминание слова suri. Впервые оно встречалось в одной из кармирблурских клинописных табличек в том же написании su-ri, вероятно в качестве какого-то предмета[102].

Далее, в 21-й строке, имеется усилительная частица ku-i „же, даже, также, а также“. Следует знак zi, который и в предыдущей строке последовал, как известно, за kui. Как и выше, знак zi мы склонны рассматривать в качестве гетерограммы *ZI* (ассир. napištu) со значением „душа, человек“. За гетерограммой ZI следует непонятное слово ši-la-ni-ni, которое нам известно также из предыдущей 20-й строки (ši-la-ni). Кстати, šilani 20-й строки как будто упоминается в связи с „домом sirḫani“, в то время как šilanini 21-й строки—с „домом бога Халди“.

После упомянутого выше слова ši-la-ni-ni в 21-й строке имеется ^{D}Ḫal-di-ni É „дом бога Халди“, а затем me-i a-i-ni-i zu-ma-gi áš-du-ú-ni a-li áš-du-li-e. ^{D}Ḫaldini É неоднократно упоминается в публикуемых текстах[103] и является, по-видимому, одной из составных частей „Малого храма бога Халди“ (^{D}Ḫaldiei É · BA′R-ṣi TUR-li—см. стк. 12). Что касается фразы mei aini zumagi ašduni ali ašdulle, то она нуждается в более детальном анализе. Первое слово mei, как известно, в урартском выступает в значении запретительной отрицательной частицы „пусть не“, иногда и союза „но“. В нашем контексте к нему подходит, очевидно, значение „пусть не“. Затем, aini является неопределенным местоимением: „кто-то“, „кто-либо“, „кто-нибудь“, „кое-кто“, „некто“[104].

Далее, слово zumagi в урартской клинописи встречается лишь в публикуемых текстах (I, 21, 22; II, 2), в которых оно является, возможно, каким-нибудь предметом, употребляемым при жертвоприношении (ср, I, 21; II, 2). Что касается глагола ašduni, то прежде всего следует иметь в виду, что в билингве Топузава урартскому ašd(u)-

---

[99] См. УПД, стр. 66 (и примеч. 74), 88.

[100] УКН, 27, стк. 29, 90; 127, VI, стк. 13. Ср. ^{D}Aldi(ni) ? ^{D}Ḫaldi(ni)?

[101] Наши соображения по поводу значения этого слова см. выше, на стр. 31.

[102] УПД, текст № 7, стк. 9. suri здесь выступает наряду с животными и предметами: ...I GIR-NUN-NA XXX ^{GIŠ}zu-li-e XX su-ri ḫi-li-ḫi-li... Кстати, вместо ^{GIŠ}zu-li-e Н. М. Дьяконов неправильно читает ^{GIŠ}su-li-e. УПД, стр. 36, 71, 90. Отсюда отпадает предложенное им же сопоставление этого слова с su-li-e-di сардуровской летописи (УКН, 156A4, стк. 6).

[103] См. текст I, стк. 14, 20, 21; текст II, стк. 10.

[104] *A. Goetze*, RHA, 22, стр. 179—181. *Г. А. Меликишвили*, УЯ, стр. 44.

соответствует, по-видимому, ассир. šakânu[105]. С другой стороны, согласно известным до сих пор надписям, глагол ašd(u)- встречался лишь дважды (в том числе в опубликованном ранее II тексте кармирблурских надписей) в написании áš-du-[bi][106] и âš-du-li[107].

Глагол ašdubi топузавинской билингвы специалистами урартской эпиграфики, как правило, воспринимается в 1-м лице единственного числа прошедшего времени. Что касается ašduli кармирблурского II текста, то мы предложили воспринять его в будущем времени, хотя по своей форме он совпадает с 1-м лицом единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности[108].

Однако в отличие от ašdubi топузавинской билингвы и ašduli кармирблурского II текста, под ašduni 21-й строки I текста мы склонны видеть 3-е лицо единственного числа запретительной формы повелительного наклонения[109], так как в нашем тексте он стоит в связи с отрицательной частицей mei— „пусть не“[110]. Что касается глагольных форм aš(u)- и aš-d(u)-, то существует, вероятно, определенная семантическая связь между ними, если иметь в виду хотя бы то обстоятельство, что они выступают в тождественных словосочетаниях zu-ma-gi áš-du-ú-ni (текст I, стк. 21) и zu-ma-gi a-šú-li (текст II, стк. 2).

Далее под словом a-li 21-й строки мы склонны видеть относительное местоимение „кто“, „который“ и т.л., а под áš-du-li-e—переходный глагол aš-d(u)- в 3-м лице единственного числа будущего времени. Таким образом, на основании всего сказанного, фразу ...^{D}Ḫal-di-ni É me-i a-i-ni-i zu-ma-gi áš-du-ú-ni a-li áš-du-li-e можно воспринять примерно так: „...дом бога Халди кто-либо пусть не делает[111] zumagi, кто сделает[111]...“.

В начале 22-й строки имеется неизвестное слово ...]ši-na-am-di-ni[112], а затем mu-ri-e, которое нам известно еще из сардуровской летописи[113], причем то в единственном числе, как в нашем тексте (mu-ri-e), то во множественном (mu-ri-li). Следует обратить внимание, что в летописи Сардури II в обоих случаях слово muri(li) снабжено детерминативом É „дом“.

---

[105] См. УКН, 264, ур. текст, стк. 23—ассир. текст, стк. 22.

[106] См. билингву Топузава—*M. de Tseretheli*, RA, № 4, XLIV, 1950, стр. 185 сл., урартск. текст, стк. 23.

[107] *И. В. Арутюнян*, ИФЖ, 1962, № 3, стр. 107—109 (стк. 10 надписи).

[108] Там же, стр. 107.

[109] По своей форме он совпадает с 3-м лицом единственного числа прошедшего времени переходного глагола ašd(u)-.

[110] Из запретительных форм повелительного наклонения до сих пор засвидетельствованы глаголы 3-го лица единственного числа с окончанием -diani (kuldiani, ḫaldiani и т.д.) и 3-го лица множественного числа с окончанием, идентичным с 3-м лицом мн. числа прошедшего времени изъявительного наклонения переходных глаголов (kulietuni). См. *Г. А. Меликишвили*, УЯ, стр. 55.

[111] Так переводим глагол ašd(u)- (ассир. šakânu?).

[112] Быть может, ši-na am-di-ni?

[113] *M. Tseretheli*, NḪI, стр. 10—11 (C, 27, 31).

Ėmuri М. Церетели склонен отождествить с аккадским bit niširti, поэтому предположительно переводит его „дом сокровища(?)“ (Schatzhaus?)[114]. Г. А. Меликишвили этому слову придает значение „потаенный склад(?)“[115]. Весьма интересно, что если в данном тексте имеется в виду лишь одно такое сооружение, то, согласно сардуровской летописи, в стране Эриахи было 150 подобных сооружений[116]. В каком именно смысле выступает слово murie в нашем тексте, тождественно ли оно с Ėmurie (или Ėmurili) сардуровской летописи, пока трудно сказать что-нибудь определенное[117].

Далее в 22-й строке имеется слово a-ši-i-ni. По-видимому, его следует отождествить с a-ši-ni-e-i других урартских надписей[118]. В этих последних ašini (-ei, вероятно, окончание родительного падежа?), как правило, выступает либо со столицей Урарту Тушпой, либо с неизвестным городом Аишлиа(?). Имеет ли отношение основа слова ašini к основе глагола aš(u)- или aš-d(u)-, в настоящее время трудно сказать.

Разбираемая 22-я строка, как и текст I в целом, завершается следующим образом: a-še ši-ú-li zu-ma-ṭe-i-ni-e[119] É si-ir-ha-ni a-li zu-ma-gi-e. Слово aše, очевидно, является наречием времени „когда“, šiuli — переходным глаголом ši(u)- „приносить“, „приводить“, „уносить“, „уводить“ в 3-м лице единственного числа будущего времени. Затем, zu-ma-ṭe в урартской клинописи в целом встречается лишь впервые, причем наш текст, к сожалению, нисколько не способствует установлению значения этого слова; i-ni-e является, вероятно, окончанием предыдущего zumaṭe (или указательным местоимением „это“?). Следует название культового сооружения „дом sirhani“, а затем, по-видимому, относительное местоимение a-li („который“, „кто“ и т.д.) и непонятное слово zu-ma-gi-e, которое здесь упоминается как будто в связи с культовым объектом „дом sirhani“, в отличие от zu-ma-gi предыдущей 21-й строки, где оно стоит в связи с „домом бога Халди“.

После рассмотренной 22-й строки текст I обрывается. Невозможно сказать что-нибудь хотя бы по поводу величины недостающего отрывка надписи между рассмотренным I и приводимым ниже II текстами. Это тем более затруднено из-за отсутствия начала и левостороннего отрывка II текста.

Исходя из вышесказанного, считаем возможным для сохранившегося отрывка текста I в целом предложить следующее чтение:

[114] Ibid., S. 45.

[115] *Г. А. Меликишвили*, УКН, стр. 279, 402.

[116] Вряд ли прав И. М. Дьяконов, когда Ėmurie считает урартским раскрытием É · GAL^{MEŠ}-ria. УПД, стр. 55 и прим. 47. Предпочтение, несомненно, следует дать отождествлению Ėtuluri[a] и É · [GAL]^{MEŠ}-ria. См. *Г. А. Капанцян*, ИУ, стр. 67; он же, ИЛТДА, стр. 42. *Н. В. Арутюнян*, ЭВ, VII, стр. 114—115, прим. 13—14.

[117] Быть может, в Ėmurie следует видеть название какого-то культового сооружения?

[118] УКН, 20, лиц. стор., стк. 41, обор. стор., стк. 19; 24, лиц. стор., стк. 29, обор. стор., стк. 37; 38, стк. 6.

[119] Быть может, zu-ma-ṭe i-ni-e?

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

(1) ^{D}Ḫal-di-e EN ŠÚ i-ni É su-si-e ^{I}Ru-sa-a-še [^{I}A]r-giš-te-ḫi-ni-še ši-di-iš-tú-ni e-'a ^{D}Ḫal-di-[ni-li ^{GIŠ}KA'-li?][120]

(2) ba-du-si-e ^{I}'A-za-i-ni KUR-ni ^{D}IM-ni URU ku-šú-ni [at-q]a-na-du-ni ^{D}Ḫal-di-e ^{I}Ru-sa-a-še a-li qar-[bi sal-zi ma-nu?][121]

(3) KI^{TIM} qu-ul-di-ni ú-i gi-¦i iš-ti-ni ši-da-[ú]-¦ri i-ú-me ^{D}Ḫal-di-še LUGA'L-tú-ḫi a-ru-ni na-ḫa-[di ^{LÚ}AD-si-ni?][122]

(4) e-si-i LUGA'L-tú-ḫi-ni-i še-er-ḫi-ni i-ni-li ^{D}Ḫal-di-ni-li KÁ¦ ¦ši-di-iš-tú-ú-li ba-du-si-e ^{D}Ḫal-di-ni bi-di [^{D}Ḫal-di-na-ni?][123]

(5) ^{GIŠ}KA' bi-di ma-ni-ni ul-gu-še pi-ṣu-še al-su-i-še e-ia ar-di-še ar-ni uš-ma-še ^{I}Ru-sa-a ^{I}Ar-giš-[te-ḫi LUGA'L DAN · NU LUGÁL?][124]

(6) ^{KUR}šú-ra-u+e[125] ^{KUR}Bi-a-i-na-u+e[125] ^{I}Ru-sa-a-še a-li ^{D}Ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KA' bi-di-ni gu-ni ar-di-še gu-ni ar-[di-še te-ru-bi?][126]

(7) ma¦-¦nu-li qu-[d]u-la-ni[127] šú-ḫi-na-ṣi[128] MA'Š · TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li GUD ^{D}Ḫal-di-e TAG UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni [še-ḫa-di DINGIR a-ni-qu A'B?][129]

(8) ^{D}'A-ru-ba-i-ni-e UDU ^{D}Ḫal-di-na-u+e BE · LI UDU ^{D}Ḫal-di-na-u+e KA' UDU ^{D}I-ár[130]-šá-a ^{I}Ru-sa-a-še a-li ^{D}Ḫal-[di-ni bi-di-ni?][131]

(9) si-li-iš-t[i?]-li ma-si-ni-li ^{GIŠ}KA' al-zi-na-i ^{D}Ḫal-di-na-a KA' bi-di su-u-i-ú-li ta-nu-li-ni i-na-a[· · · · · · · · · · · · ·][132]

(10) e-di-ni ^{I}ši^{I}-du-li-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni a-še ta-nu-li MA'Š · TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-[i-ni ^{GUD}pa-ḫi-ni?][133]

---

[120] Ср. УКН, 165, стк. 1—6.

[121] Ср. надпись того же Русы II из Маку (УКН, 280, стк. 3—4).

[122] Ср. УКН, 128А3, стк. 17—19; 156АII+АI, стк. 26—27; 168, стк. 3—4.

[123] Ср. УКН, 18, стк. 10—13, 26—28; 172, стк. 3—5.

[124] Ср. надписи Русы II: УКН, 278, стк. 10—12; 280, стк. 14—16; 281, стк. 27—30. Исходя из небольшой величины строк недостающего четвертого камня, титулатура царя здесь, очевидно, была приведена с некоторыми сокращениями.

[125] Здесь и ниже возможна лигатура ue(?) (Ср. УПД № 1, стк. 5). Или быть может, следует прочесть просто u-e?

[126] Ср. УКН, 25, стк. 3—4, 8—9.

[127] Быть может, урартское раскрытие É · BA'R-ni „храм".

[128] Ср. · · · · · · · ·]-ia-ši-na-ṣi-e I UDU [^{D}Ḫal-di-e] ur-pu-li-i-ni... (УКН, 156АII+АI, стк. 11—12).

[129] Ср. звартноцскую надпись того же Русы II—УКН, 281, стк. 18—21, 23—25. Исходя из небольшой величины строк недостающего четвертого камня, можно думать, что здесь текст был высечен довольно сжато, или же, возможно, отсутствовала гетерограмма (детерминатив) DINGIR. Восстановление A'B перед ^{D}'Arubainie не подлежит сомнению.

[130] Возможно также чтение ub.

[131] Ср. выше, стк. 4—5. Быть может, ^{D}Ḫal-[di-na-ni KA' bi-di?].

[132] Восстановление данного отрывка не представляется возможным. Быть может, -[ni-e-li ^{GIŠ}KA'?].

[133] Ср. УКН, 25, стк. 4—5, 9—10; 27, стк. 3—4; 281, стк. 18—20, 23—24.

(11) ^{D}Ḫal-di-e TAG A′B ^{D}A-ru-ba-i-ni a-še ši-di-iš-tú-li pa-ḫa-zu-li MA′Š.TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li-ni ⌈GUD⌉ ⌊^{D}Ḫal-di-e TAG?⌋[134]

. . . . . .

(12)...⌋A′B[135] ^{D}A-ru-ba-i-ni a-še ^{D}Ḫal-di-e-i ⌈É · BÁR-ṣi TUR-li a-gu-li MA′Š · TUR ^{D}Ḫal-di-e ni-⌊ip⌋-si-du-li

(13)...⌋-ṣi TUR[136] ur-di-a-li[137] iš-ti-ni ka-qu-li 'a-⌈ḫu-li-ni KI^{TIM}-a qul-di--ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni[138]

(14)...⌋a-li ^{D}Ḫal-di-na-ni GIŠKÁ UDU e-ra-ši-ni[139] ú-⌈ú⌋-li a-li[140] LÚpa--la-gi ma-nu-li áš-du-li-ni ^{D}Ḫal-di-ni-e É

(15)...⌋ ku-ši-i-ni[141] ^{D}Ḫal-di-i-ka ^{D}A-ru-ba-i-ni-ka i-šá-ni ši-i-ni za-di-i--ni TAG É si-ir-ḫa-ni-ni[142] ma-ri-a-ḫi-ni

(16)...⌋a-li i-ni ú-li KURšú-ri-li$_9$ ú-ú-la-li áš-du-li$_9$-ni É si-ir-ḫa-ni-ni su-si-ni-ka ku-ši-i-ni áš-ḫa-áš-ti-ni

(17)...⌋ ^{D}Ḫal-di-e i-šá-ni ši-i-ni za-di-ni⌋ TAG ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′-ka a-lu-si me-ri-ip-te[143] ma-nu-li ši-i-ni me-ru-ni

(18)...⌋ ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′-ka-i a-li ur-pu-a-ṣi ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′ šú-i-ni--ni zi-el-di ŠÀ ⌊Ru-sa-a ar-du-li-ni

(19)...⌋ a-še LUGA′L-ni ^{D}IM-ni URU ma-nu-li kam-ni-ni TAG-ṣi-ni-ni bar-za-ni zi-el-di LUGA′L-e ar-du-li-ni a-li-e

(20)...⌋ a-šú-li ^{D}Ḫal-di-ni É ku-i ZI⌋⌊^{MEŠ}?⌋ zi-el-di ši-la-ni-ni i-šá-ni ši--i-ni É si-ir-ḫa-ni-ni ma-ni-ni na-ḫi-zi-e[144]

(21)...⌋-ši al-di[145] kam-ni su-ri ku-i ZI ši-la-ni-ni ^{D}Ḫal-di-ni É me-i a-i--ni-i zu-ma-gi áš-du-ú-ni a-li áš-du-li-e

---

[134] Ср. строки 7—8 настоящего текста. Здесь текст обрывается. Невозможно установить непосредственную связь между камнями первого и второго рядов текста I, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что они являются составными частями общего большого текста.

[135] Начала текста здесь недостает. Быть может, имелось повторение текста о необходимости жертвоприношения, тогда в начале 12-й строки следует восстановить: ⌊UDU ^{DIM}-a UDU ^{D}UTU-ni še-ḫa-di DINGIR a-ni-qu?⌋. Ср. выше, строки 7—8.

[136] По-видимому, ...É · BA′R⌋-ṣi TUR? Ср. выше, É · BA′R-ṣi TUR-li в строке 12.

[137] Или, возможно, ^{TUR}ur-di-a-li? Тогда, быть может, здесь мы имеем фонетическое раскрытие гетерограммы TUR. Ср. É·BA′R-ṣi TUR-li и ⌊É·BA′R⌋-ṣi ^{TUR}urdiali?

[138] Неправильный глагол manu здесь выступает в связи с отрицательной частицей mei „пусть не", поэтому ma-nu-ni нашего текста следует воспринять, по-видимому, в качестве 3-го лица единственного числа запретительной формы повелительного наклонения (mei ... manuni „пусть не ... будет"?). Следует обратить внимание, что непонятная фраза mei ešmeṣi elmuše manuni в ряде случаев выступает в связи с KI^{TIM}-a (—qi(u)ra) quldini (в нескольких вариантах — I, 13; IV, 6; V, 11) или с GEŠTIN me šiulini (УКН, 27, стк. 31).

[139] Быть может, UDU′e-ra-ši-ni? UDU′e-ra ši-ni? и т.д.

[140] Быть может, ú-ú-li-a-li? Ср. ú-ú-la-li в строке 16.

[141] Это слово в той же форме встречается и в 16-й строке настоящего текста. Основу его ср. с основой глагола kuš- (см. выше, стк. 2 рассматриваемого текста).

[142] Быть может, E′si-ir-ḫa-ni-ni?

[143] Основой этого слова, вероятно, является mer- (ср. ušt- и ušt-ipte). Тогда ср. с переходным глаголом mer(u)- (см. самый конец данной строки).

[144] Быть может, na-ḫi zi-e? Тогда первое слово(?) ср. с глаголом naḫ- (naḫi— повелительное наклонение этого глагола?).

[145] Быть может, ...⌋ši-al-di?

(22)...] ši-na-am-di-ni mu-ri-e[146] a-ši-i-ni a-še ši-ú-li zu-ma-ṭè-i-ni-e[147]
É si-ir'-ḫa-ni-ni a-li zu-ma-gi-e[148]

. . . . . .

ПЕРЕВОД

„Богу Халди, владыке своему, этот дом susi Руса, сын Аргишти, построил, а также ворота бога Халди величественные(?) города Тейшебаини страны Аза (он) воздвиг, посвятил богу Халди.

Руса говорит: Скала(?) была крутой(?), земля—пустынной; ничего здесь не было построено. Когда мне бог Халди царство дал, воссел (я) на место выделенное(?), отцовское, царственное, эти ворота бога Халди величественные(?) (я) построил.

Со стороны бога Халди, со стороны халдовых ворот пусть будет жизнь, радость, величие, а также власть, сила, могущество Русе, сыну Аргишти—царю могущественному, царю вселенной (и) страны Биаинили.

Руса говорит: Со стороны ворот бога Халди воистину(?) (я) установил(?) приказ, (согласно которому) будет[149] в(?) новом храме(?)—козленок пусть будет зарезан (?) богу Халди, овца—богу Тейшеба, овца—богу Шиуини (читай Шивини!), [šeḫadi бог aniqu?], корова—богине Уаруба(и)ни (читай Варуба(й)ни!), овца—оружию бога Халди, овца—воротам бога Халди, овца—богу Иарша[150].

Руса говорит: Со стороны бога Халди пусть будет silištili(?) свои ворота alzinai, со стороны(?) ворот бога Халди пусть будет...[151]. Когда будет сооружен (храм), козленок пусть будет зарезан богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди, корова—богине Арубаини; когда будет построен, обставлен(?)[152] (храм), козленок пусть будет зарезан богу Халди, бык пусть будет принесен в жертву богу Халди...[153], корова—богине Аруба(и)ни. Когда Малый храм бога Халди будет завершен(??)[154], козленок пусть будет зарезан богу Халди...".

***

Выше приведен перевод лишь строк 1—12 надписи. Начиная с 13-й строки текст содержит значительное количество новых слов, грамматических форм и т.д., поэтому трудно предложить связный

[146] Ср. É mu-ri-e, É mu-ri-li сардуровской летописи (УКН, 155С, стк. 27, 31).

[147] Быть может, zu-ma-ṭèi-ni-e?

[148] Здесь текст I прерывается.

[149] Или: „(чтобы) было(?)".

[150] То же, что и Иуарша. Возможно также чтение Иубша.

[151] Пропущен перевод отрывка ...suiuli tanulini ina| . . . . . | edini šidulini mei ešimeṣi elmuše manuni.

[152] Так предположительно переводим новый глагол paḫazuli.

[153] Пропуск между строками 11 и 12.

[154] Предположительный перевод глагола aguli. Ср. ag(u)- „проводить" (канал) „уводить" (пленных).

перевод для строк 13—22. Однако общее содержание текста все же и в этой части надписи в основном ясно. Здесь содержится повеление о том, чтобы „земля пустынная пусть не будет ešimeşi eimušc“ (стк. 13). Затем, в не совсем понятном отрывке упоминаются: известный уже культовый объект „ворота бога Халди“, какая-то профессия—^{LÚ}palagi и „дом бога Халди“ (стк. 14).

Далее, как будто, в надписи речь идет о необходимости проведения каких-то культовых обрядов („жертвоприношение“—TAG) перед богом Халди (^{D}Haldi-ka) и его супругой Арубаини (^{D}'Arubaini-ka), вернее перед их статуями, которые, вероятно, были установлены в культовом объекте „дом sir(i)ḫani“ (стк. 15). Надпись указывает, возможно, на то, что „дом sir(i)ḫani“ находился „перед (домом) susi“ (É sirḫanini susini-ka стк. 16).

Затем повествуется, по-видимому, о необходимости жертвоприношения в честь бога Халди (^{D}Haldie išani šini zadini TAG) перед воротами бога Халди (^{D}Ḫaldinani KA'-ka, стк. 17), причем в связи с этим надпись содержит приказ о том, чтобы из пожертвованных животных „все zieldi (и) сердце“ (šuinini zieldi ŠÀ) должны были быть поднесены урартскому царю Руса (^{I}Rusa ardulini—стк. 18). Несколько ниже упоминается опять-таки zieldi, вместе с тем также barzani, которые при жертвоприношении нужно было поднести царю (kamnini TAG-šinini barzani zieldi LUGA'L-e ardulini), когда последний прибудет в город Тейшебаини (aše LUGA'L-ni ^{D}IM-ni URU manuli—стк. 19).

В конце сохранившейся части текста в неясных контекстах снова упоминаются „дом бога Халди“ (стк. 20, 21) и „дом sir(i)ḫani“ (стк. 20, 22).

ТЕКСТ II

Настоящий текст представляет правосторонний камень с надписью. Недостает, по крайней мере, по одному камню сверху и снизу нашего камня и, соответственно, трех камней слева. Судя по нашему тексту и восстановленным отрывкам, правосторонние камни, очевидно, были примерно в полтора раза большей величины, чем левосторонние.

Согласно имени составителя (Руса II), словарному фонду, количеству строк (11), палеографическим особенностям (ассирийский почерк письма) и т.д. текст II полностью примыкает к рассмотренному выше тексту I. Однако, ввиду отсутствия некоторых других отрывков, к сожалению, в настоящее время невозможно установить точное место рассматриваемого текста в публикуемой пространной надписи.

Разбираемый текст II[1], с другой стороны, имеет удивительное сходство с одной дефектной надписью, происходящей из Адыльджеваза (на северном побережье озера Ван) и хранящейся в настоящее время в ванском музее[2]. Адыльджевазская надпись, как и наша кармирблурская, составлена урартским царем Руса (опять-таки без указания его отчества). В основном совпадает также словарный фонд обеих надписей. В адыльджевазской надписи отсутствует конец строк (здесь мы уже не говорим об отсутствии верхней и нижней частей надписи), в то время как начало строк сохранилось полностью. Таким образом, кармирблурская и адыльджевазская надписи выгодно дополняют друг друга и создают определенные предпосылки для воссоздания в ряде мест, отчасти и для интерпретации, текстов обеих надписей.

Тождественность урартских надписей Русы, сына Аргишти, происходящих из Кармир-блура (юго-западная окраина Еревана) и Адыльджеваза (северное побережье озера Ван), нельзя считать случайным явлением. Руса II производил, очевидно, одинаковые мероприятия в указанных отдаленных друг от друга центрах Ванского царства. Именно этим и следует объяснить аналогичность содержаний интересующих нас письменных памятников.

---

[1] Предварительная публикация текста II см.: *И. В. Арутюнян*, Новая клинообразная надпись из Кармир-блура, ИФЖ, 1962, № 3 стр. 95—114.

[2] *P. Hulin*, New Urartian Inscriptions from Adilcevaz, AS, vol. IX, 1959, p. 189—195.

Итак, 1-я строка II текста кармирблурской надписи начинается знаком, имеющим слоговые значения tak/q, tag, šum. Однако, имея в виду аналогичные с нашим контекстом отрывки других урартских надписей, мы склонны упомянутому знаку придать не слоговое, а гетерографическое значение, с возможным восприятием TAG[3] „жертвовать", „пожертвование". К тому же, возможность рассмотрения этого знака в слоговом значении—в качестве окончания предыдущего слова, полностью исключается и тем, что в урартской клинописи в целом нам не известно ни одного слова, оканчивающегося на любой согласный, в том числе на k, q, g, m (tak/q, tag, šum).

Далее в 1-й строке налицо знак bar (par), после чего следуют za и ni. Кстати, знак za имеет некоторое повреждение с правой стороны. Это обстоятельство на первый взгляд может создать впечатление, будто в данном случае мы могли иметь дело с повреждением углового клина, следовательно, вместо za надо прочесть, быть может, ḫa. Однако наличие в урартских надписях слова bar-za-ni (par-za-ni) и следующего за ним zi-el-di (о чем ниже)[4], которые, кстати, как правило, выступают вместе, не оставляет никакого сомнения в том, что в данном случае, безусловно, мы имеем дело именно со знаком za[5] (а не ḫa?), а в конечном счете со словом bar-za-ni. Значение слова barzani, к сожалению, пока трудно установить, хотя оно встречается уже в трех урартских надписях, о чем уже говорилось выше.

В первой строке надписи после barzani читается zi-el-di. Это слово нам известно также из трех других урартских надписей[6], однако, ввиду трафаретности контекстов, значение его, к сожалению, не установлено. Кстати, по форме как будто совпадают корни (основы) нашего zieldi и переходного глагола zield(u)- (если, конечно, не ziel-d(u)-?). В билингве Русы I из Топузава глаголу [zi]-el-du-bi (1-е лицо единственного числа прошедшего времени) урартского текста соответствует ú-si-iq (порода II_1 от sâqu „расчленять", „притеснять", „угнетать" и т.д.) ассирийского текста[7]. Однако в настоящее время, к сожалению, трудно что-либо утвердительно сказать по поводу смысловых связей интересующего нас zieldi и глагола zield(u)-.

После слова zieldi в 1-й строке текста упоминается гетерограмма LUGA'L вместе с падежным окончанием -e (LUGA'L-e), а затем глагол ar-du-li. Здесь, очевидно, мы имеем дело с переходным глаголом 3-го лица единственного числа повелительного наклонения страдательного

---

[3] Соответствует урартскому слову urpu. Ср. стк. 30—31 и 4, 93 мхеркапусинской надписи (CICh, 18. УКН, 27).

[4] УКН, 89, стк. 9—10; 142, стк. 3.

[5] Кстати, на камне (это видно и на фотоснимке) нет места для такого углового клина.

[6] УКН, 89, стк. 9; 142, стк. 3; 143, стк. 11.

[7] *M. Tseretheli*, Études ourartéennes, RA, № 4, XLIV, 1950, p. 185—192, ур. текст, стк. 30—ассир. текст, стк. 28. УКН, 264.

залога[8] (ard(u)- представляет собой распространенную с d основу от известного глагола ar(u)- „давать"; ср. ardaie „приношение?").

Исходя из сказанного, для 1-й строки в целом можно предложить следующее чтение:

...| TAG bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e[9] ar-du-li[10]

Здесь содержится приказ о том, чтобы barzani и zieldi жертвуемых животных были преподнесены урартскому царю Руса II.

В начале 2-й строки имеется знак ni. Судя по тексту, его следует отнести к предыдущему слову, высеченному в конце той же строки необнаруженного камня, стоявшего слева нашего камня. Затем следуют: a-li, детерминатив LÚ („человек", „народ", название профессий, категория людей) с a-u+e(?)-i-ṭe-ni. Слово a-li, как известно, в урартском языке выступает в трех разных значениях: 1) ali(e)—переходный глагол 3-го лица единственного числа настоящего времени „(он) говорит"; 2) ali(e)—относительное местоимение „который", „что", „(вот) какой", „каковой"; 3) ali—наречие времени „когда."

Исходя из контекста, слову ali в данном случае мы склонны придать значение относительного местоимения. Что касается LÚa-u+e(?)[11]-i-ṭe-ni, то под ним следует усмотреть, по-видимому, какую-либо профессию—служитель храма. В публикуемых текстах наряду с LÚaueiṭeni (читай awiṭeni?), как известно, упоминается также другая профессия—LÚpalagi (читай palaji?—текст I, стк. 14).

Строка 2-я надписи завершается словами zu-ma-gi a-šú-li, первое из которых в урартских письменных источниках выступает лишь в публикуемых текстах (см. также текст I, стк. 21, 22), в то время как второе является уже известным глаголом aš(u)- (ср. aš-d(u)-?) с возможным значением „оставлять(?)", „покидать(?)", „отталкивать(?)". Переходный глагол aš(u)- в других надписях встречается в 1-м лице единственного числа прошедшего времени (ašubi)[12] и в 3-м лице того же числа и времени (ašuni—УКН, 29, стк. 6, 7). От того же корня мы имеем также непереходный глагол с энклитической частицей -ul- (ašulabi, ašulani)[13]. Что касается глагольной формы ašuli публикуемой надписи, то, судя по тексту, она является, по-видимому, переходным глаголом 3-го лица единственного числа будущего времени[14].

---

[8] Глагол arduli по своей форме совпадает с переходным глаголом 1-го лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности.

[9] Очевидно, окончание дательного падежа.

[10] Ср. выше, текст I, стк. 19: ...| a-še LUGA'L-ni DIM-ni URU ma-nu-li kam-ni-ni TAG-ṣi-ni-ni bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li-ni...

[11] Или u-e, или di(?). В урартских клинописных табличках из Кармир-блура этот знак встречается неоднократно—УПД, текст № 1, стк. 6 (дважды); текст № 4, стк. 8; текст № 5, стк. 7.

[12] УПМГ, 18, стк. 13; УКН, 155В, стк. 24, D, стк. 28, E, стк. 11.

[13] УКН, 155А, стк. 12, C, стк. 46; 24, лиц. стор., стк. 28, обор. стор., стк. 35.

[14] По своей форме он совпадает с переходным глаголом 1-го лица единственного числа прошедшего времени с объектным показателем множественности или 3-го лица единственного числа повелительного наклонения страдательного залога.

Исходя из вышеизложенного, для 2-й строки публикуемого текста считаем целесообразным предложить следующее чтение:

...]-ni a-li LÚa-u+e(?)-i-tè-ni zu-ma-gi a-šú-li

Переходя к чтению и интерпретации 3-й строки текста, следует обратить особое внимание на то, что, начиная с указанной строки и вплоть до конца текста, наша надпись в основном совпадает с одной адыльджевазской надписью того же Русы II. Исходя из этого, далее мы будем стараться на основании этой адыльджевазской надписи (см. ниже, текст V) восстановить некоторые недостающие части рассматриваемой кармирблурской надписи.

Итак, в начале 3-й строки нашей надписи налицо BE.LI[15] „оружие" (от аккадского bēlu), затем следует его эпитет ga-zu-li „прекрасный", „отличный", „хороший". Слово gazuli, как известно, встречается также в адыльджевазской надписи того же Русы II (см. ниже, текст V, стк. 2) и в келяшинской билингве царей Ишпуини и Менуа. Согласно последней, где урартскому gazuli соответствует ассирийское damqu[16], удалось установить значение слова gazuli.

Далее в 3-й строке кармирблурской надписи имеется слово te-er-du-li-ni, которое является, по-видимому, переходным глаголом 3-го лица единственного числа будущего времени[17]. Этот глагол образован от ter(u)- „класть", „ставить", „поставить", „установить" с распространенной в урартском основой d. Далее следует непонятное слово ši-si-ni[18].

Таким образом, в 3-й строке кармирблурского отрывка надписи налицо:

...] BE · LI ga-zu-li te-er[19]-du-li-ni ši-si-ni

Приведенная строка кармирблурского текста полностью совпадает со 2-й строкой адыльджевазской надписи, где перед BE · LI имеется еще ku-ul-mu-li-ni a-li-e[20], поэтому надо полагать, что 3-я строка кармирблурской надписи в целом могла иметь следующий вид:

...ku-ul-mu-li-ni[21] a-li-e] BE · LI ga-zu-li te-er-du-li-ni ši-si-ni

Переходим к чтению 4-й строки надписи. Здесь в начале строки имеется -li, а затем a-še. Знак -li является, по-видимому, окончанием какого-то слова, высеченного в конце 4-й же строки недостающего левостороннего камня. Что касается слова aše, то под ним следует

---

[15] BE·LI упоминается также ниже, в строках 2, 4 текста V, а также в УКН, 25, стк. 5, 10; 27, стк. 7, 41; 155G, стк. 9.

[16] CICh, № 12, ур. текст, стк. 9 (дважды) ассир. текст, стк. 8 (дважды). УКН 19, те же строки.

[17] По своей форме он может быть также переходным глаголом 3-го лица единственного числа повелительного наклонения страдательного залога.

[18] Это слово встречается также в адыльджевазской надписи Русы II. См. ниже, текст V, стк 2.

[19] Или -ir-.

[20] Эти слова могли быть высечены в 3-й строке недостающего левостороннего кармирблурского камня.

[21] Это слово П. Хюлин сопоставляет с kulmeie- AS, IX, 1959, стр. 192, прим. 7.

видеть, возможно, наречие времени „когда". Далее следует e-si место" и глагольная форма ma-nu-li. Неправильный глагол manu „быть, существовать" здесь выступает, по-видимому, в 3-м лице единственного числа будущего времени[22]. Рассматриваемая 4-я строка текста завершается словами i-šá-hi-ni te-er-du-li$_9$. Слово išahini в урартской клинописи встречается совсем редко (см. также ниже, текст V, стк. 3). Возможно оно стоит близко к išani „с той стороны"[23]. Что касается te-er-du-li$_9$, то здесь, как и в предыдущей 3-й строке, мы, вероятно, имеем переходный глагол ter(u)- „класть", „ставить", „поставить" (с распространенной в урартском основой d) 3-го лица единственного числа будущего времени или повелительного наклонения страдательного залога.

Итак, на основании вышесказанного считаем возможным 4-ю строку надписи транслитерировать следующим образом:

...]-li a-še e-si ma-nu-li i-šá-hi-ni te-er-du-li$_9$[24]

Следующая, 5-я строка текста начинается с уже известного (см. строки 3, 4) глагола terd(u)- (te-er-du-li-ni). Затем здесь налицо гетерограмма É „дом" вместе со словом a-du-nu-si-ni. Весьма вероятно, что adunusini является эпитетом к гетерограмме É и указывает на вид или характер данного культового сооружения (ср. É susi, É sir(i)-hani, ^{D}Haldini É публикуемых текстов). На это, как нам кажется, указывает также суффикс -nusini[25]. С другой стороны, возможно от основы adu- слова adu-nusini мы имеем глагол a-du-li-e, который в урартской клинописи встречается лишь в одной из трудно поддающихся интерпретации надписей Сардури II, происходящих из развалин Аргишти-хинили-Армавира (УКН, 169, стк. 10).

После уже рассмотренной комбинации É adunusini, в 5-й строке упоминается имя царя—составителя надписи: ^{I}Ru-sa-a-še[26]. К сожалению, здесь, как и во многих других отрывках публикуемых текстов, отчество царя отсутствует[27]. Однако трудно сомневаться в том, что во всех случаях мы имеем дело с единым пространным текстом, составителем которого являлся именно Руса, сын Аргишти II, т.е. Руса II.

---

[22] По своей форме manuli совпадает с 3-м лицом множественного числа прошедшего времени.

[23] УКН, 28, верхн. стор., стк. 9, 13; 155F, стк. 13; 266, стк. 12. Общеизвестно, что притяжательные суффиксы -ni и -hini особенно в топонимических названиях, как правило, чередуются. Ср., например, Ethuni и Ethuhini, Uelikuni и Uelikuhini и т.д.

[24] Этой строке соответствует строка 3 адыльджевазской надписи (см. ниже, текст V), где имеется: aše esi manuli išahini terdulini alie u[. . . . .]. Следовательно, вполне вероятно, чтобы следующая 5-я строка недостающего левостороннего камня кармирблурской надписи начиналась с a-li-e ú-[. . . . .]. Отметим также, что издатель адыльджевазской надписи П. Хюлин знак i слова išahini присоединяет к предыдущему manuli, а в знаке šá видит его гетерографическое значение NIG „дар", „подарок", „посвящение".

[25] Ср. хотя бы URU LUGA'L-nusi „город царский" („столица").

[26] Конечный знак -še, как известно, является показателем эргативного падежа.

[27] См. также текст I, стк. 2, 6, 8, 18; текст II, стк. 9. То же самое явление наблюдается и в адыльджевазской надписи того же Русы II (см. ниже, текст V, стк. 4, 7).

Имя и отчество царя совместно упоминаются лишь в трех местах: в самом начале надписи (текст I, стк. 1), в титулатуре царя (текст I, стк. 5) и, наконец, в конце надписи—в формуле проклятия (текст III, стк. 3).

Исходя из вышесказанного, для 5-й строки надписи следует предложить чтение:

...] te-er-du-li-ni É a-du-nu-si-ni[28] [Ru-sa-a-še

Адыльджевазская надпись подсказывает, что в начале этой же строки левостороннего камня нашей надписи, по всей вероятности, были высечены также a-li-e i-ni ú-[li?][29], следовательно, для данной строки кармирблурской надписи в целом можно предложить транслитерацию:

[a-li-e i-ni ú-li...?] te-er-du-li-ni É a-du-nu-si-ni [Ru-sa-a-še[30]

Следующая, 6-я строка публикуемого текста начинается знаком -še, который является, очевидно, окончанием слова kumemuše. На это указывает опять-таки адыльджевазская надпись (см. ниже, текст V, стк. 4). В рассматриваемой строке кармирблурской надписи затем налицо BE · LI „оружие" и знак el, который в данном случае выступает, несомненно, в его гетерографическом значении, ибо он стоит между упомянутым BE · LI и [D]Ḫaldinani KA′. Между тем знак el—гетерографически SIKIL—в аккадской клинописи имеет следующие чтения: ebēbu „чистый", „невинный", elēlu „светлый", „ясный", „яркий" (переносное значение: „звонкий"), ellu „чистый", „светлый", „ясный", „яркий", „веселый", „радостный" и т.д. и т.п.[31]. Следовательно, вполне ясно, что гетерограмма SIKIL с возможным значением „чистый", „яркий", „освященный"[32] и т.д. указывает именно на состояние, качество или предназначение оружия (BE · LI).

После уже рассмотренной комбинации BE · LI SIKIL в 6-й строке текста читается [D]Ḫal-di-na-ni KA′ ḫa-ú-li. Здесь [D]Ḫaldinani KA′ стоит в отложительном падеже множественного числа („от ворот бога Халди"), а ḫauli—в 3-м лице единственного числа будущего времени („унесет"). Тождественность текста рассмотренной строки кармирблурской надписи с соответствующим отрывком адыльджевазской надписи (см. ниже, текст V, стк. 4) дает нам полное основание восстановить недостающий отрывок рассмотренной строки. Итак, для 6-й строки кармирблурской надписи в целом мы предлагаем следующее чтение:

---

[28] Быть может, É является детерминативом к adunusini, тогда читай É-a-du-nu-si-ni.

[29] Ср. выше, текст I, стк. 16: ...a-li i-ni ú-li... На основании приведенного отрывка I текста кармирблурской надписи нами восстанавливается знак li слова ú-[li?] адыльджевазской надписи.

[30] Ср. стк. 3—4 адыльджевазской надписи (текст V в нашей публикации).

[31] *A. Deimel*, ŠL, стр. 1037, знак № 554 (2, 3, 4).

[32] На возможность значения „освященный" гетерограммы SIKIL любезно указал нам Г. А. Меликишвили.

[a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu]-še BE · LI SIKIL ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′ ḫa-ú-li[33]

Приведенный контекст становится более понятным, когда учитываем субъект этого предложения — ^{I}Ru-sa-a-še, имеющийся в конце предыдущей 5-й строки. И тогда сразу видно, что a-li является глаголом („говорит"), а a-lu-še—относительным местоимением („кто, который" и т.п.). Таким образом, ^{I}Ru-sa-a-še [a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu]-še BE · LI SIKIL ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′ ḫa-ú-li можно перевести: „Руса говорит: Кто освященное (?) kumemuše (и) оружие освященное(?) от ворот бога Халди унесет...".

В начале 7-й строки рассматриваемого текста имеется a-še—возможно, наречие времени „когда". Далее следуют непонятное слово su-nu-e[34], глагол i-ru-i-du-li (ср. irid(u)- „изменять место")[35]. По-видимому, здесь мы имеем распространенную с d основу от глагола ir(u)- (i-ru-ú-li-e. УКН, 100, стк. 5). Интересующий нас глагол i-ru-i-du-li, как и ḫa-ú-li выше, здесь стоит, вероятно, в 3-м лице единственного числа будущего времени.

В конце 7-й строки имеется уже известное из 6-й строки слово ku-me-mu-še, а затем гетерограмма GIŠ. В урартских надписях GIŠ выступает в качестве детерминатива к šuri „оружие", GIGIR „колесница", šari „(фруктовый) сад", uldi(-GEŠTIN) „виноградник", „вино", ŠAMŠE „хлеб (в поле)" и т.д. В исключительных случаях GIŠ выступает также в качестве гетерограммы (УКН, 27, стк. 29, 90) и то лишь в значении „(фруктовый) сад".

В отличие от GIŠ других надписей, гетерограмме GIŠ нашего текста мы склонны придать значение „оружие" (ср. GIŠ, GIŠšuri, šuri). Это мнение находит свое подтверждение в некоторых фактах публикуемого текста. Дело в том, что в рассматриваемой 7-й строке интересующая нас гетерограмма упоминается вслед за словом ku-me-mu-še, в то время как в 6-й строке за этим же словом kumemuše следует гетерограмма BE · LI „оружие". Кстати, в указанных контекстах имеется лишь несущественная разница: в 6-й строке kumemuše и BE · LI при себе соответственно имеют эпитеты-синонимы KÙ и SIKIL „освященный", в то время как kumemuše и GIŠ 7-й строки выступают без указанных эпитетов. Здесь следует учесть и то обстоятельство, что в конце 7-й строки не было достаточного места для высечения BE · LI, поэтому урартский писец здесь обозначил наиболее сокращенное написание слова „оружие" (GIŠ)—синоним BE · LI.

Перед уже рассмотренным контекстом 7-й строки кармирблурской надписи, в адыльджевазском тексте имеется NA$_{4}$ ʾa-ḫu-li-i-ni a-li-e, поэтому для указанной строки кармирблурской надписи в целом предлагаем чтение:

---

[33] Ср. стк. 4 адыльджевазской надписи.

[34] Это слово выступает также в адыльджевазской надписи. См. ниже, текст V, стк. 5.

[35] УКН, 20, обор. стор., стк. 25; 24, лиц. стор., стк. 27, обор. стор., стк. 34; 276, обор. стор., стк. 22. Чтение этого глагола в тексте УКН, 24 установлено И. М. Дьяконовым—УПД, стр. 82 и прим. 136.

[NA$_4$ 'a-hu-li-i-ni[36] a-li-e] a-še su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mu-še GIŠ[37]

В начале 8-й строки читается ...]-mu-li-ni. Адыльджевазская надпись указывает на то, что первый слог *a-* этого слова остался в конце данной строки левостороннего камня, следовательно, вполне понятно, что здесь мы имеем дело со словом [a]-mu-li-ni, т.е. с переходным глаголом 3-го лица единственного числа будущего времени. Этот же глагол am(u)-, но уже в 1-м лице единственного числа прошедшего времени, встречается как будто также в Хорхорской летописи[38].

В продолжении 8-й строки налицо гетерограмма KI „земля" с аккадским фонетическим комплементом TIM, т.е. ERṢETIM^{TIM} и с урартским дополнением *-a* (окончание соответствующего урартского слова qi(u)ra или показатель множественного числа местного падежа). Далее читается слово qul-di-ni-ni („пустынная"), которое в урартских надписях закономерно выступает с гетерограммой KI или с урартским ее эквивалентом qi(u)ra „земля". Словосочетание qi(u)rani quldini, как известно, в урартских надписях выступает в связи со строительными мероприятиями царя; в данном случае оно указывает, по-видимому, на состояние данной территории до сооружения города-крепости Тейшебаини и целого комплекса культовых объектов составной части цитадели. Строка 8-я завершается словом a-li[39] и гетерограммой KÙ[40], известной уже из 6-й строки рассматриваемого текста.

На основании вышесказанного, приводим ниже транслитерацию 8-й строки текста:

...a]-mu-li-ni KI^{TIM}-a qul[41]-di-ni-ni a-li[42] KÙ[43]

В 9-й строке текста ничего нового нет. Она является дословным повторением 5-й строки, за исключением того, что начальные слоги te-er глагола terdulini остались в конце 9-й же строки недостающего левостороннего камня. Кроме того, перед нашим текстом в 6-й строке адыльджевазской надписи имеется iš-ti-ni ma-nu. Исходя из сказанного, приводим полный текст рассматриваемой строки нашей надписи:

---

[36] Этот глагол в 3-м же лице единственного числа будущего времени выступает также в УКН, 65, стк. 31. В нашей надписи он упоминается в связи с NA$_4$ („камень с надписью"), в то время как в УКН, 65—с GEŠTIN^{MEŠ} šuḫe („новое вино"). Исходя из этого, глаголу 'aḫ(u)- предположительно придаем значение „изготовлять(?)". Ранее предложенные переводы (*И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 87. *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 106, прим. 18) как будто не оправдывают себя в кармирблурской и адыльджевазской надписях.

[37] Ср. адыльджевазскую надпись, стк. 5.

[38] Здесь перед a-mu-ú]-bi имеется повреждение. См. ХЛА, стр. 100 (III, 32) и прим. 6. УКН, 127, III, 32. Глагол am(u)- не имеет ли отношения к am-aš(u)-? (ср. šid(u)- и šid-iš(u)-, ul(a)- и ul-uš(a)- и т.д.).

[39] Следует обратить внимание, что в УКН, 268, стк. 6 a-li выступает не после KI^{TIM} quldinini, как в данном случае, а между KI^{TIM} и quldini.

[40] См. *René Labat*, MÉA, знак № 458.

[41] В адыльджевазской надписи qu-ul (текст V, стк. 6).

[42] В адыльджевазской надписи a-li-e (текст V, стк. 6).

[43] Эту строку ср. со строкой 6 адыльджевазской надписи.

[iš-ti-ni ma-nu te-er]-du-li-ni É a-du-nu-si-ni [Ru-sa-a-še[44]

В начале 10-й строки имеется знак -ni, который является, несомненно, окончанием недостающего имени бога Халди — [DḪal-di]-ni. Об этом свидетельствует 6-я строка адыльджевазской надписи. В 10-й строке кармирблурской надписи далее налицо гетерограмма É „дом" и глагол áš-du-li. É относится, несомненно, к предыдущему [DḪal-di]--ni, следовательно [DḪal-di]-ni É „дом бога Халди" — уже известное нам культовое сооружение[45], возможно одна из составных частей „Малого храма"? (É · BA'R TUR). Что касается глагола áš-du-li, то он стоит, очевидно, в 3-м лице единственного числа будущего времени. На это указывают предыдущие a-li a-li-e, восстанавливаемые нами согласно адыльджевазской надписи. Первое из них следует за [Ru-sa-a--še предыдущей строки, следовательно, является глаголом 3-го лица единственного числа настоящего времени („Руса говорит"), а второе — относительным местоимением „кто".

Таким образом, [Ru-sa-a-še [a-li a-li-e DḪal-di]-ni É áš-du-li означает: „Руса говорит: Кто дом бога Халди ašduli". В связи с глаголом ašduli бросается в глаза тот факт, что он в наших текстах, как правило, выступает в связи с культовыми объектами „дом бога Халди" (I, 14, 21; V, 7) и „дом sir(i)hani" (I, 16).

Далее в 10-й строке имеется непонятное слово ḫa-ab-ti-ni, а затем qi, ma, nu, ni. Быть может, знак qi следует воспринять в его гетерографическом значении KIN (=ассир. šipru) „известие", „послание", „письмо" и т.д.[46], тогда далее мы имеем ma-nu-ni от неправильного глагола mani „быть, существовать". Однако не исключена возможность, что здесь мы имеем новый глагол qiman(u)-? (qi-ma-nu-ni?).

Исходя из вышеизложенного, приводим ниже чтение 10-й строки текста:

[a-li a-li-e DḪal-di]-ni É áš-du-li ḫa-ab-ti-ni KIN(?)[47] ma-nu-ni[48]

Конечная 11-я строка текста начинается знаком ni, который является, по всей вероятности, окончанием слова áš-ka-ṭè-ni. На это указывает адыльджевазская надпись. В этой последней перед aškaṭeni имеются также знаки GI'R и BAR. Кстати, слово aškaṭe(ni) в написании áš-ka-ṭè выступает также в одной из клинописных табличек Кармир-блура, которое, однако, И. М. Дьяконов без достаточного основания читает áš-ka-dè, считая его непереходным глаголом[49].

В 11-й строке кармирблурской надписи далее имеется слово ši-e--du-li, которое представляет, по-видимому, переходный глагол 3-го лица единственного числа будущего времени. Этот глагол выступает

[44] Ср. стк. 6—7 адыльджевазской надписи.

[45] См. выше, текст I, стк. 14, 20, 21.

[46] *A. Deimel*, ŠL, № 538 (10). *Fr. Delitzsch*, AL, № 299. *Л. А. Лапин*, АЯ, вып. I, № 299.

[47] Возможно также слоговое чтение qi, тогда вместе со следующим словом читай qi-ma-nu-ni.

[48] Ср. ниже, текст V, стк. 7.

[49] См. УПД, стр. 35 (текст № 5, стк. 10), 64, 87.

также в кешишгельской надписи Русы I(?) (УКН, 268, стк. 28), в надписи из Хаги Аргишти II[50] и в адыльджевазской надписи Русы II (см. ниже, текст V, стк. 8, 9). Вероятно, от основы того же глагола šied(u)- в урартской клинописи мы имеем слово ši-e-du-ú-e или ši-e-di-ú-e[51].

После ši-e-du-li в 11-й строке нашей надписи встречается уже известное, но трудно поддающееся толкованию неполное выражение me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še. Судя по аналогичным контекстам, здесь недостает слова manini (неправильный глагол manu—„быть", „существовать"), поэтому мы считаем несомненным, что в начале 12-й строки нашей надписи (на необнаруженном левостороннем нижнем камне) должно было фигурировать слово ma-nu-ni[52].

На основании сказанного, для конечной 11-й строки текста можно предложить следующее чтение:

|GI'R BAR áš-ka-ṭè[53]|-ni ši-e-du-li me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še[54]

Таким образом, исходя из изложенного, мы считаем возможным для обнаруженного отрывка кармирблурской надписи, а также (на основании адыльджевазской надписи того же Русы II) отчасти и для еще не обнаруженного левостороннего камня предложить следующую транслитерацию:

. . . . . .

(x+1) | · · · · · · · · · · | TAG bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li
(2) | · · · · · · · · · · · · |-ni a-li LÚa-u+e(?)-i-ṭè-ni zu-ma-gi a-šú-li
(3) | · · · · ku-ul-mu-li-ni a-li-e| BE · LI ga-zu-li te-er-du-li-ni ši-si-ni[55]
(4) | · · · · · · · · · · · · |-li a-še e-si ma-nu-li i-šá-ḫi-ni te-er-du-li$_9$[56]
(5) |a-li-e i-ni ú-li · · · ?| te-er-du-li-ni É a-du-nu-si-ni IRu-sa-a-še[57]
(6) |a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu|-še BE.LI SIKIL DḪal-di-na-ni KA' ḫa-ú-li[58]
(7) '|NA$_4$ 'a-ḫu-li-i-ni a-li-e| a-še su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mu-še GIŠ[59]
(8) | · · · · · · · · · · · · a|-mu-li-ni KITIM-a qul-di-ni-ni a-li KÙ[60]
(9) |iš-ti-ni ma-nu te-er|-du-li-ni É a-du-nu-si-ni IRu-sa-a-še[61]

---

[50] *M. de Tsereteli*, RA, 1958, LII, № 1, S. 29—36, стк. 22 оборотной стороны надписи. Ср. УКН, 276, обор. стор., стк. 22.

[51] УКН, 276, обор. стор., стк. 14; 238, стк. 25. Слово šieduli Г. А. Меликишвили склонен считать формой множественного числа от šiedue „вытекающий (?)", „выходящий (?)". УКН, стр. 407.

[52] См. публикуемые нами тексты: I, 10, 13; IV, 2, 6; V, 8, 9, 11. Это выражение см. также в УКН, 27, стк. 31, 94; 169, стк. 13.

[53] Вместо нашего tè П. Хюлин читает ne. См. *P. Hulin*, указ. соч., стк. 8 надписи.

[54] Ср. ниже, текст V, стк. 8.

[55] Ср. ниже, текст V, стк. 2. Здесь и ниже нумерация строк приводится согласно публикации П. Хюлина. При этом строка 2-я в этой публикации по существу соответствует строке 1-й сохранившейся части надписи, ибо 1-я строка текста повреждена почти полностью.

[56] Ср. текст V, стк. 3.

[57] Ср. текст V, стк. 3—4.

[58] Ср. текст V, стк. 4.

[59] Ср. текст V, стк. 5.

[60] Ср. текст V, стк. 6.

[61] Ср. текст V, стк. 6—7.

(10) [a-li a-li-e ᴰHal-di]-ni É áš-du-li ha-ab-ti-ni KIN(?) ma-nu-ni[62]
(11) [. . . GI'R BAR áš-ka-[e]-ni ši-e-du-li me-i e-ši-me-și el-mu-še[63]
[ma-nu-ni[64] . . . .

Кроме того, в адыльджевазской надписи имеются еще три строки (9—11), которые полностью отсутствуют на нашем кармирблурском камне и, по-видимому, были продолжением текста нашей надписи.

Изучение обнаруженных отрывков кармирблурской и адыльдже-вазской надписей со всей очевидностью показывает, что они в основном совпадают, за исключением того, что в кармирблурском тексте отсутствуют последние три строки (9—11) адыльджевазского текста, в то время как в последнем—первые две строки (1—2) кармирблурского текста. Кроме того, в этих текстах имеются некоторые несущественные разночтения слов чисто графического характера. Для наглядности и возможно всестороннего понимания кармирблурской (и адыльджевазской) надписи считаем целесообразным привести ниже сводный текст обеих надписей.

. . . .

(1)[65] [. . . . .] TAG bar-za-ni zi-el-di LUGA'L-e ar-du-li
(2) [. . . . .]-ni a-li ᴸᵁa-u-e(?)-i-[e-ni zu-ma-gi a-šú-li
(3) ku-ul-mu-li-ni a-li-e BE · LI ga-zu-li-e[66] te-er-du-li-ni ši-si-ni [. . . . . . .]-li
(4) a-še e-si ma-nu-li i-šá-hi-ni te-er-du-li-ni[67] a-li-e i-ni ú-li . . . . te-er-du-li-ni É a-du-nu-si-ni
(5) ᴵRu-sa-a-še a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu-še BE · LI SIKIL ᴰHal-di-na--ni KA' ha-ú-li
(6) NA₄ 'a-hu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-li ku-me-mú-še GIŠ[...
(7) a-mu-li-ni KITIM-a qu-ul[68]-di-ni-ni a-li-e[69] KÙ iš-ti-ni ma-nu te-er--du-li-ni É a-du-nu-si-ni
(8) ᴵRu-sa-a-še a-li a-li-e ᴰHal-di-ni-e[70] É áš-du-li-e[70] ha-ab-ti-ni KIN(?) ma-nu-ni [. . .

---

[62] Ср. текст V, стк. 7. Вместо KIN(?) ma-nu-ni возможно также qi-ma-nu-ni.

[63] Ср. текст V, стк. 8.

[64] Ср. текст V, стк. 8, где сохранился первый знак этого слова.

[65] Нумерация строк весьма условна. Величина строк этих двух текстов не совпадает: строки адыльджевазского текста (которые мы берем за основу при нумерации), очевидно, несколько длиннее строк кармирблурского текста (ср. например, стк. 4 адыльджевазской надписи со стк. 6 кармирблурской). При нумерации лишь первых двух строк мы руководствуемся кармирблурским текстом, ибо они полностью отсутствуют в адыльджевазском тексте.

[66] Кармирблурский текст знак *e* опускает.

[67] Вместо li-ni в кармирблурском тексте налицо совершенно новый знак—li₀.

[68] Вместо qu-ul в кармирблурском тексте налицо qul. Кстати, это последнее встречается также в 11-й строке адыльджевазской надписи (= стк. 12 данного сводного текста).

[69] Знак *e* кармирблурский текст опускает.

[70] В обоих случаях кармирблурский текст конечные знаки *e* опускает.

[71] Знак -ni кармирблурский текст опускает.

(9) GI'R BAR áš-ka-ṭè-ni ši-e-du-li-ni[71] me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-
-[nu-ni · · ·

(10) a-li-e ú-i uš-ta-ku-ni áš-du-li-ni ši-e-du-li-ni me-i e-ši-me-ṣi el-
-mu-še ma-[nu-ni · · ·

(11) ^{D}Ḫal-di-ni-i a-ma-ni-i-gi-di ip-ḫi-e ^{D}Ḫal-di-ni [· · · · · · · · ·
· · · · · · · · ·[72]

(12) 'a-ḫu-li-ni[73] KI^{TIM}-a qul-di-ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-
-[nu-ni · · ·

. . . . . .

Наконец, несколько слов о содержании кармирблурского отрывка надписи. Ввиду того, что он является лишь частью большого текста, к тому же отличается весьма своеобразным словарным фондом, трудно поддающимся во многих своих деталях достоверному толкованию, мы воздерживаемся в настоящее время предложить какой-либо связный перевод для данного отрывка надписи. Укажем лишь вкратце на некоторые существенные моменты, связанные с его содержанием.

В рассматриваемом тексте кармирблурской надписи речь идет, по-видимому, о каких-то обрядах, связанных с воздвигнутыми вновь культовыми объектами: домом adunusini (стк. 5, 9), воротами бога Халди (стк. 6) и домом бога Халди (стк. 10). Надпись содержит как будто приказ о том, чтобы barzani и zieldi жертвуемых животных были преподнесены урартскому царю (стк. 1). Далее в неясном контексте упоминается какая-то профессия—служитель храма? (^{LÚ}aneite-ni—стк. 2). Затем, то повествуется о „прекрасном оружии" (BE · L^{I} gazuli—стк. 3), то угрожается от имени царя лицам, осмелившимся, по-видимому, унести (похитить) от ворот бога Халди освященные оружие (BE · LI) и kumemuše (стк. 5—6).

В продолжении текста, в связи с чем-то, упоминается NA_4 (по-видимому, „надпись"?), а затем опять-таки kumemuše и GIŠ(=BE · LI) „оружие" (стк. 7; ср. стк. 6). Далее следует трафаретное выражение „земля пустынная" (KI^{TIM} quldinini—стк. 8), которое в урартских надписях выступает, как правило, в связи со строительными мероприятиями царей.

Исходя из общего содержания рассмотренного текста, нам кажется, что в данном случае мы имеем дело с отрывком надписи, помещенным, по-видимому, между основным текстом (см. выше, текст I) и формулой проклятия (см. ниже, текст III). Этим именно следует объяснить тот факт, что наш текст имеет элементы то основной части надписи, то формулы проклятия.

---

[72] Быть может, в самом конце этой строки имелась гетерограмма NA_4. Ср. стк. 6 настоящего сводного текста, где она как раз предшествует глаголу 'aḫulini (см. ниже, начало 12-й строки).

[73] Дополнительный знак i перед ni здесь опущен. Ср. выше, стк. 6.

* * *

Из раскопок Кармир-блура происходят также два фрагмента надписи, которые являются частями одного и того же камня. Один из них был обнаружен в 1939 г. (УКН, 318), а другой — в 1963 г. Мнение о том, что фрагмент УКН, 318, возможно, следует отнести к формуле проклятия, не находит должного оправдания. В приведенном ниже тексте III (формула проклятия) для указанного фрагмента невозможно найти подходящего места. К тому же под сохранившимися знаками последних строк трудно с уверенностью прочесть детерминатив бога (D), как это делают авторы публикации фрагмента 1939 г. Кстати, на этом сомнительном чтении (в обоих случаях сохранились два горизонтальных клина и один вертикальный) и основано мнение об отнесении этого фрагмента к формуле проклятия.

В этой связи следует иметь в виду, во-первых, что под упомянутыми неполными знаками, вероятно, скорее таится ti(?) (в обоих случаях не хватает конечного углового клина?)[74]. Во-вторых, другой фрагмент (неотъемлемая часть вышеупомянутого фрагмента), обнаруженный в 1963 г., еще более отклоняет нас от мысли отнести их к формуле проклятия публикуемых текстов. Кстати, и для этого фрагмента в формуле проклятия нашей надписи невозможно найти места.

Итак, фрагмент 1939 г. представляет нижнюю часть правого края камня, а фрагмент 1963 г.—верхнюю часть того же края. В обоих фрагментах сохранился далеко не полный текст восьми строк. Исходя из одинакового количества строк наших текстов (11), можно заключить, что в данном случае недостает еще последних трех строк данного камня.

Нам кажется, что данный отрывок имеет отношение к основному тексту нашей надписи, поэтому мы его условно приводим в связи со II текстом, тем не менее в общей нумерации, обозначая самостоятельным номером x[75]. Ниже приводим транслитерацию этого отрывка надписи:

. . . . . .

(x+1) . . . |-i-| . . .

(2) . . . |-si-| . . .

(3) . . . | za-du-| . . .

(4) . . . D|Ḫal-di-| . . .

(5) . . . |-i-ni[76] | . . .

(6) . . . |-|i-ni[76]| . . .

(7) . . . |-ti(?)-| . . .

(8) . . . |-ti(?)-| . . .

. . . . . .

[74] Чтение D менее вероятно хотя бы потому, что согласно ошибу наших текстов мы имели бы дело с нехваткой черточки (вместо горизонтального клина), начинающейся от предыдущего вертикального, в то время как в предпоследней строке данного фрагмента хотя и имеется для нее достаточное место, однако нет предполагаемой черточки.

[75] Быть может, здесь мы имеем фрагмент другой надписи?

[76] Или: . . .] i-ni | . . .

ТЕКСТ III

Составными частями разбираемого текста являются: опубликованный фрагмент 1936 г. (УКН, 284) и неопубликованные фрагмент и целый камень, обнаруженные на Кармир-блуре в 1962 г.

Рассматриваемый в данном разделе текст представляет из себя, в основном, завершающую формулу проклятия разрушителям или осквернителям надписи. Однако эта формула начинается здесь с середины 3-й строки, в то время как предшествующий, хотя и небольшой, отрывок вполне своеобразен и хотя примыкает то к одной, то к другой уже известной урартской надписи, все же полностью не совпадает с ними и с трудом поддается восстановлению и толкованию.

Итак, в начале 1-й строки настоящего текста фигурирует i-si i-| · · · Быть может, в данном случае мы имеем дело со словом isi, для которого Н. М. Дьяконов в последнее время предлагает перевод „всякий" (УПД, стр. 71). Между тем в урартских надписях за словом isi следует или ibirani (УКН, 88, стк. 11), или ikukani[1], или же *KITIM* (УКН, 268, стк. 12), причем в первых двух случаях встречается написание i-si, а в третьем — i-si-i (как в нашем тексте).

Следовательно, исходя из графических особенностей слова isi трудно сказать что-нибудь определенное о последнем знаке i, хотя не исключена возможность усмотреть под ним начало слов ibirani или ikukani. Дело усложняется особенно тем, что продолжение текста 1-й строки · · ·]-e me-i [g]i-e-i i-na-a-ni не только не совпадает, но и не имеет ничего общего с упомянутыми выше текстами со словом isi. Исходя из этого, трудно с уверенностью восполнить лакуну между isi, с одной стороны, и ...]e mei giei inani и т.д. — с другой.

Далее в продолжении 1-й строки и в начале 2-й мы имеем ...me-i |g]i-e-i i-na-a-ni ba-ú-ši-| · · · · · · | Примерно такая же фраза, как и следовало ожидать, встречается и в другой надписи царя Руса II (УКН, 278, стк. 7). Однако и здесь, к сожалению, мы имеем дело с дефектным текстом, причем если разбираемый нами отрывок пред-

[1] УКН, 100, стк. 10; 167, стк. 4; 169, стк. 2; 170, стк. 1.

шествует формуле проклятия, то упомянутый выше отрывок адыльджевазской надписи предшествует трафаретной титулатуре царя. Но, что бы то ни было, адыльджевазская надпись все же позволяет восстановить окончание ba-u-ši-|· · · · ·| знаками -|na-ni|. Таким образом, в конце 1-й и в начале 2-й строки следует прочесть ...]-e me-i |g|i-e-i i-na-a-ni ba-u-ši-|na-ni|, которое, согласно Г. А. Меликишвили, можно перевести „...пусть чему-нибудь из этих предметов (созданий) не (повредит кто-нибудь...)“ (УКН, стр. 342).

Труднее дается восстановление и интерпретация продолжения 2-й строки. Вслед за уже рассмотренным словом bauši|nani| имеется небольшая лакуна, где можно было бы поместить какое-нибудь короткое слово, состоящее из двух-трех знаков (быть может me-i?)[2]. Затем, в начале сохранившейся части 2-й строки камня 1936 г. заметны два „угловых“ клина, расположенных один над другим. Имея в виду следующий знак TUR, мы склонны под этими до сих пор не замеченными углышками видеть окончание знака GUD „бык“, „крупный рогатый скот“. Составная гетерограмма |GU|D(?).TUR[3] „малый бык“, „теленок“ встречается также в хозяйственном документе, происходящем из раскопок Кармир-блура[4].

Далее в строке 2 публикуемого текста сохранились знаки ia, ar, вторая половина di, затем a, ni. Мы склонны думать, что знак -ia относится, по-видимому, к составной гетерограмме |GU|D(?).TUR, за которой следует слово ar-|d|i-a-ni. Следовательно, получается |GU|D(?).TUR-ia ar-|d|i-a-ni[5]. Слово ar-di-a-ni встречается также в УКН, 169, стк. 5, которое, однако, Г. А. Меликишвили объединяет с предыдущим še-pu-ia и, следовательно, читает še-pu-ia-ar-di-a-ni. Но следует учесть, что от основы šepu- имеется глагольная форма šepu-ia-le (УКН, 169, стк. 20), которая, по-видимому, говорит в пользу нашего чтения šepuia и ardiani (ср., например, ueli и ueli d(u)-, uedia-(ni) и uedia d(u)- и т.д.). С другой стороны, как от основы kul(u)-, kul-d(u)- имеются kuli, kul-diani, от lak(u)-, laku-d(u)-—lakuiani, так и от основы ar(u)-, ar-d(u)- мы имеем ardaie, ardilani, ardiani.

Однако следует учесть, что при чтении šepuia и ardiani в УКН, 169, стк. 5 очень туго поддается толкованию окончание -ia слова šepuia, так как эта частица выступает также при глагольной форме šepu-ia-li в качестве показателя непереходности[6]. При нашем чтении

---

[2] Ср. УКН, 169, стк. 4—5, где примерно в таком же контексте повторяются, как и здесь, mei и mei giei.

[3] Ср. UDU·GAL „большой (взрослый) баран“ (УКН, 326), (UDU)·MA'Š·TUR „малый козел“, „козленок“ (УКН, 25. 27. 143. 281. 310a, а также публикуемый текст I, стк. 7, 10—12).

[4] *И. В. Арутюнян*, Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура, ВДИ, 1957, № 3, стр. 145—146.

[5] Очень заманчиво чтение |š|e(?)-pu$_3$(??)-ia ar-di-a-ni, как в УКН, 169, стк. 5, но в этом у нас нет полной уверенности.

[6] Непереходные глаголы с показателем -ia- обнаруживают близость к переходным. См. *Г. А. Меликишвили*, УЯ, стр. 46.

šepuia и ardiani единственным объяснением может быть случайное совпадение окончания слова šepuia[8] с показателем непереходности глагола šepu-ia-hi[8]. И если приведенные нами разъяснения могут быть правдоподобными, то šepuia следует воспринять в смысле абстрактного имени „порча(?)“ (ср. глагол šepu(ia)- „испортить“)“. В таком случае mei šepuia ardiani можно перевести так: „... пусть („крепость“— É · GAL) не даст порче (?)“, что, в конечном счете, не расходится с переводом Г. А. Меликишвили: ... пусть (ее) не испортит (?)“.

Возвращаясь снова к интересующей нас фразе публикуемого текста ...|me-i GU|D(?) · TUR-ia ar-|di|i-a-ni..., следует отметить, что если это чтение (особенно восстановление |me-i GU|D?) может быть правдоподобным, то под ним, по-видимому, подразумевается перевод „... пусть теленка(??) не даст...“. Идет ли здесь речь о нежелательности пожертвования теленка, тем более, что в тексте I, где сплошь и рядом отмечается о необходимости пожертвования козленка, быка, коровы и овцы, ни разу не упоминается теленок. Так или иначе, чтение и перевод этой фразы являются весьма гипотетическими.

В рассматриваемой строке 2 далее опять упоминается запретительная отрицательная частица me-i, а затем знаки tur, hi, a, ni. Первый знак tur, очевидно, следует воспринять в гетерографическом значении TUR, следующие за ним знаки hi-a не что иное, как ḪA′ (ср. УКН, 127, V, 79; 268, стк. 31)—„много“, „множество“ или показатель множественности, а конечное -ni—фонетический комплемент к гетерограмме TUR.

Но что же тогда подразумевается под TURḪA′-ni ? TUR, как известно, в урартских надписях выступает в комбинациях URU · TUR „город малый“, GUD · TUR „бык малый, теленок“, (UDU) · MA′Š · TUR „козел малый, козленок“; самостоятельное же упоминание TUR мы имеем лишь в разбираемой новой надписи. При этом, в отличие от приведенных выше примеров, где TUR выступает в качестве эпитета к URU, GUD и MA′Š, гетерограмму TUR нашей надписи мы склонны воспринять в качестве глагола 3-го лица единственного числа запретительной формы повелительного наклонения (как предыдущее ardiani)[9].

Что касается конечного -ni (TURḪA′-ni)[9a], то под ним, по-видимому, подразумевается окончание глагола(?) TUR (ср. то же окончание глагола ardiani) „быть маленьким“, „стать маленьким“[10]. Между тем, подобное явление, т.е. глаголы в гетерографическом написании с фонетическим дополнением, обозначающим окончание глагола, встречаются и в некоторых других случаях. Ср., например, GIBI′L-hi, GIBI′L-ni и amaštu-hi, amaštu-ni; KÙ-hi, KÙ-ni и atu-hi, atu-ni. Мало того, нам известны даже гетерографически написанные глаголы без фонети-

[8] Ср. anija arduni, išeja-me.

[8] Подобное совпадение окончания имени, на этот раз с показателем переходности глагола, замечается также в urpu и urp(u)-.

[9] См. *Г. А. Меликишвили*, УЯ, стр. 55

[9a] Быть может, tur-hi-a-ni? или TUR-hi-a-ni?

[10] См. *Л. А. Липин*, АЯ, I, стр. 19, знак № 108.

ческого комплемента (ср. TAG и urpilini; NI'G · BA и uštuni).

Таким образом, исходя из сказанного, для me-i TURUA'-ni строки 2 разбираемого текста можно предложить перевод: „пусть не будет маленьким (?)". Это требование надписи относится, по-видимому, к предназначенному для жертвоприношения крупному рогатому скоту. Согласно надписи, как будто запрещается жертвоприношение телят, и это выражение „пусть не будет маленьким(?)" (т.е., чтобы жертвенный крупный рогатый скот не был молодняком), быть может, повторно усиливает предыдущее выражение—„пусть теленка(??) не даст...". Кстати, такая интерпретация разбираемого текста, возможно, находит свое подтверждение и в том, что в урартских культовых надписях в целом нет ни единого примера о жертвоприношении телят.

В начале строки 3 имеется слово guni (gu-ni), которое нередко встречается и в других урартских надписях[11]. Считая основой этого слова gu-, И. М. Дьяконов отождествляет ее с основой слова gu-di („направо") и для интересующего нас guni предлагает перевод „поистине", „воистину"[12]. Далее в 3-й строке следует известное личное местоимение 1-го лица единственного числа ieše (i-e-še) „я".

Продолжения камня недостает. Трудно сказать что-нибудь определенное об утерянном здесь тексте, так как в урартских надписях нет ни одного аналогичного текста с предыдущими словами gu-ni i-e-še. Однако сохранившийся текст со всей очевидностью показывает, что в данном случае мы имеем дело с не совсем большой лакуной, где можно было бы поместить не более трех небольших знаков. При этом разбираемый текст здесь явно нуждается в глаголе, быть может в te-ru-bi? или в чем-нибудь в этом роде. Тогда речь может идти об установлении (ter(u)-) порядка жертвоприношения в честь нововоздвигнутых (или нововоздвигаемых?) культовых объектов.

С середины 3-й строки уже начинается трафаретная формула проклятия разрушителям, осквернителям и т.д. надписи. Здесь имеется небольшая лакуна, затем читается ...s|a-a-še, перед чем легко восстанавливается |Ru|: |Ru-s|a-a-še. Далее налицо отчество царя: Ar-|giš|-te-hi-ni-še, которое свидетельствует, что составителем нашей надписи является Руса II, сын Аргишти II, т.е. основатель административно-хозяйственного центра Тейшебаини. В самом конце 3-й строки имеется a-li—глагол 3-го лица единственного числа настоящего времени („говорит"). Таким образом, здесь мы имеем |Ru-s|a-a-še Ar-|giš|-te-hi-ni-še a-li „Руса, сын Аргишти, говорит..."

---

[11] УКН, 32, стк.5; 170, стк. 4; 268, стк. 8, 14; 300, стк. 3; 326, лиц. стор., стк. 4, 10, обор. стор., стк. 1, 8. УПД. № 2, стк. 6; № 3, стк. 4; № 4, стк. 5; № 7, лиц. стор., стк. 4, обор. стор., стк. 11.

[12] *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 49, 88. Кстати, И. М. Дьяконов и слово gu-li (УКН, 27, стк. 26, 81) связывает с gu-ni, считая его формой множественного числа. Однако не исключена возможность под gu-li видеть глагольную форму, образованную опять-таки через ту же основу gu-. В таком случае мы склонны из той же глагольной основы выводить и глагол gu-d(u)- (УКН, 27, стк. 29; 142, стк. 5).

В начале 4-й строки читается a-lu-še i-ni, затем имеется лакуна, а в продолжении: -¦li-e. Согласно урартскому трафарету, нетрудно убедиться в том, что в данном случае мы должны иметь a-lu-še i-ni |DUB-te tú|-¦li-e „... кто эту надпись уничтожит...". Этой фразой, как известно, закономерно начинаются завершающие формулы проклятия надписей[13]. Затем, в продолжении 4-й строки налицо фраза a-lu-še pi-tú-li-e „...кто (надпись) разобьет". В самом конце 4-й строки читается a-lu-še, а в начале 5-й: še-er-du-li-|e|. Восстановленный здесь знак *e* всегда фигурирует в конце глагола šer-d(u)-, причем в нашем тексте, как видно, он выступает также при глаголах tuli-e, pituli-e, duli-e, tiul-e. Итак, a-lu-še še-er-du-li-|e| означает „...кто (надпись) скроет..."

Далее в 5-й строке имеется довольно большая лакуна, а затем ...l¦i--e. Имея в виду, что здесь все еще продолжается формула проклятия, нетрудно догадаться, что в начале лакуны следует восстановить относительное местоимение a-lu-še, а перед указанным выше ...l¦i-e— знак du. Таким образом, в начале лакуны мы имеем a-lu-še, а в конце: |du-l¦i-e. Несколько сложнее обстоит дело с восстановлением утерянного текста между aluše и dulie. В этом вопросе, несомненно, могут оказать услугу аналогичные тексты формул проклятий с предыдущим глаголом šerdulie и последующим dulie. Однако следует обратить внимание, что хотя имеется ряд аналогичных текстов в формулах проклятия, но ни один из них полностью не совпадает с разбираемым текстом, поэтому трудно сказать что-нибудь определенное по поводу восстановления лакуны 5-й строки.

Дело в том, что между интересующими нас глаголами šerdulie и dulie в некоторых случаях имеется aluše aini(ei) inili[14], а в других случаях—aluše uli(e) inili[15]. С другой стороны, имеющаяся лакуна может поместить как первую фразу, так и вторую, причем нет особой разницы между ними и по содержанию. Одним словом, в 5-й строке разбираемого текста можно прочесть или |a-lu-še ú-li i-ni-li du-l¦i-e „...кто другого заставит совершить эти (дела)[16]...", или же: |a-lu-še a-i-ni i-ni-li du-l¦i-e „...кто кого-нибудь заставит совершить эти (дела)...".

В конце 5-й строки налицо a-lu-še ti-ú-li-e, а в начале 6-й строки сохранились лишь знаки i-e|... Сопоставление сохранившегося отрывка этой фразы с довольно часто встречающейся в надписях аналогичной фразой aluše uliše tiulie ieše zadubi[17], не оставляет никакого сомнения в том, что в данном случае не хватает окончания -še личного местоимения 1-го лица единственного числа ieše, а также переход-

---

[13] УКН, 30,стк. 15—16; 36, стк. 29—30; 43, стк. 7; 44, стк. 7—8 и т.д.

[14] УКН, 20, обор. стор., стк. 26—28; 156AII+AI, стк. 16—18; 158, стк. 36—37.

[15] УКН, 99, обор. стор., стк. 7—9; 169, стк. 22—24.

[16] Речь идет об уничтожении и т.д. надписи.

[17] УКН, 20, обор. стор., стк. 28—30; 36, стк. 32; 40, обор. стор., стк. 8—9 и т.д.

ного глагола 1-го лица единственного числа прошедшего времени za-d(u)- (za-du-bi). Таким образом, в конце 5-й и в начале 6-й строк следует прочесть a-lu-še ti-ú-li-e i-e-|še za-du-bi| „Кто скажет: Я совершил...[18].

Далее в 6-й строке имеется не совсем большая, но, к сожалению, нисколько не поддающаяся восстановлению лакуна. И несмотря на то, что нам известны не только фразы, стоящие до и после лакуны (...i-e-|še za-du-bi · · · · · · |a-lu-še šú-si-e), но и остатки конечных знаков лакуны (...|ni|-še?), восстановление данного отрывка надписи все же представляет особую трудность. Это объясняется тем, что за фразой aluše (uliše) tiulie ieše zadubi в урартских надписях, как правило, непосредственно следует turinini ^{D}Ḫaldiše ^{DIM}-(a)še ^{D}UTU-(ni)-še DINGIR^{MEŠ}-še и т.д., а рассматриваемый текст сильно расходится с приведенным трафаретом. В нашем тексте до turinini ^{D}Ḫaldiše и т.д. налицо aluše šusie, после чего, согласно аналогичным фразам, нетрудно восстановить |e-si-ni-ni ši-ú-li-e|.

Таким образом, упомянутый выше отрывок формулы проклятия рассматриваемого текста примыкает то к одним, то к другим трафаретным отрывкам формул проклятий урартских надписей и занимает среднее положение между ними. Мало того, слово šú-si-e фразы a-lu-še šú-si-e |e-si-ni-ni ši-ú-li-e| вообще отсутствует в формулах проклятия урартских письменных памятников. При этом šusi в урартском, как правило, выступает с окончанием -ni (šú-si-ni)[19]. Что касается написания šú-si-e нашего текста, то оно встречается в исключительных случаях. Точно такое же написание прослеживается еще в тексте глиняной таблички, обнаруженной в 1957 г. на Кармир-блуре (УПД, № 3, стк. 5). Кстати, šusi(ni) с уверенностью переводится „один", тем более, что в урартских летописных текстах нередко šusini šali заменяется I MU „один год". Таким образом, aluše šusie интересующего нас текста буквально следует воспринять „кто один", „кто некий", а в конечном счете—„кто-нибудь", „кто-либо", „кто-то", „некто". В связи с этим фразу ...aluše šusie |esinini šiulie| следует перевести „...(если) кто-нибудь с места (надпись) унесет..."[20].

В конце 7-й строки сохранилось: ...|-ri-ni-ni. Исходя из соответствующих отрывков формул проклятий урартских надписей, перед указанными знаками можно с уверенностью восстановить tú; |tú|-ri-ni-ni, как известно, является глаголом 3-го лица единственного числа повелительного наклонения — „пусть уничтожит", однако в данном случае он выступает в значении множественного числа, так как из сведений 8-й строки видно, что здесь мы имеем дело с множеством субъектов — боги Халди, Тейшеба и т.д. Кстати, в урартском известна также фор-

[18] Здесь имеется в виду сооружение культовых объектов, о чем, как известно, повествует текст I публикуемых надписей.

[19] Г. А. Меликишвили, УКН, стр. 408.

[20] В других случаях имеется несколько иная фраза: aluše giel inukani esinini šiulie „Кто что-нибудь с этого места унесет" (УКН, 127, VIII, стк. 11—12 и др.).

ма 3-го лица множественного числа повелительного наклонения глагола tur(u)-„уничтожить" (turutineni), однако она выступает лишь в тех случаях, когда субъекты предшествуют глаголу, а не следуют за ним, как в рассматриваемом тексте[21].

После слова turinini конца 7-й строки, в 8-й строке текста имеется довольно большая лакуна, за которой следует: ...]-še DAMAR-UTU-še. Из соответствующих отрывков формул проклятий нам известно, что за словом turinini закономерно следует DḪaldiše DIM-(a)še DUTU-(ni)še DINGIRMEŠ-še и т.д.[22]. Исходя из сказанного, строку 8 нашего текста можно восстановить следующим образом: |DḪal-di-še DIM-še[23] DUTU|-še DAMAR-UTU-še. Следует заметить, что вместо нашего DAMAR-UTU-še в формулах проклятия других надписей закономерно упоминается DINGIRMEŠ-še „боги", т.е. на разрушителей, осквернителей и т.д. надписей призывается божий гнев не только со стороны верховной триады — Халди, Тейшебы и Шивини, но и других богов вообще (DINGIRMEŠ-še). Упоминание DAMAR-UTU-še вместо DINGIRMEŠ-še намекает как будто на то, что под DINGIRMEŠ урартских надписей следует подразумевать не только всех остальных богов урартского пантеона (кроме Халди, Тейшебы и Шивини), но и богов вражеских стран.

DAMAR-UTU, т.е. верховный бог вавилонян Мардук, в урартских надписях до сих пор не засвидетельствован. Чем же следует объяснить его наличие в нашем тексте? Быть может, в данном случае Мардук является олицетворением богов вражеских народов вообще[24] и тогда под DINGIRMEŠ других надписей также следует подразумевать не только второстепенных урартских богов (кроме верховной триады), но и всех остальных богов вообще — как урартских, так и вражеских.

В рассматриваемой фразе |tú|-ri-ni-ni DḪal-di-še DIM-še DUTU-še DAMAR-UTU-še, как показывает окончание эргативного падежа -še, субъектами являются боги Халди, Тейшеба, Шивини и Мардук. Следовательно, эту фразу можно перевести так: „... пусть уничтожат[25] боги Халди, Тейшеба, Шивини, Мардук".

В 9-й строке имеется большая лакуна, за которой следует: ...]-zi DUTU-ni pi-e-i. Знак -zi является, несомненно, окончанием слова armuzi „семья(?)". Что же тогда могло быть в лакуне между DAMAR-UTU-še (или DINGIRMEŠ-še, как во всех остальных урартских надписях) и

---

[21] Об этом подробнее см. *Г. А. Меликишвили*, УЯ, стр. 53—54.

[22] УКН, 19, ур. текст, стк. 40; 36, стк. 33—34; 37, стк. 15—16; 39, стк. 25—26; 43, стк. 10—11; 44, стк. 11—12; 47, стк. 7; 57, стк. 18—20 и т.д. и т.п.

[23] Вместо гетерографической формы DIM-še лишь в одной надписи встречается ее урартское соответствие DTeišeba-še (УКН, 92b, стк. 15), однако в нашем тексте для последнего написания нет достаточного места.

[24] Наши соображения по поводу упоминания здесь Мардука см. также ниже, на стр. 96—97 настоящей работы.

[25] Выше уже шла речь о том, что здесь глагол turinini выступает в единственном числе, в то время как контекст явно нуждается в глаголе множественного числа.

armuzi. Кстати, в формулах проклятия слово armuzi встречается в исключительных случаях: лишь в Хорхорской летописи Аргишти I и в звартноцской надписи Русы II. При этом, между armuzi и DINGIR^{MEŠ}-še в Хорхорской летописи фигурирует слово mani[26], в то время как в звартноцской надписи — mei tini mei[27]. Приведенный пример Хорхорской летописи — неподходящий для нашего текста, ибо имеющаяся здесь лакуна занимает несколько большее пространство, чем требуется места для восстановления [ma-ni ar-mu]-zi. Что касается восстановления [me-i ti-i[28]-ni me-i ar-mu]-zi на основании звартноцской надписи, то это находит должное оправдание во всех смыслах. Оставляя в стороне соответствие такого восстановления к имеющейся лакуне, немаловажно отметить, что в данном случае для восстановления недостающего отрывка формулы проклятия надписи Русы II оказывает услугу другая надпись того же царя[29].

Таким образом, для 9-й строки в целом можно предложить следующее чтение:

...[me-i ti-i-ni me-i ar-mu]-zi ^{D}UTU-ni pi-e-i ...

„...пусть не (будет) ни (его) имени, ни (его) семьи под солнцем...“.

В конечной 10-й строке текста сохранились знак *e* и глагол ú-lu-li-e. Согласно аналогичным отрывкам формул проклятий урартских надписей не подлежит сомнению, что сохранившийся знак *e* является окончанием слова au(i)e. Но что же могло быть в предшествующей лакуне, т.е. между ^{D}UTU-ni pi-e-i предыдущей 9-й и [a-ú-i]-e ú-lu-li-e рассматриваемой 10-й строки. В таких контекстах, как правило, встречаются трафаретные фразы mei arhi uruliani mei ina(i)ni mei nara. Однако лакуна 10-й строки нашего текста ни в коей мере не достаточна для размещения всех этих слов. В ней можно поместить или me-i ar-hi ú-ru-li-a-ni, или же me-i i-na-(i)-ni me-i na-ra. Вызывает при этом недоумение необычайное для формул проклятий урартских надписей сокращение общей фразы mei arhi uruliani mei ina(i)ni mei nara au(i)e ululie, в то время как место вполне достаточно было для размещения полной фразы, если иметь в виду, что 11-я строка камня осталась совершенно свободной, без текста.

Таким образом, для конечной 10-й строки нашего текста можно предложить чтение:

[me-i ar-hi ú-ru-li-a-ni a-ú-i[30]]-e ú-lu-li-e, или же [me-i i-na-i[31]-ni me-i na-ra a-ú-i[30]]-e ú-lu-li-e

Исходя из сказанного, для текста III в целом предлагаем следующее чтение:

---

[26] УКН, 127, VIII, стк. 15—16; 128A3, стк. 13.

[27] УКН, 281, стк. 43—45.

[28] Наличие этого знака не обязательно.

[29] Однако звартноцская надпись после слова armuzi имеет совершенно другое продолжение: mei zilbi qiuraldi kulieiuni.

[30] Знак i иногда отсутствует в этом слове (УКН, 92*a*, стк. 19).

[31] Этот знак не всегда фигурирует при слове ina(i)ni—УКН, 92*a*, стк. 18; 158, стк. 40.

. . . . . .

(*x*+1) i-si i-⌊ · · · · · · · · · · ⌋-e[32] me-i ⌊g⌋i-e-i i-na-a-ni

(2) ba-ú-ši-⌊na-ni[33] me-i?[34] GU]D(?)[35] TUR-ia ar-⌊d⌋i-a-ni[36] me-i TURḪA'-ni[36a]

(3) gu-ni i-e-še ⌊ · · · · · ⌋[37] ⌊Ru-s⌋a-a-še ⌊Ar-⌊giš⌋-te-ḫi-ni-še a-li

(4) a-lu-še i-ni ⌊DUB-te tú⌋-⌊li-e a-lu-še pi-tú-li-e a-lu-še

(5) še-er-du-li-⌊e a-lu-še ú-li[38] i-ni-li du-l⌋i-e a-lu-še ti-ú-li-e

(6) i-e-⌊še za-du-bi?[39] · · · · · · · ⌋-⌊niɹ(?)-še(?) a-lu-še šú-si-e[40]

(7) ⌊e-si-ni-ni ši-ú-li-e tú⌋-ri-ni-ni[41]

(8) ⌊DḪal-di-še DIM-še[42] DUTU⌋-še[43] DAMAR.UTU-še[44]

---

[32] Быть может, i-si i-⌊bi-ra-ni⌋-e (ср. УКН, 89, стк. 11) или i-si i-⌊ku-ka-ni⌋-e (ср. УКН, 100, стк. 10; 167, стк. 4; 169, стк. 2). Имеющаяся лакуна вполне подходящая для подобных восстановлений. Однако следует иметь в виду, что контексты с Isi ibirani или Isi ikukani имеют совершенно другое продолжение.

[33] Ср. надпись того же Русы II, происходящую из Адыльджеваза: ...me-i gi-e-i i-na-a-ni ba-ú-ši-na-ni (УКН, 278, стк. 7). В аналогичном контексте надписи Сардури II из Армавира вместо нашего baušinani фигурирует близкое с ним по смыслу слово arniušinani (УКН, 169, стк. 5—6).

[34] Восстановление запретительной отрицательной частицы mei „пусть не" представляется нам вполне возможным не только согласно имеющейся лакуне, но и тем, что наш контекст, как будто, также подсказывает возможность такого восстановления: mei, как видно, здесь повторяется подряд: mei giei inani baušinani mei(?) GUD(?). TUR-ia ardiani mei TURḪA'-ni и т.д. Ср. mei ini É·GAL kuldiani mei šepuia(?) ardiani mei giei inani arniušinani (УКН, 169, стк. 4—6).

[35] Если это восстановление можно считать правдоподобным, то сохранились лишь конечные углынки гетерограммы GUD(?).

[36] Вместо ⌊GUD⌋(?)·TUR-ia ar-⌊d⌋i-a-ni заманчиво было бы чтение še(?)-pu$_5$(??)-ia ar-di-a-ni, как в аналогичном тексте УКН, 169, стк. 5, но это весьма загадочно особенно для знака pu$_5$(??) (вместо ясно высеченного TUR).

[36a] Или: tur-ḫi-a-ni? TUR-ḫi-a-ni?

[37] Быть может, ⌊te-ru-bi?⌋ или что-нибудь наподобие этого. Во всяком случае контекст как будто явно нуждается в глаголе.

[38] В тех случаях, когда вместо нашего aluše ilulie в надписях имеется aluše uliše ilulie, тогда вместо восстановленного нами uli стоит слово aini. Ср. хотя бы УКН, 30, стк. 17—18; 36, стк. 31—32 и т.д.

[39] Трафаретная фраза aluše uliše ilulie ieše zadubi встречается не только в звартноцской надписи Русы II (УКН, 281, стк. 37—38), но и в целом ряде надписей других урартских царей (УКН, 36, стк. 32; 92*a*, стк. 13—14, *b*, стк. 13—14; 127, VIII, стк. 9—10 и т.д.).

[40] Слово šusie „один", „некий" в формуле проклятия встречается лишь впервые; šú-si-e вообще редкая форма написания (так же в УПД, № 3, стк. 5). Это слово, как правило, в надписях выступает в написания šú-si-ni или šú-si-ni-e.

[41] Ср. УКН, 127, VIII, стк. 12—14. Здесь, в формуле проклятия Хорхорской летописи, между esinini šiulie и turinini имеется также auiei iptulie, однако эту фразу навряд ли можно поместить в данной строке, если иметь в виду, что здесь текст не только не доходит до конца строки, но и имеется довольно большое пространство между знаками (см. фотоснимок надписи).

[42] Возможно также DIM-a-še. Ср УКН, 92*a*, стк. 15, *c*, стк. 15.

[43] Возможно также ⌊DUTU-ni⌋-še. Ср. УКН, 57, стк. 20; 280, стк. 11; 281, стк. 43 и т.д.

[44] DAMAR-UTU, т.е. бог Мардук в урартских надписях в целом выступает лишь впервые. В данном месте формул проклятия надписей, как правило, стоит DINGIRMEŠ-še „боги".

(9) [me-i ti-i-ni me-i ar-mu]-zi[45] DUTU-ni pi-e-i
(10) [. . . . . .[46] a-ú-i]-e ú-lu-li-e
(11) *(свободная строка, без текста)*[47].

ПЕРЕВОД

„... пусть чему-нибудь из этих предметов (созданий) не (повредит кто-нибудь); пусть теленка(??) не даст, пусть (жертвенный бык) не будет маленьким(??) (незрелым??). (Все это) воистину я (установил??).

Руса, сын Аргишти, говорит: Кто эту надпись уничтожит, кто (ее) разобьет, кто (ее) скроет, кто другого заставит совершить эти (дела), кто скажет: „Я совершил (все это)"...(Если) кто-нибудь (надпись) с этого места унесет, пусть уничтожат (его) боги Халди, Тейшеба, Шивини, Мардук; пусть не (будет) ни (его) имени, ни (его) семьи под солнцем...".

---

[45] Ср. [m]e-i ti-i-ni me-i ar-mu-zi-i хвартноцской надписи Русы II (УКН, 281, стк. 44—45). В других случаях имеется фраза mani armuzi DUTU-ni pi(ei)ni (УКН, 41d, стк. 6—9; 128A3, стк. 13—14), сравнительно короткий текст которой не подходящий для данной строки нашего текста.

[46] Здесь можно восстановить [me-i ar-hi ú-ru-li-a-ni] или же [me-i i-na-(i)-ni me-i na-ra]. Хотя все это обычно в надписях выступает вместе, однако в данной строке невозможно поместить полную фразу mei arhi uruliani mei ina(i)ni mei nara.

[47] Публикуемые кармирблурские надписи, без единого исключения, высечены на камнях с 11 строками текста. Ввиду того, что данный текст поместился в 10 строках, 11-я строка камня осталась свободной, без текста.

ТЕКСТ IV

(Армавирская надпись)

Кармирблурская надпись (текст I) имеет поразительное сходство с одной из дефектных надписей, происходящих из Аргиштихинили-Армавира (УКН, 143). С этой точки зрения она создает значительные перспективы для восстановления недостающих отрывков, а следовательно, и для интерпретации армавирской надписи в целом.

Армавирская же надпись, со своей стороны, отчасти способствует пониманию кармирблурской. Исходя из сказанного, мы считаем необходимым привести здесь возможно полное чтение (с соответствующими восстановлениями) и интерпретацию армавирской надписи.

Судя по сохранившемуся тексту, в данном случае мы имеем дело со средней частью пространной надписи культового характера. Надпись продолжалась, очевидно, слева и справа, а также сверху и снизу от нашего камня. Таким образом, армавирская надпись была высечена, по крайней мере, на девяти камнях, стоящих в три ряда (по три камня в каждом).

Кармирблурская надпись дает возможность почти полностью восстановить текст камней, стоящих слева и справа от нашего камня. Кроме того, следует полагать, что в основном совпадала, по всей вероятности, также начальная часть надписей, т.е. строки 1—8 текста I кармирблурской надписи и текст армавирской, высеченный на камнях, стоящих выше нашего камня. Что касается текста армавирской надписи, высеченного на камнях нижнего ряда, то о них трудно сказать что-нибудь определенное, ибо в этой части пока еще недостает также текста кармирблурской надписи (отсутствует отрывок между текстами I и II).

Итак, в 1-й строке дошедшего до нас отрывка армавирской надписи имеется: ...| bi-di su-ú-i-ú-li[1] ta-nu-[li[2]... Данная строка совпадает с 9-й строкой I текста кармирблурской надписи, где в таком же

[1] Так у М. В. Никольского—КНЗ, XVII, стк. 1. Г. А. Меликишвили (УКН, 143): su-ú-i ú-li. Нам кажется, что в данном случае, по-видимому, мы имеем переходный глагол sui(u)-.

[2] Восстановление М. В. Никольского.

порядке упоминается ... bi-di su-u-i-ú-li ta-nu-li-ni... Исходя из величины левостороннего камня (это видно при восстановлении текста), можно полагать, что в 1-й строке недостающего камня, стоявшего слева от нашего, имелось [al-zi-na-i ^{D}Ḫal-di-na-a KA?]. Что касается 1-й строки недостающего правостороннего камня, то вопрос этот обстоит несколько сложнее, ибо конца интересующей нас 9-й строки I текста кармирблурской надписи также недостает. Тем не менее, даже здесь кармирблурская надпись оказывает некоторую услугу: в 1-й строке недостающего правостороннего камня все же можно восстановить -[li- -ni i-na-a · · · · · · · · · ·].

Таким образом, согласно 9-й строке I текста кармирблурской надписи, для строки *x*+1 армавирской надписи можно предложить следующее чтение:

[al-zi-na-i ^{D}Ḫal-di-na-a KA′?] bi-di su-ú-i-ú-li ta-nu-[li-ni i-na-a . . . . .]

Во 2-й строке армавирской надписи налицо следующий текст: ...]-ši-me-ṣi el-mu-ú-še ma-nu-ú-[... Трафаретное выражение mei ešimeṣi elmuše manuni культовых надписей позволило издателям текста перед приведенным отрывком восстановить лишь me-i e-, а в конце —ni[3]. Однако I текст кармирблурской надписи создает гораздо более широкие перспективы для восстановления данной строки, согласно чему во 2-й строке левостороннего камня восстанавливается не всего лишь [me-i e]-, а [e-di-ni ši-du-li-ni me-i e]-. Что касается правостороннего камня, то и здесь, согласно 10-й строке I текста кармирблурской надписи, вместо прежнего ni (окончание manuni) можно восстановить -[ni a-še ta-nu-li UDU · MA′Š · TUR?].

Таким образом, согласно 10-й строке I текста кармирблурской надписи, для 2-й строки армавирской надписи можно предложить следующее чтение:

[e-di-ni ši-du-li-ni me-i e]-ši-me-ṣi el-mu-ú-še ma-nu-ú-[ni a-še ta--nu-li UDU · MA′Š · TUR?][4]

В 3-й строке армавирского камня имеется:...]-ni[5] GUD ^{D}Ḫal-di-i-e TAG GUDA′B D[... Согласно 10-й строке I текста кармирблурской надписи, вполне очевидно, что начальный знак -ni является окончанием переходного глагола [ni-ip-si-du-li]-ni, перед которым с уверенностью восстанавливается также [^{D}Ḫal-di-e]. Что касается последнего знака DINGIR, то 11-я строка I текста кармирблурской надписи свидетель-

---

[3] М. В. Никольский: ...me-i e]-ši me-ṣi el-mu-ú-še ma-nu-ú-[... Г. А. Меликишвили: ...me-i e]-ši-me-ṣi el-mu-ú-še ma-nu-ú-[ni...

[4] Знак UDU в комбинации UDU·MA′Š·TUR здесь не обязателен. Вообще в тексте I, как правило, „козленок" выступает в написании MA′Š·TUR (см. строки 7, 10, 11, 12). Собственно говоря, и здесь места не совсем достаточно для такого восстановления, однако в данном случае мы имели в виду наличие написания UDU·MA′Š·TUR в 5-й строке армавирской же надписи.

[5] М. В. Никольский, вслед за ним и М. Церетели (RA, XXX, 1933, стр. 21) восстанавливают: [a-nu-ú]-ni.

ствует о том, что он, несомненно, является детерминативом к имени богини Уарубани—супруги Халди. Исходя из этого, в 3-й строке недостающего правостороннего камня мы восстанавливаем 'A-ru-ba-ni[6]. Далее в кармирблурском тексте имеется a-še ši-di-iš-tú-li pa-ḫa-zu-li, что мы и восстанавливаем в конце 3-й строки армавирской надписи.

Таким образом, для 3-й строки в целом можно предложить следующую транслитерацию:

[^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li]-ni GUD ^{D}Ḫal-di-i-e TAG ^{GUD}A'B ^{D}['A-ru-ba-ni a-še ši-di-iš-tú-li pa-ḫa-zu-li?]

В следующей 4-й строке армавирского камня имеется:

...]-li-ni[7] UDU ^{D}Ḫal-di-e TAG UDU ^{D}[...

Как видно, здесь повторяются предыдущие сведения о жертвоприношении, однако вместо UDU · MA'Š · TUR. GUD и ^{GUD}A'B верховному богу Халди и его супруге Уарубани приносится в жертву лишь UDU. Таким образом, очевидно, что в армавирской надписи содержится приказ, чтобы богу Халди пожертвовали не только козленка и быка, но и овцу, а богине Уарубани—не только корову, но и овцу. Как известно, согласно культовым надписям, урартские цари, как правило, приносят в жертву козленка и быка богу Халди и корову—богине Уарубани[8]. С этой точки зрения некоторую общность с армавирским текстом имеет известная мхеркапусинская культовая надпись царей Ишпуини и Менуа, согласно которой богу Халди приносятся в жертву не только козлята (в количестве 6) и быки (17), но и овцы (34), а богине Уарубани—не только корова, но и овца (УКН, 27).

Из вышесказанного очевидно, что -li-ni в начале 4-й строки армавирского текста из себя представляет окончание переходного глагола nipsidulini, перед чем следует еще восстановить UDU и ^{D}Ḫal-di-e, которому и предвидится зарезать (nipsidulini) овцу. Что касается знака DINGIR конца 4-й строки, то под ним следует видеть детерминатив к имени богини Уарубани, так как в урартских культовых надписях за фразой GUD (UDU) ^{D}Ḫaldie nipsiduli(ni) GUD (UDU) ^{D}Ḫaldie TAG закономерно следует $^{(GUD)}$A'B (UDU) ^{D}'Arubanie (вариант ^{D}'Arubainie).

Сопоставление следующей 5-й строки (где снова выражается пожелание, чтобы для бога Халди был зарезан козленок) с тождественными сведениями 7-й строки I текста кармирблурской надписи приводит нас к той мысли, что в недостающих отрывках конца 4-й и начала 5-й строк армавирской надписи имелась, возможно, фраза manuli

---

[6] В соответствующей 11-й строке I текста кармирблурской надписи также встречается подобное короткое написание.

[7] По мнению Г. А. Меликишвили, возможно восстановление [ir-pu]-li-ni. Однако этому глаголу соответствует гетерограмма TAG, уже упомянутая в этой же строке. Поэтому в данном случае скорее всего следует восстановить [ni-ip-si-du]-li-ni.

[8] См. выше, текст I, а также УКН, 25.

qudulani šuḫinaṣie, и тогда под знаком *-e* в начале 5-й строки мы склонны видеть окончание слова šuḫinaṣie[9].

Исходя из вышеизложенного, для 4-й строки армавирского текста мы предлагаем следующее чтение:

|UDU ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du|-li-ni UDU ^{D}Ḫal-di-e TAG UDU ^{D}|'A-a--ru-ba-i-ni-e ma-nu-li?|

В 5-й строке армавирского камня налицо следующий текст: ...|-e UDU · MA'Š · TUR ^{D}Ḫal-di-i-e ni-|... Выше уже было отмечено, что под начальным *e* мы склонны видеть окончание слова šuḫinaṣie, перед которым, на основании тождественных фраз, нетрудно восстановить также qu-du-la-ni. Что касается конечного -ni рассматриваемой строки, то он является, несомненно, началом переходного глагола nipsidulini. Таким образом, здесь содержится приказ урартского царя о том, чтобы в честь бога Халди был зарезан козленок (UDU · MA'Š · TUR ^{D}Ḫaldie nipsidulini). Согласно аналогичным фразам (ср. также текст I, стк. 7), этому выражению в надписях следует GUD ^{D}Ḫaldie TAG (вариант urpulini) „бык пусть будет принесен в жертву богу Халди". Исходя из этого и величины строк недостающего правостороннего камня, в конце 5-й строки армавирской надписи можно восстановить GUD ^{D}Ḫal-di-i-e TAG.

Итак, на основании вышесказанного, для 5-й строки рассматриваемого текста считаем возможным привести следующее чтение:

|qu-du-la-ni šu-ḫi-na-ṣi?|-e UDU · MA'Š · TUR ^{D}Ḫal-di-i-e ni-|ip-si--du-li-i-ni GUD ^{D}Ḫal-di-i-e TAG?|

Выше, в связи с I текстом кармирблурской надписи, мы уже высказали мнение о том, что под qudulani таится, быть может, урартское раскрытие гетерограммы É · BA'R-ni „храм". Что касается слова šuḫinaṣe, то в данном случае, по всей вероятности, мы имеем šuḫe „новый" (= GIBIL)[10] с суффиксом -naṣe (ср. ^{KUR}Ḫate и ^{KUR}Ḫatinaṣe, ^{KUR}Ḫuḫue и ^{KUR}Ḫuḫuinaṣe). Таким образом, в рассмотренной выше 5-й строке и ниже речь идет о необходимости пожертвования разных животных (козлят, быков, овец) урартским богам в связи с сооружением нового храма (?) (qudulani šuḫinaṣe).

В следующей 6-й строке армавирского текста можно прочесть ...|*x*-ti-ni qi-ú-ra-a qu-ul-di-|... Первый знак сильно поврежден; сохранился лишь конечный вертикальный клин. Поврежденное место создает некоторое впечатление о том, что перед указанным вертикальным клином сохранились, как будто, следы „углового" клина. Исходя из этого, М. В. Никольский для этого знака предлагает чтение |I|i. По

[9] См. šú-ḫi-na-a-ṣi-e в строках 4 и 9 надписи УКН, 25. Примерно такое восстановление предлагает также Г. А. Меликишвили. При подобном воспроизведении текста замечается, однако, некоторое отклонение от кармирблурской надписи в очередности упоминания сведений; иными словами: начало сведений известного нам армавирского текста соответствует 9-й строке I текста кармирблурской надписи, в то время как приведенное восстановление [manuli qudulani šuḫinaṣie] встречается несколько выше, в 7-й строке текста.

[10] *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 120, прим. 104. Ср. *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 53.

мнению же Г. А. Меликишвили, на оригинале скорее читается la, которое он объединяет с последующим tini, усматривая здесь встречающееся в надписях окончание определенной глагольной формы типа -(i)latini (uṣidilatini, absilatini).

Согласно нашему наблюдению, на камне сохранился лишь последний вертикальный клин; что касается предыдущих клиньев этого знака, то они, можно сказать, уничтожены полностью. Следовательно, для восстановления этого знака может оказать услугу не столько оригинал, сколько аналогичные фразы других надписей, и в первую очередь I текст кармирблурской надписи. В 13-й строке этого текста, которая соответствует рассматриваемой 6-й строке армавирского текста, имеется: ...iš-ti-ni ka-qu-li 'a-ḫu-li-ni KITIM-a qul-di-ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni[11]. Исходя из этого, под сильно поврежденным знаком начала 6-й строки армавирского текста мы склонны видеть [i]š(?), что с последующим -ti-ni дает наречие места [i]š(?)-ti-ni „здесь". Кстати, ištini, как правило, выступает и в других фразах со словосочетанием qi(u)ra(ni) (=KITIM) quldini manu или qi(u)rani ṣirabae manu[12].

Выше мы уже видели, что в предыдущей 5-й строке содержится приказ о том, чтобы козленок был зарезан в честь бога Халди, бык был принесен в жертву в честь бога Халди, причем согласно 7-й строке I текста кармирблурской надписи сказанному следует пожертвование овец богам Тейшеба и Шивини. Исходя из этого, в 6-й строке недостающего левостороннего камня можно восстановить [UDU DIM-a UDU DUTU-ni]. Что касается соответствующей строки недостающего правостороннего камня, то, согласно 13-й строке I текста кармирблурской надписи, в ней следует восстановить -[ni-ni]—окончание слова quldinini и трафаретную фразу [me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni].

Таким образом, для 6-й строки армавирской надписи можно предложить чтение:

[UDU DIM-a UDU DUTU-ni i]š(?)-ti-ni qi-ú-ra-a qu-ul-di-[ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni?]

В 7-й строке армавирского камня имеется следующий текст: ...[UDU e-ra-a-ši-ni-e ú-ú-li[13]]... Приведенный текст полностью совпадает со средней частью 14-й строки I текста кармирблурской надписи, где также имеется ...UDU e-ra-ši-ni ú-ú-li... Исходя из этого, для 7-й строки недостающего левостороннего камня армавирской надписи можно предложить восстановление [...a-li DḪal-di-na-ni GIŠKA′], а для той же строки недостающего правостороннего камня—[a-li LÚpa-la-gi ma-nu-li áš-du-li DḪal-di-ni É?].

[11] Ср. ...KITIM-a quldinini alle KÙ ištini manu...(текст II, стк. 8—9; текст V, стк. 6). Вместо нашего [i]š(?)-ti-ni, быть может, следует прочесть [a]p(?)-ti-ni.

[12] УКН, 127, II, стк. 34—35; 128A2, стк. 18—19; 136, стк. 4—5; 138, стк. 7—9; 276, лиц. стор., стк. 38—42.

[13] Г. А. Меликишвили это слово сопоставляет с ú-li-ni строки 5 надписи УКН 142, поэтому восстанавливает ú-ú-li-[i-ni].

Таким образом, вся 7-я строка армавирской надписи примет следующий вид:

[...a-li ^{D}Ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KA′ UDU e-ra-a-ši-ni-e[14] ú-ú-li [a-li ^{LÚ}pa-la-gi ma-nu-li áš-du-li ^{D}Ḫal-di-ni É?]

В следующей 8-й строке армавирского текста читается: ...] za-di-ni TAG-ṣi É si-ri-ḫa-ni-[... Соответствие данного отрывка мы находим в 15-й строке I текста кармирблурской надписи: ...za-di-i-ni TAG É si-ir-ḫa-ni-ni... Исходя из этого, для 8-й строки недостающего левостороннего камня армавирской надписи можно предложить чтение [D'A-ru-ba-ni-ka i-šá-ni ši-i-ni?], а для той же строки недостающего правостороннего камня: -[ni ma-ri-a-ḫi-ni . . . . .].[15]

Итак, для 8-й строки армавирской надписи можно предложить следующее чтение:

[...^{D}A-ru-ba-ni-ka i-šá-ni ši-i-ni?] za-di-ni TAG-ṣi É si-ri-ḫa-ni-[ni ma-ri-a-ḫi-ni . . . . .]

Из 9-й строки армавирского текста сохранился лишь следующий отрывок: ...]-du-li-i-ni[16] É si-ri-ḫa-ni-ni [... Согласно 16-й строке I текста кармирблурской надписи, в 9-й строке недостающего левостороннего камня армавирской надписи следует восстановить [...^{KUR}šú-ri-li[17] ú-ú-la-li áš?]-, а в той же строке недостающего правостороннего камня—[su-si-ni-ka ku-ši-i-ni áš-ḫa-áš-ti-ni?]. Исходя из сказанного, для 9-й строки в целом можно предложить следующее чтение:

[...^{KUR}šú-ri-li ú-ú-la-li áš?]-du-li-i-ni[18] É si-ri-ḫa-ni-ni [su-si-ni-ka ku-ši-i-ni áš-ḫa-áš-ti-ni?]

В следующей, 10-й строке армавирского текста читается:

...]-di-na-a KA′-ka-i a-lu-si me-ri-ip-[...[19]

Приведенной строке соответствует 17-я строка I текста кармирблурской надписи, согласно которой в 10-й строке недостающего левостороннего камня армавирской надписи можно восстановить [...i-šá-ni ši-i-ni za-di-ni TAG ^{D}Ḫal?]-, а в той же строке недостающего правостороннего камня: -[te ma-nu-li ši-i-ni me-ru-ni?].

---

[14] Быть может, UDU e-ra-a ši-ni-e? (ср. текст I, стк. 14: UDU e-ra ši-ni?). Слово šini неоднократно выступает в публикуемых текстах: I, 15, 17 (дважды), 20; IV, 8, 10.

[15] Отсутствующий здесь отрывок текста был высечен в начале 16-й строки недостающего левостороннего камня I текста кармирблурской надписи. Далее здесь имеется a-li i-ni ú-li и т.д.

[16] М. В. Никольский и Г. А. Меликишвили перед знаком du восстанавливают [ši], а последние знаки i-ni усматривают в качестве указательного местоимения i-ni: ...ši]-du-li i-ni.

[17] В кармирблурской надписи здесь (и в некоторых других местах) выступает новый вариант знака $Ḫ$—$Ḫ_9$, однако нам кажется, что в урартскую клинопись он был введен лишь со времен правления Русы II, в то время как составителем армавирской надписи являлся один из царей эпохи расцвета Урарту (об этом см. ниже).

[18] В кармирблурской надписи: áš-du-$Ḫ_9$-ni.

[19] У М. В. Никольского: [^{D}Ḫal]-di-na-a KA′-ka-i a-lu-si me-ri-ip...; у Г. А. Меликишвили: ^{D}Ḫal]-di-na-a KA′-ka-i a-lu-si me-ri ip-[ḫa(?)-ri... Вместо ip-[ḫa(?)-ri], М. Церетели восстанавливает ip-[ḫu-e] (RA, XXXIII, стр. 100).

Таким образом, на основании вышесказанного, для 10-й строки армавирской надписи можно предложить следующее чтение:

|...i-šá-ni ši-i-ni za-di-ni TAG ^{D}Ḫal]-di-na-a KA′-ka-i a-lu-si me-ri-ip-|te ma-nu-li ši-i-ni me-ru-ni?|[20]

Наконец, в завершающей 11-й строке армавирского камня сохранился следующий отрывок: ...]-⌈i-ni-ni[21] zi-el-di-e UZU ti-iš-nu⌋[...]Согласно 18-й строке I текста кармирблурской надписи, в 11-й строке недостающего левостороннего камня армавирской надписи можно восстановить ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′ и знак šú (первый слог слова šú-i-ni-ni), а в той же строке недостающего правостороннего камня—^{ID}Sar$_5$-du-ri-e ar-du-li-ni?|.

Таким образом, для конечной 11-й строки армавирской надписи мы предлагаем следующее чтение:

|...^{D}Ḫal-di-na-ni KA′ šú]-⌈i-ni-ni zi-el-di-e ^{UZU}ti-iš-nu⌋[22] |^{ID}Sar$_5$-du-ri-e[23] ar-du-li-ni?|

Итак, на основании вышеизложенного, для армавирского камня, а также для недостающих левостороннего и правостороннего камней мы считаем возможным привести нижеследующее чтение:

. . . . . .

(*x*+1) [al-zi-na-i ^{D}Ḫal-di-na-a KA′?] bi-di su-ú-i-ú-li ta-nu-|li-ni i-na-a . . . . . .|[24]

(2) [e-di-ni ši-du-li-ni me-i e]-ši-me-ṣi el-mu-ú-še ma-nu-ú-[ni a-še ta-nu-li UDU · MA′Š · TUR?][25]

(3) |^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du-li]-ni GUD ^{D}Ḫal-di-i-e TAG GUDA′B ^{D}['A-ru-ba-ni a-še ši-di-iš-tú-li pa-ḫa-zu-li?][26]

(4) [UDU ^{D}Ḫal-di-e ni-ip-si-du]-li-ni UDU ^{D}Ḫal-di-e TAG UDU ^{D}['A-a-ru-ba-i-ni-e ma-nu-li?][27]

(5) [qu-du-la-ni šú-ḫi-na-ṣi]-e UDU · MA′Š · TUR ^{D}Ḫal-di-i-e ni-[ip-si-du-li-i-ni GUD ^{D}Ḫal-di-i-e TAG?][28]

(6) [UDU ^{D}IM-a UDU ^{D}UTU-ni? i]š(?)-ti-ni qi-ú-ra-a qu-ul-di-[ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še ma-nu-ni?][29]

---

[20] Эти слова, по-видимому, образованы от одного и того же корня mer-. В таком случае merunі должно быть глаголом, а meripte—именем существительным. Ср. uštuni и uštipie.

[21] М. В. Никольский и Г. А. Меликишвили здесь читают |^{D}Ḫal-di]-⌈i-ni-ni.

[22] Ср. ti-iš-ni (УКН, 142, стк. 10), которое, очевидно, тождественно с ŠÀ „сердце" 18-й строки I текста кармирблурской надписи. Ср. хурр. tiz^{a}, tišni.

[23] В других случаях вместо имени царя выступает гетерограмма LUGA′L „царь" вместе с показателем дательного падежа *-e*. См. текст I, стк. 19; текст II, стк. 1. Что касается восстановления царского имени Сардури, то об этом см. ниже, стр. 73—74.

[24] Ср. текст I, стк. 9.

[25] Ср. текст I, стк. 10.

[26] Ср. текст I, стк. 10—11.

[27] Как видно, здесь повторяются предыдущие сведения о жертвоприношении, с той лишь разницей, что вместо UDU·MA′Š·TUR, GUD и GUDA′B верховному богу Халди и его супруге Уарубани приносится в жертву UDU.

[28] Ср. текст I, стк. 7.

[29] Ср. текст I, стк. 7, 13.

(7) [... a-li ^{D}Ḫal-di-na-ni ^{GIŠ}KA′?] UDU e-ra-a-ši-ni-e ú-ú-li [a-li ^{LÚ}pa-la-gi ma-nu-li áš-du-li ^{D}Ḫal-di-ni É?][30]

(8) [... ^{D}A-ru-ba-ni-ka i-šá-ni ši-i-ni?] za-di-ni TAG-ṣi É si-ri-ḫa-ni--[ni ma-ri-a-ḫi-ni . . . . .][31]

(9) [... ^{KUR}šú-ri-li ú-ú-la-li áš]-du-li-i-ni É si-ri-ḫa-ni-ni [su-si-ni-ka ku-ši-i-ni áš-ḫa-áš-ti-ni?][32]

(10) [... i-šá-ni ši-i-ni za-di-ni TAG ^{D}Ḫal]-di-na-a KA′-ka-i a-lu-si me-ri-ip-[te ma-nu-li ši-i-ni me-ru-ni?][33]

(11) [... ^{D}Ḫal-di-na-ni KA′ šú]-{i-ni-ni zi-el-di-e ^{UZU}ti-iš-nu} [^{D}Sar$_5$--du-ri-e ar-du-li-ni?][34]

Что же еще можно сказать о сходстве или общности армавирской надписи с кармирблурской? Строки 1—6 армавирского текста совпадают с кармирблурским I текстом более или менее полностью. Что касается строк 7—11, то в восстановлениях их имеется сравнительно большая условность. Это объясняется прежде всего тем, что при восстановлении этих строк мы имели дело с не совсем полным текстом кармирблурской надписи, так как, начиная с 12-й строки, в тексте недостает начала строк. С другой стороны, по всему видно, что в указанном отрывке (стк. 7—11) текст армавирской надписи, по сравнению с текстом кармирблурской, был составлен в несколько сжатом виде; целый ряд подробностей кармирблурской надписи, очевидно, не нашел места в армавирском тексте.

Далее, воспроизведенный выше текст армавирской надписи передает, как известно, основное содержание лишь строк 7, 9—18 I текста кармирблурской надписи. Поэтому нам кажется, что армавирская надпись содержала, по-видимому, основные моменты и других отрывков I текста (стк. 1—6, 8, 19 сл.), а также II и III текстов кармирблурской надписи. Исходя из сказанного, мы склонны думать, что армавирская надпись повествовала, вероятно, о необходимости жертвоприношения не только в связи с воздвигнутыми вновь культовыми объектами „ворот бога Халди", „дома бога Халди" и „дома sir(i)ḫani", но и „дома susi", „Малого храма" и „дома adunusini". Кстати, о наличии „дома susi" в Аргиштихинили-Армавире мы осведомлены косвенным образом: по сведениям армавирской (как и согласно повторным данным кармирблурской) надписи „дом sir(i)ḫani" находился перед „домом susi".

Наконец, несколько слов о принадлежности армавирской надписи. Еще в 80-х годах прошлого века английский исследователь А. Сэйс армавирскую надпись считал сходной с известной мхеркапусинской культовой надписью Ишпуини и Менуа, поэтому отнес ее к царю Ишпуини[35]. Несколько позже мнение А. Сэйса было решительно от-

[30] Ср. текст I, стк. 14.

[31] Ср. текст I, стк. 15.

[32] Ср. текст I, стк. 16.

[33] Ср. текст I, стк. 17.

[34] Ср. текст I, стк. 18.

[35] JRAS, vol. XX, Part. I, LIX.

вергнуто известным русским востоковедом М. В. Никольским, который, на основании сходства словарного фонда интересующей нас надписи и культовой надписи Аргишти I, происходящей опять-таки из Аргиштихинили-Армавира (КНЗ, X—XI; УКН, 142), составителем надписи УКН, 143 считал царя Аргишти I[36]. Это мнение М. В. Никольского до сего времени оставалось господствующим в урартской эпиграфике[37].

Однако в настоящее время мнение М. В. Никольского, Леманн-Гаупта, Г. А. Меликишвили и др. о принадлежности армавирской надписи УКН, 143 царю Аргишти I вызывает довольно серьезные возражения. Это объясняется тем, что если армавирская надпись в основном совпадает с I текстом кармирблурской надписи[38], то начало этой последней почти полностью совпадает с одной из надписей Сардури II, происходящих из Аргиштихинили-Армавира. Для наглядности приведем ниже эти тождественные тексты.

В армавирской надписи Сардури II:

^{D}Ḫaldie EN ŠÚ ini É ^{ID}Sarduriše ^{I}Argištiḫiniše šidišṭuni e'a ^{D}Ḫaldinili KA′-li badusie kušuni atqanaduni ^{D}Ḫaldie EN ŠÚ... (УКН, 165, стк. 1—7).

В кармирблурской надписи:

^{D}Ḫaldie EN ŠÚ ini É susie ^{I}Rusaše ^{I}Argištiḫiniše šidišṭuni e'a ^{D}Ḫaldi|nili ^{GIŠ}KA′-li| badusie ^{I}'Azaini KUR-ni ^{DIM}-ni URU kušuni |atq|anaduni ^{D}Ḫaldie... (текст I, стк. 1—2).

Таким образом, получается, что кармирблурскую надпись Руса II скопировал, очевидно, с армавирских текстов УКН, 143, 165 Сардури II. Мало того, нам кажется, что не исключена возможность, чтобы армавирские тексты УКН, 143 и 165 были не отдельными (самостоятельными) памятниками, а составными частями одной и той же пространной надписи. Правда, надпись УКН, 165 создает впечатление завершенного памятника: она повествует о сооружении культовых объектов „дома (susi)" и „величественных ворот бога Халди" и завершается трафаретной титулатурой царя. С этой точки зрения как будто трудно ее считать началом надписи УКН, 143. Однако следует иметь в виду, что именно такой характер имеет также начало кармирблурской надписи, где повествуется о сооружении тех же культовых объектов „дома susi" и „величественных ворот бога Халди". Эти сведения и некоторые другие подробности здесь также завершаются трафаретной титулатурой царя.

---

[36] *М. В. Никольский*, КНЗ, XVII.

[37] CICh, 121, табл. 62. УКН, 143.

[38] В этой связи возникает вопрос: не возможно ли тогда армавирскую надпись УКН, 143 также отнести к царю Руса II? Отнюдь нет. Оставляя в стороне все остальные аргументы против такой гипотезы (о чем ниже), следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что буквально все надписи Русы II, в том числе и наша кармирблурская, высечены ассирийским шрифтом письма (пересеченные горизонтальных клиньев вертикальными и т. д.), в то время как армавирская надпись УКН, 143 высечена урартским шрифтом.

Таким образом, армавирские надписи УКН, 143 и 165 й в отдельности, й вместе полностью примыкают к публикуемой кармирблурской, поэтому относятся ли они к одному и тому же памятнику или нет, тем не менее можно считать почти несомненным, что составителем дефектной надписи УКН, 143 также (как и надписи УКН, 165) является не Аргишти I, как это до сих пор утверждалось, а его сын Сардури II.

ТЕКСТ V

(Адыльджевазская надпись)

Настоящий текст из Арцке (Адыльджеваз) почти полностью совпадает со II текстом кармирблурской надписи. Разница заключается лишь в том, что здесь недостает строк 1—2 кармирблурского текста, которые предшествовали, вероятно, адыльджевазскому тексту. С другой стороны, примечательно, что в одном случае отсутствует левосторонний отрывок (кармирблурская надпись), а в другом—правосторонний (адыльджевазская надпись). Это обстоятельство создает определенные предпосылки для восстановления целого ряда строк недостающих отрывков обеих надписей.

В связи с кармирблурским II текстом, по мере возможности, мы уже коснулись также анализа адыльджевазского текста, поэтому здесь приводим наши соображения лишь по поводу восстановления адыльджевазского текста на основании кармирблурского[1].

Итак, 1-я строка адыльджевазского текста повреждена почти полностью. В ней заметны неразборчивые остатки отдельных клинописных обозначений.

Во 2-й строке адыльджевазского текста читается: ku-ul-mu-li-ni a-li-e BE · LI ga-zu-li-e te-er-du-li-ni ši[2]-[... Согласно 3-й строке II текста вполне очевидно, что знак ši в конце сохранившегося текста является началом слова ši-si-ni. Кроме того, перед словом a-še начала 3-й строки адыльджевазского текста в тексте II имеется еще знак li—окончание какого-либо слова. Исходя из сказанного, для 2-й строки адыльджевазской надписи мы предлагаем следующее чтение:

---

[1] Адыльджевазский текст впервые был опубликован П. Хюлиным—*P. Hulin*, New Urartian Inscriptions from Adilcevaz, AS, vol. IX, 1959, стр. 189 сл., надпись № 1. Несколько позже, в связи с кармирблурским II текстом, он был переиздан нами—*И. В. Арутюнян*, Новая клинообразная надпись из Кармир-блура, ИФЖ, 1962, стр. 97—113.

[2] Этот знак сохранился полностью, однако П. Хюлин не приводит его в транслитерации. Кармирблурский текст полностью оправдывает наше чтение.

ku-ul-mu-li-ni[3] a-li-e BE · LI ga-zu-li-e te-er-du-li-ni ši-[si-ni · · · . . . . . -li]

В 3-й строке адыльджевазского текста имеется: a-še e-si ma-nu-li i-šá-ḫi-ni[4] te-er-du-li-ni a-li-e i-ni ú-[... Согласно 16-й строке I текста, где имеется a-li i-ni ú-li, конечный знак ú рассматриваемой строки, возможно, является началом ú-[li?]. С другой стороны, в продолжении приведенного текста в кармирблурской надписи налицо te-er-du--li-ni É a-du-nu-si-ni (см. текст II, стк. 4—5). Следовательно, для 3-й строки в целом можно предложить чтение:

a-še e-si ma-nu-li i-šá-ḫi-ni te-er-du-li-ni a-li-e i-ni ú-[li? ... te-er--du-li-ni É a-du-nu-si-ni]

В 4-й строке адыльджевазского текста имеется: [I]Ru-sa-a-še a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu-še BE · LI SIKIL [D]Ḫal-di-[... Согласно 6-й строке кармирблурского текста в продолжении 4-й строки адыльджевазского текста следует восстановить -[na-ni]—окончание [D]Ḫal-di-[na-ni], а также [KA′ ḫa-ú-li]. Таким образом, для 4-й строки адыльджевазской надписи можно предложить чтение:

[I]Ru-sa-a-še a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu-še BE · LI SIKIL [D]Ḫal-di-[na--ni KA′ ḫa-ú-li]

В следующей 5-й строке адыльджевазской надписи налицо: NA_4 'a-ḫu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-[... После конечного знака du, здесь сохранились также один, а за ним три горизонтальных клина — начало знака li глагола i-ru-i-du-l[i] (ср. стк. 7 кармирблурского текста). Согласно той же строке кармирблурского текста далее в 5-й строке адыльджевазского текста следует восстановить также ku-me--mu-še и GIŠ—синоним BE · LI (см. выше, стк. 2, 4). Исходя из сказанного, для 5-й строки в целом следует предложить чтение:

NA_4 'a-ḫu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-l[i ku-me-mu-še GIŠ . . . . . |

Далее, кармирблурский текст (стк. 8—9) способствует дополнению недостающей части 6-й строки адыльджевазской надписи в следующем порядке:

a-mu-li-ni KI[TIM]-a qu-ul-di-ni-ni a-li-e KÙ iš-ti-ni ma-nu t[e-er-du--li-ni É a-du-nu-si-ni]

В следующей 7-й строке адыльджевазской надписи читается: [I]Ru--sa-a-še a-li a-li-e [D]Ḫal-di-ni-e É áš-du-li-e ḫa-[... Сопоставление приведенного текста со строками 9—10 кармирблурской надписи (текст II) создает возможность всю 7-ю строку адыльджевазской надписи воспроизвести следующим образом:

---

[3] Здесь мы имеем, вероятно, 3-е лицо единственного числа будущего времени или 3-е лицо единственного числа повелительного наклонения страдательного залога от переходного глагола kulm(u)-. Слово kulmulini И. Хюлли сопоставляет с kulmeie— AS, IX, 1959, стр. 192, прим. 7.

[4] Первый знак i этого слова И. Хюлли присоединяет к предыдущему неправильному глаголу manuli, а знак šá воспринимает в его гетерографическом значении NI′G: ma-nu-li-i NI′G-ḫi-ni.

ᴵRu-sa-a-še a-li a-li-e ᴰḪal-di-ni-e É áš-du-li-e ḫa-[ab-ti-ni KIN(?) ma-nu-ni[5]...]

Хотя 11-я строка II текста кармирблурской надписи почти полностью совпадает со следующей 8-й строкой адыльджевазской надписи, однако она не в состоянии, к сожалению, в какой-то мере восполнить недостающий отрывок последней.

Текст последних трех строк (9—11) адыльджевазской надписи полностью отсутствует во II тексте кармирблурской надписи, поэтому недостающие отрывки этих строк в настоящее время ни в коей мере невозможно восстановить.

Исходя из всего сказанного, для текста адыльджевазской надписи, а также для ряда недостающих ее отрывков, можно предложить следующее чтение:

. . . . . .

(*x*+1) [. . . . . .
. . . . . .][6]

(2) ku-ul-mu-li-ni a-li-e BE · LI ga-zu-li-e te-er-du-li-ni ši-[si-ni . . . . . -li][7]

(3) a-še e-si ma-nu-li i-šá-hi-ni te-er-du-li-ni a-li-e i-ni ú-[li?... te-er-du-li-ni É a-du-nu-si-ni][8]

(4) ᴵRu-sa-a-še a-li a-lu-še KÙ ku-me-mu-še BE · LI SIKIL ᴰḪal-di-[na-ni KA' ḫa-ú-li][9]

(5) NA_4 'a-ḫu-li-i-ni a-li-e a-še su-nu-e i-ru-i-du-l[i ku-me-mu-še GIŠ...][10]

(6) a-mu-li-ni KIᵀᴵᴹ-a qu-ul-di-ni-ni a-li-e KÙ iš-ti-ni ma-nu t[e--er-du-li-ni É a-du-nu-si-ni][11]

(7) ᴵRu-sa-a-še a-li a-li-e ᴰḪal-di-ni-e É áš-du-li-e ḫa[12]-[ab-ti-ni KIN(?) ma-nu-ni...][13]

(8) GI'R BAR áš-ka-[è[14]-ni ši-e-du-li-ni me-i e-ši-me-şi el-mu-še ma-[nu-ni · · · · · ·]

(9) a-li-e ú[15]-i uš-ta-ku-ni áš-du-li-ni ši-e-du-li-ni me-i e¦[16]-[ši--me-şi el-mu-še ma-nu-ni...][17]

---

[5] Вместо KIN(?) ma-nu-ni возможно также чтение qi-ma-nu-ni.

[6] Текст 1-й строки уничтожен почти полностью; заметны лишь неразборчивые остатки отдельных клинописных обозначений.

[7] Ср. выше, текст II, стк. 3—4.

[8] Ср. текст II, стк. 4—5.

[9] Ср. текст II, стк. 5—6.

[10] Ср. текст II, стк. 7.

[11] Ср. текст II, стк. 8—9.

[12] Вместо нашего ḫa П. Хюлин читает za. На фотоснимке и автографии (составленной П. Хюлином) заметны следы углового клина знака ḫa. Согласно кармирблурскому тексту, чтение ḫa очевидно.

[13] Ср. текст II, стк. 9—10.

[14] Согласно чтению П. Хюлина, ne.

[15] В транслитерации П. Хюлина по описке u.

[16] Начальные горизонтальные клинья этого знака сохранились (см. фотоснимок и автографию надписи).

[17] По поводу приведенного восстановления ср. хотя бы предыдущую строку 8.

(10) ^{D}Ḫal-di-ni-i a-ma-ni-i-gi-di[18] ip-ḫi-e[19] ^{D}Ḫal-di-ni | . . . . . | . . . . . |

(11) 'a-ḫu-li-ni[20] KI^{TIM}-a qul-di-ni-ni me-i e-ši-me-ṣi el-mu-še [ma--nu-ni[21] . . . . . |

. . . . . .

Вполне возможно, чтобы отрывок первых двух строк II текста кармирблурской надписи предшествовал приведенному выше тексту адыльджевазской надписи. В таком случае он мог быть высечен в 1-й поврежденной строке дошедшего до нас камня (а также отсутствующего правостороннего камня) и в самом конце еще не обнаруженных, рядом стоящих верхних камней.

Удивительное сходство, более того, просто тождественность настоящего адыльджевазского и II кармирблурского текстов, красноречиво говорит о том, что был сооружен, очевидно, одинаковый комплекс культовых объектов как в цитадели города-крепости Тейшебаини, так и в районе Адыльджеваза (северное побережье озера Ван).

С другой стороны, отсутствие отчества царя в указанных выше текстах (в обоих случаях налицо лишь имя царя Руса) не служит серьезной помехой для установления факта принадлежности надписей. Тексты I и III кармирблурской надписи, в которых трижды упоминается Руса, сын Аргишти (I, 1, 5; III, 3), не оставляют абсолютно никакого сомнения в том, что текст II кармирблурской надписи также (неотъемлемый отрывок общего пространного текста) принадлежит именно царю Руса II — основателю города-крепости Тейшебаини. А это последнее обстоятельство позволяет тождественный со II кармирблурским адыльджевазский текст также безоговорочно отнести тому же Русе II. Отчество царя Руса (т. е. Аргишти), как и в кармирблурской надписи, фигурировало, по всей вероятности, в недостающих отрывках самого начала и конца (формула проклятия ?) адыльджевазской надписи. Кстати, район Адыльджеваза, как известно, был объектом внимания лишь Русы II[22]. К тому же буквально все надписи Русы II, в том числе наша адыльджевазская, составлены ассирийским пошибом письма. Следует добавить, быть может, и тот факт, что для обеих надписей были выбраны одинаково одиннадцатистрочные камни. Все

---

[18] Слово amani (ср. УКН, 142, стк. 6, 7, 10) здесь стоит в направительном падеже. Ср., например, ebani и ebanigidi.

[19] Быть может, форма повелительного наклонения глагола iph(u)- "разбивать", „сломать", „разрушать".

[20] Быть может, в самом конце предыдущей 10-й строки следует восстановить NA_4; ср. выше, стк. 5: NA_4 'a-ḫu-li-i-ni...

[21] Во всех известных случаях manani закономерно сопутствует фразе mei ešimeṣi elmuše. Ср. выше, текст I, стк. 10, 13; текст IV, стк. 2; текст V, стк. 8. То же самое явление прослеживается и в некоторых других надписях—УКН, 27, стк. 31; 169, стк. 13.

[22] Кроме публикуемого текста, известны также две другие надписи Русы II, происходящие из района Адыльджеваза,— *Г. А. Меликишвили*, УКН, 278. *P. Hulin*, AS, 1959, IX, стр. 194—195, надпись № 2.

эти обстоятельства также, в какой-то мере, свидетельствуют о принадлежности публикуемой адыльджевазской надписи именно Русе II.

В заключение следует отметить, что адыльджевазский текст, как и II текст кармирблурской надписи, повествует о необходимости выполнения каких-то обрядов в связи с воздвигнутыми вновь культовыми объектами — ворот бога Халди, дома бога Халди и дома adunusini. В тексте упоминаются: прекрасное и освященное оружие (BE · LI gazuli, BE · LI SIKIL), а также трафаретная фраза „земля пустынная" (KITIM-a quldinini) постоянный спутник надписей о царских строительных мероприятиях, разведении фруктовых садов и виноградников.

КАРМИРБЛУРСКИЕ ТЕКСТЫ И ИСТОРИЯ СТРАНЫ АЗА

Новые кармирблурские тексты представляют определенный интерес для всестороннего изучения истории страны Аза, начиная с вопроса установления ее локализации вплоть до выяснения этнического состава населения.

Остановимся вначале на вопросе местоположения Аза. Специалисты по урартской эпиграфике, без единого исключения, до сих пор придерживались мнения о том, что территорию страны Аза следует локализовать в районе урартского административно-хозяйственного центра Аргиштихинили (на левом берегу реки Аракс, в Октемберянском районе Армянской ССР). И это вполне естественно, так как единственный письменный источник, повествующий о сооружении города-крепости Аргиштихинили в интересующей нас стране Аза, был обнаружен в районе Аргиштихинили-Армавира. Надпись вполне определенно указывает, что Аргиштихинили был построен во вражеской стране Аза[1].

Страна Аза упоминается также в знаменитой Хорхорской летописи и в одном из ее дубликатов[2]. Однако эти последние лишь указывают, что урартским царем Аргишти I был сооружен город Аргиштихинили и проведен ирригационный канал стране (для страны) Аза. Следовательно, приведенные факты Хорхорской летописи и ее дубликата ничего нового не содержат для установления или уточнения местоположения интересующей нас страны Аза. Мало того, можно сказать, что они еще больше усложняют вопрос о локализации этой страны, так как в обоих случаях повествование о сооружении Аргиштихинили и проведении канала для страны Аза ведется параллельно с завоеванием приурмийской страны Мана. Вот почему Г. А. Капанцян, не разграничивая должным образом факты соответствующего отрывка Хорхорской летописи, пришел к неправильным выводам о том, что город Аргиштихинили будто был сооружен в стране Мана, т. е. в приурмийском районе[3]. Мало того, название

[1] *Г. А. Меликишвили*, УКН, 142, стк. 1—2.

[2] УКН, 127, IV, стк. 72—74; 128 B2, стк. 41—42.

[3] *Г. А. Капанцян*, ИУ, стр. 162.

племени Аза, без достаточного основания, он приурочил к имени манейского правителя Аза[4].

Кстати, приведенный выше отрывок Хорхорской летописи оказывает определенную услугу при установлении времени сооружения Аргиштихинили и владычества урартийцев в стране Аза. Таким образом, выясняется, что Аргиштихинили был сооружен в XI (?) году Хорхорской летописи, т. е. в 776 г. (?) до н. э. Следовательно, в указанный период территория страны Аза уже была включена в состав Урартского государства.

Следующее упоминание названия племени (страны) Аза мы находим в клинописной таблетке, обнаруженной в 1955 г. при раскопках урартской крепости Тейшебаини (юго-западная окраина Еревана). Таблетка представляет собой учетный документ, гласящий: «Городу бога 'А, (что) в (?) стране племени 'Аза», поставляются продукты скотоводства и ремесла—кожи и шерстяные ткани[5].

Наконец, для локализации страны Аза представляет особый интерес публикуемая кармирблурская надпись, которая вполне определенно указывает, что культовые объекты «дом susi» и «величественные ворота бога Халди» были воздвигнуты царем Руса, сыном Аргишти, в городе Тейшебаини страны Аза (текст I, стк. 1—2).

Таким образом, новая кармирблурская надпись Русы II открывает широкие перспективы для пересмотра точек зрения, высказанных ранее специалистами по урартской эпиграфике в отношении локализации страны племени Аза. Выясняется, в частности, что территория Аза отнюдь не ограничивалась районом Аргиштихинили-Армавира; район Тейшебаини-Кармир-блура также с полным основанием следует отнести к территориальным границам интересующей нас страны Аза. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что урартские эпиграфические памятники в связи со всей обширной территорией Араратской равнины упоминают лишь три географические единицы: Эрикуахи, Аза и Куарлини-долину (или Руса-долину). Кстати, последняя выступает лишь один-единственный раз, притом в связи с проведением канала Умешини от реки Илдаруни-Раздан, берущего свое начало от правого берега этой реки, напротив Тейшебаини-Кармир-блура. Об этом рассказывает надпись Русы II, основателя Тейшебаини, найденная при раскопках Звартноцского храма (недалеко от Эчмиадзина). Она одновременно свидетельствует о том, что на основе проведенного канала царь на не обработанной ранее земле Куарлини-долины занимался разбивкой новых (šuḫe[6]) виноградников и фруктовых садов, а также полей с посевами. Здесь был сооружен также новый город (УКН, 281, стк. 1—17).

Исследователи урартской эпиграфики, в общей сложности, до сих пор склонны звартноцскую надпись связать с Тейшебаини. Б. Б. Пиотров-

[4] Там же, стр. 165. Первые слоги этих названий а и 'а (или 'й,'і,'е и т. д.) существенно отличаются друг от друга.

[5] *И. В. Арутюнян,* Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура. ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149.

[6] Слово šuḫe является урартским раскрытием гетерограммы GIBIL «новый». *И. В. Арутюнян,* ЗСУ, стр. 120 и прим. 104. Ср. *И. М. Дьяконов,* УПД, стр. 53.

ский, например, высказывал мнение о том, что эта стела с надписью «... могла находиться ранее на равнине против Кармир-блура, а ее текст рассказывает о строительных работах Русы, сына Аргишти, в районе его закавказского административного центра»[7].

Г. А. Меликишвили считает очевидным, что Тейшебаини находился на территории Куарлини-долины звартноцской надписи[8]. Далее автор обращает внимание на тот факт, что под городом, за строительство которого, согласно звартноцской надписи, принялся Руса II, возможно, подразумевается урартский город у современного холма Кармир-блур. И если в указанной надписи,—продолжает Г. А. Меликишвили,— в самом деле речь идет о деяниях урартийцев в районе Кармир-блура, то из того факта, что в надписи не упоминается название города Тейшебаини, следует, что в это время город еще не существовал и надпись рассказывает лишь о начале работ по сооружению Тейшебаини[9].

Подобной точки зрения придерживался в своих исследованиях также автор настоящей работы, когда он город Тейшебаини всегда рассматривал в неразрывной связи со страной Куарлини-долины звартноцской надписи[10]. И это нам казалось тем более естественным, так как наука об урартской эпиграфике до сих пор не располагает ни одной надписью, повествующей о сооружении административно-хозяйственного центра Тейшебаини. Мало того, страна Аза до сих пор выступала, как будто только в связи с Аргиштихинили-Армавиром, который находится на большом расстоянии от Тейшебаини. По этой причине мы считали единственно возможным предположение о том, что Тейшебаини был основан именно на территории страны Куарлини-долины, так как надпись, повествующая об этой стране, была обнаружена недалеко от Тейшебаини; к тому же специалисты были склонны (конечно, не без основания) думать, что она, вероятно, первоначально стояла на равнине против Кармир-блура. При этом в своих выводах мы шли еще дальше, предполагая, что в пределах страны Куарлини-долины был расположен не только Тейшебаини, но и Эребуни, основанный Аргишти I в 782 г. до н. э. на холме Арин-берд (юго-восточная окраина Еревана)[11].

Однако, вопреки вышесказанному, новая кармирблурская надпись заставляет нас по-новому ставить вопрос о локализации страны Аза. Что касается страны Куарлини-долины, то территория ее простиралась, очевидно, вдоль правобережной полосы реки Илдарунна-Раздан, начиная, по-видимому, от местности, расположенной напротив Тейшебаини-Кармир-блура по направлению к Эчмиадзину, т. е. вдоль проведенного Русой II канала по имени Умешини. С другой стороны, нам кажется, что не исключена возможность, чтобы сама Куарлини-долина также входила

[7] *Б. Б. Пиотровский*, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 133.

[8] *Г. А. Меликишвили*. Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 66.

[9] Там же, стр. 308—309.

[10] *И. В. Арутюнян*. Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура. „Festschrift Johannes Friedrich", Heidelberg, 1959, стр. 35 и др.

[11] *И. В. Арутюнян*. К датировке основания города Еревана (на арм. языке), ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 90.

в состав обширной страны Аза. При таком толковании вопроса можно также предположить, что под вновь сооруженным городом, о котором упоминает звартноцская надпись, следует подразумевать не что иное, как город Тейшебаини.

Таким образом, получается, что значительная часть обширной Араратской равнины, начиная с района Аргиштихинили-Армавира (на левом берегу Аракса) на юго-западе и вплоть до района Тейшебаини-Кармир-блура (юго-западная окраина Еревана) на северо-востоке, в урартских надписях выступает под названием Аза. Следовательно, выясняется, что территория урартской страны Аза простиралась, по крайней мере, от Октемберянского района через Эчмиадзинский район вплоть до столицы Советской Армении. В таком случае правобережная полоса реки Ильдарунна-Раздан (скажем, отрезок между Кармир-блуром и Эчмиадзином), т. е. Куарлини-долина, несомненно, попадает опять-таки в сферу урартской страны Аза. В этой связи мы склонны также думать, что урартский город-крепость VIII в. до н. э. Эребуни-Арииберд также мог войти в территориальный состав этой страны.

Итак, на основании вышесказанного можно заключить, что территория Араратской равнины (начиная с левого берега реки Аракс и далее на север)[12], которая была захвачена урартскими завоевателями еще в первой четверти VIII в. до н. э., носила название Аза. Что же касается Куарлини-долины, то она, возможно, была составной частью интересующей нас страны Аза.

При такой постановке вопроса о локализации страны племени Аза следует несколько пересмотреть также некоторые наши выводы, выдвинутые в связи с интерпретацией текста одной из клинописных таблеток, обнаруженных в 1955 г. на Кармир-блуре. Напомним, что эта таблетка представляет собой учетный документ, посвященный поставке продуктов скотоводства и ремесел (кож и шерстяных тканей) городу бога 'А, находившемуся в стране племени 'Аза. В этой связи ранее мы полагали, что город бога 'А этой таблетки следует искать в районе Аргиштихинили-Армавира, так как территория страны Аза ранее обычно рассматривалась в неотрывной связи с указанным районом[13].

Выше мы уже констатировали тот факт, что новая кармирблурская надпись вполне определенно указывает на то, что Тейшебаини также находился в пределах страны Аза. Следовательно, нет надобности город бога 'А обязательно искать в районе Аргиштихинили-Армавира. Он с таким же успехом мог находиться в районе Тейшебаини-Кармир-блура или где-либо в другом месте обширной для того времени территории страны Аза. При этом впоследствии было выяснено, что под названием бога 'А кармирблурской таблетки следует как будто усмотреть бога Уа

---

[12] Участок Араратской равнины, расположенный вдоль правого берега реки Аракс (напротив Аргиштихинили-Армавира), в урартское время был известен под названием «страна Эрикуахи» с городом Лухиуни.

[13] *И. В. Арутюнян*, Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура, ВДИ, 1957, № 3, стр. 149.

мхеркапусинской культовой надписи (ср. 'Aruba(i)ni и Uarubani)[14], поэтому название города 'А страны 'Аза исходит, очевидно, от имени урартского бога Ua.

Таким образом, новая кармирблурская надпись создает определенные предпосылки не только для того, чтобы сооружение Тейшебаини окончательно связать с именем Русы II и отнести его к территориальным границам страны Аза, но и для пересмотра интерпретации некоторых других кармирблурских материалов, относящихся к истории города Тейшебаини в частности и страны Аза вообще.

С другой стороны, изучение истории страны Аза со всей очевидностью показывает, что она в VIII—VI вв. до н. э. стала одной из наиболее значительных политических и экономических единиц государства Урарту на его северо-восточной периферии. Здесь в разное время постепенно были воздвигнуты три административно-хозяйственных центра—Эребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини.

Остановимся теперь вкратце на значении этих центров страны Аза.

Известно, например, что урартским правителем, при котором осуществлялось завоевание территории страны Аза, был Аргишти I. Хорхорская летопись красноречиво повествует о том, что, переправившись через реку Аракс, уже на V году своего правления Аргишти I вступает в пределы страны Аза. В это же время, т. е. в 782 г. до н. э. здесь, на современном холме Арин-берд (бывший Ганли-тапа), упомянутый урартский царь сооружает военно-стратегический центр Эребуни «для могущества страны Биаинили (=Урарту) и для усмирения вражеской страны»[15]. Далее в летописи говорится, что царем Аргишти I здесь было поселено 6 тысяч 600 воинов приевфратских стран Хате и Цупани,[16] которых он захватил, очевидно, в предыдущем IV году (783 г. до н. э.) своего правления[17].

С другой стороны, несколько выше приведенных отрывков повествуется о завоевании страны города Ки(е)хуни, локализация которой (на пути к северо-западному побережью оз. Севан) устанавливается согласно Лчашенской (бывший Ордаклу) надписи того же Аргишти I[18].

Таким образом, выясняется, что Эребуни был сооружен после завоевания страны города Ки(е)хуни присеванского бассейна и достижения урартийцами Иштикуни(у) и Лики(у) у северо-западного побережья озера Севан. Следовательно, создание военно-стратегического центра Эребуни было обусловлено упрочением успехов, достигнутых Аргишти I на

---

[14] *И. В. Арутюнян.* К датировке основания города Еревана, ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 91—92, прим. 6.

[15] УКН, 127, II, стк. 33—34.

[16] Там же, II, стк. 36—37.

[17] Там же, II, стк. 12—21. Общее число уведенных в данном году мужчин, женщин, отроков составляет 29284, из коих мужчин—8698. Здесь страна Цупани (древнеармянский Цопк) почему-то не упоминается.

[18] УКН, 127, II, стк. 30—31; 134, стк. 1—3. Подробности этого похода сообщаются в Лчашенской надписи Аргишти I, согласно которой, после завоевания Ки(е)хуни, урартские войска достигали города («страны города!») Иштикуни(у) и страны Лики(у). О локализации Ки(е)хуни, Лики(у) и т. д. см. *И. В. Арутюнян,* Некоторые вопросы топонимики Урарту, ИФЖ, 1965, № 1, стр. 187—192.

только в стране Аза, но и на территории, лежащей между северо-западным побережьем озера Севан и страной Аза.

По сведениям Хорхорской летописи известно, например, что Эребуни был сооружен в знак могущества Биаинили-Урарту и усмирения вражеских стран, под которыми, разумеется, Аргишти I имел в виду, в первую очередь, страны Аза и Ки(е)хуни. В самом деле, одна из армавирских надписей Аргишти I лишний раз подтверждает то, что Аргиштихинили также был сооружен на территории вражеской страны Аза (ʾArgištiḫina ʾAzani KUR-ni KI-ni KURlulue manu...)[19].

С другой стороны, многочисленный гарнизон Эребуни, где насчитывалось также 6600 воинов, переселенных из приевфратских стран Хате и Цупани, красноречиво говорит о значении этого военно-стратегического центра для упрочения урартской власти над обширной территорией страны Аза, а также над некоторыми другими территориями, лежавшими между Аза и Ки(е)хуни. Надпись Аргишти I, находящаяся около селения Элар (северо-восточнее Еревана, по дороге к оз. Севан), свидетельствует о том, что при военной экспансии на северо-восток урартийцами был завоеван также промежуточный пункт— страна Улуани или страна города Дарани[20].

Следует обратить внимание на тот факт, что общее название территории стран и племен Севанского бассейна—Удури-Этиуни в Хорхорской летописи упоминается несколько раньше—под III годом правления Аргишти I (784 г. до н. э.). Кстати, летопись в данном случае повествует не о завоевании Удури-Этиуни, а лишь о достижении ее границ, при этом поход на этот раз совершается, по-видимому, с запада (юго-запада), и исходным пунктом его являлась, вероятно, страна Абилиани[21] (древнеармянская область Абегеанк), лежавшая в верхнем течении реки Аракс, вдоль ее левобережной полосы. Однако уже тот факт, что в летописи отмечается лишь только о достижении Удури-Этиуни, но умалчивается об отдельных странах и племенах этого, некогда могучего, племенного объединения, говорит о том, что царю Аргишти I на III году своего правления не удалось, по-видимому, попасть в пределы Удури-Этиуни или же, если даже он имел здесь некоторые успехи, то они были настолько непрочны, в силу жестокого сопротивления южных и восточных племен этого объединения, что вынудили его выбрать другой маршрут нападения на Удури-Этиуни.

Вполне естественно, что неисчислимое поголовье крупного и мелкого рогатого скота стран Удури-Этиуни отныне стало центром внимания урартских завоевателей. Для овладения этими богатствами они через два года снова предпринимают военный поход против Удури-Этиуни, насту-

---

[19] УКН, 142, стк. 1—2.

[20] *М. В. Никольский*, КИЗ, надпись VI, стк. 5—7; УКН, 131, стк. 5—7.

[21] *И. В. Арутюнян*, ХЛА, ЭВ, VII, 1953, стр. 88—89, I, стр. 17—22; *Г. А. Меликишвили*, УКН, 127, I, стк. 17—22.

ная с юга.[22] Стартовой площадкой для этого похода служила, вероятно, страна Аза с могучим военно-стратегическим центром Эребуни.

Страна Аза послужила плацдармом также для успешного похода на Гехамские горы и завоевания там страны Гиарниани (?)[23].

Проследив основные вехи дальнейшей истории страны Аза, выясняется, далее, что через 6 лет после основания Эребуни, т. е. в 776 г. до н. э., на левом берегу Аракса (Октемберянский район Армянской ССР) тем же урартским царем Аргишти I сооружается административно-хозяйственный центр Аргиштихинили. Неудивительно, что Хорхорская летопись ничего не говорит о завоевании страны Аза, а лишь констатирует, что Аргиштихинили был сооружен на территории страны Аза, притом здесь был проведен также ирригационный канал от реки (т. е. очевидно от Аракса)[24]. Уже сам факт сооружения города-крепости Эребуни в 782 г. до н. э., а также достижения урартскими войсками северо-западного побережья Севанского озера, свидетельствуют о том, что территория Аза была завоевана не позже 782 г. до н. э., следовательно, во время сооружения Аргиштихинили страна Аза уже находилась под властью государства Урарту.

В этой связи возникает вполне уместный вопрос: зачем понадобилось урартским властям сооружение нового административно-хозяйственного центра на территории Аза (наряду с прежним центром Эребуни), притом сравнительно ближе к коренной территории Урарту. Нам кажется, что следует видеть существенное отличие между Эребуни и Аргиштихинили; первый, вероятно, носил военно-стратегический характер, в то время как второй—административно-хозяйственный. К тому же мы склонны думать, что в период первых шести лет своего существования (т. е. до сооружения Аргиштихинили) Эребуни, наряду с военно-стратегической функцией, выполнял также функции административно-хозяйственного характера. После сооружения Аргиштихинили, Эребуни часть своих прежних функций административно-хозяйственного характера передал, вероятно, вновь воздвигнутому центру.

Аргиштихинили, как нам кажется, даже в период своего расцвета был не столько военно-стратегическим, сколько административно-хозяйственным центром. Находясь недалеко от пределов северных границ коренной территории Урарту и в сердце Араратской равнины, Аргиштихинили, по-видимому, скорее всего управлял экономикой этой, весьма плодородной, равнины, заботясь, таким образом, не только о хозяйственных нуждах страны Аза и воздвигнутых в ней центров Эребуни и Аргиштихинили, но и снабжая центральную власть Урарту необходимыми запасами

[22] О скотоводческих богатствах Удури-Этиуни подробнее см. *И. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 193—194.

[23] *И. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 51, прим. 146; он же, Новая урартская надпись из раскопок Гарни. „Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР" (тезисы докладов), Баку, 1965, стр. 171; он же, ИФЖ, 1966, № 2.

[24] *И.В. Арутюнян*, ЭВ, VII, стр. 106—107 (IV, 72—73); *Г. А. Меликишвили*, УКН, 127, IV, стк. 72—73.

продуктов земледелия, садоводства-виноградарства, отчасти также скотоводства. В стратегическом отношении Аргиштихинили, несомненно, уступала крепости Эребуни. Этим, именно, следует объяснить тот факт, что одной из основных причин перевода столицы Армении из Армавира (урартское Аргиштихинили) в Ервандашат в конце царствования Ервандидов (конец III—начало II вв. до н. э.), отец армянской историографии Мовсес Хоренаци (V в.) считает «необходимость нахождения более прочного места»[25].

Таким образом, военно-стратегический центр Эребуни, как нам кажется, был предназначен не только для преодоления сопротивления местных племен, населявших в то время Араратскую равнину, и прочного установления урартской власти на всей территории страны Аза, но и для дальнейшего расширения границ Урарту за счет «стран», лежавших в бассейне озера Севан и между этим бассейном и Араратской равниной, а также на Гехамских горах. Что касается административно-хозяйственного центра Аргиштихинили, то на его долю, по-видимому, выпало управление экономикой богатой Араратской равнины, а также, отчасти, экономикой подвластных государству Урарту стран, лежавших к северо-востоку от страны Аза вплоть до бассейна озера Севан.

Такова, в общей сложности, наша точка зрения о роли урартских крепостей Эребуни и Аргиштихинили, основанных в VIII в. до н. э. на территории страны Аза[26].

В дальнейшем, после правления Аргишти I, военно-стратегический центр Эребуни продолжает оставаться достойным опорным пунктом для совершения новых военных набегов против стран Севанского бассейна. Преемник Аргишти I —царь Сардури II, например, в надписях, оставленных у юга-западного и южного берегов озера Севан, а также в своей знаменитой летописи повествует о завоевании целого ряда стран и племен: Луеху с царским городом Тулиху, Аркукини, Уртехини, Лики(у), Камани, Луеруни, Уеликуни или Уеликухи, Адахуни, Лунпруни, Эшумуа, Камни(у), Ку'албани, Ухуни, Терианы и т. д., одним словом, разные территории могучего племенного объединения Удури-Этиуни[27].

При этом, если Аргишти I в III году Хорхорской летописи предпринимает поход лишь только с юго-запада (со стороны Абилиани), а в V году—с юга (со стороны Аза), то Сардури II нападает на страны племенного объединения Удури-Этиуни сразу двумя маршрутами, которые совпадают с теми же путями, проложенными ранее его предшественником Аргишти I. Таким образом, при правлении Сардури II, многочисленные страны племенного объединения Удури-Этиуни, окаймленные с севера и северо-востока водами озера Севан, оказываются в могучем кольце урартских завоевателей, начиная с северо-западной вплоть до юго-восточной его границ.

---

[25] Об этом подробнее см. *Н В. Арутюнян*, К датировке основания города Еревана, ИФЖ, 1959, № 2—3, стр. 91—92.

[26] Ср. *Г. А. Меликишвили*, Наири-Урарту, Тбилиси. 1954, стр. 259—261.

[27] УПМГ, 21. УКН, 161; 155А, стк. 13; *D*, стк. 47—52; F, стк. 17—24.

Преемник Сардури II—царь Руса I в дальнейшем продолжает прочно удерживать не только ранее завоеванные территории Удури-Этиуни, т. е. страны Адахуни, Уеликухи, Луеруни, Аркукини и т. д. «с этой стороны озера», но и подчиняет целый ряд других стран, расположенных «с той стороны озера, в высоких горах». Такими странами, количество которых достигает 19, являются: Гуркумели, Шанатуаини, Тернуншаини. Ришуаини, [. . .]зуаини, Арнаини. Замани, Иркиманини, Элаини, Эриелтуаини, Андаманиуни, Гурнаини, Алзирани, Пируаини, Шилаини, Ундуаини, Атезаини, Эрнаини, Азамеруни. Здесь же была сооружена новая, «величественная крепость», которая носила имя урартского бога Тейшеба[28].

Таким образом, во всех этих военных успехах царей Аргишти I, Сардури II и Руса I в бассейне озера Севан, город-крепость Эребуни страны Аза имел, очевидно, первостепенное значение. Здесь формировались, вероятно, гарнизоны урартских войск для захвата территорий Севанского бассейна, отсюда охранялись эти северные вновь обретенные территории от нападения неприятелей с юга и юго-запада. При этом Эребуни свои военно-стратегические функции успешно выполнял, вероятно, довольно большой промежуток времени—около ста лет—вплоть до сооружения административно-хозяйственного центра Тейшебаини.

С сооружением Тейшебаини в первой четверти VII в. до н. э. Эребуни утратил, по всей вероятности, прежнее первенствующее значение на территории Аза. Этим, именно, следует объяснить находки целого ряда археологических предметов (щитов, шлемов и т. д.) в Тейшебаини, принадлежавших, согласно обнаруженным на них надписям, прежним царям Урарту (Менуа, Аргишти I, Сардури II, Руса I и т. д.) или же посвященных ими же городу Эребуни[29]. Что касается Аргиштихинили, то он, как показывает эпиграфический материал, существовал (наряду с Тейшебаини) вплоть до падения Урарту.

К административно-хозяйственному центру Тейшебаини, сооруженному Руса II в VII в. до н. э., полностью перешли, вероятно, военно-стратегические функции прежнего центра Эребуни, отчасти и некоторые функции хозяйственного значения Аргиштихинили. Этим, именно, следует объяснить применение в Тейшебаини царских печатей некоторых урартских правителей (Сардури III, Руса IV и т. д.)[30], а также наличие здесь многочисленных мастерских для переработки сельскохозяйственных продуктов, кладовых для вина и т. д.

Принимая во внимание то обстоятельство, что крепость Тейшебаини была более слабой, чем Эребуни, все же трудно согласиться с Г. А. Меликишвили, придерживающимся мнения о том, что «Тейшебаини являлся в VII в. наверно одной из рядовых крепостей (являвшихся в то же время хозяйственными центрами), которых в это время появилось, очевидно, в немалом количестве на территории Урартского царства, в том числе и в

---

[28] *Г. А. Меликишвили*, УКН, 266, стк. 1—18.

[29] УКН, 145, 146, 147*a*, 147*b*, 148, 148*a*, 149 и т.д.

[30] *Н. В. Арутюнян*, Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура, „Festschrift Johannes Friedrich", Heidelberg, 1959, стр 38; он же, К интерпретации надписи на глиняной булле Кармир-блура, ИФЖ, 1960, № 1, стр. 227—228.

северных областях царства— в Южном Закавказье. Вряд ли все эти крепости являлись административными центрами и резиденциями отдельных «правителей областей». В этом отношении неясно и положение города Тейшебаини. Если находящаяся совсем недалеко от него крепость Ирпуни в это время все еще существовала (не была разрушена врагами), то вряд ли можно думать, что административным центром-резиденцией урартского областеначальника в этом районе Араратской долины являлся Тейшебаини, а не Ирпуни»[31].

Не подлежит, конечно, сомнению тот факт, что Тейшебаини как по своей величине[32], так и по стратегическому положению во многом уступал крепости Эребуни. Поэтому мы далеки от мысли, что урартийцы могли самовольно перебросить свой административно-хозяйственный центр в Тейшебаини. Весьма вероятно, что Эребуни стал жертвой какого-нибудь неприятельского нападения. Подобного рода неприятелями в то время могли быть, например, могучие союзы племенных объединений Удури-Этиуни и Этиуни (Эларская надпись как будто свидетельствует о том, что эта местность также входила в состав Этиуни). Нам неизвестно, в какой именно степени урартийцы могли держать в своих руках территории Севанского бассейна при существовании Тейшебаини. Однако уже то обстоятельство, что надписи Русы II и последующих царей абсолютно ничего не говорят о появлении их в этом районе или о каких-либо сношениях, осуществлявшихся через административный центр Тейшебаини страны Аза между урартской властью и странами племенного союза Удури-Этиуни, ставит под серьезное сомнение урартское владычество в этот поздний период над территорией присеванского бассейна.

Таким образом, хотя административно-хозяйственный центр Тейшебаини продолжал свое существование вплоть до падения Урарту (590 г. (?) до н. э.) и стал, наконец, жертвой неотразимого нападения мидийско-скифских кочевых племен[33], тем не менее следует подразумевать, что начиная еще со времени правления Русы II, позиции Урарту на северо-востоке заметно ослабли. Он, наверное, начал постепенно терять территорию за территорией, а именно «страны», расположенные к северо-востоку от Аза, вплоть до бассейна Севанского озера. В конце концов владычество Урарту здесь все более ограничивалось; по мере усиления союза удуриэтиунских племен, Урарту на северо-восточной части царства был замкнут, вероятно, лишь в территориальных границах интересующей нас страны Аза. Так что при мидийско-скифском нападении не только Тейшебаини, но и страна Аза в целом не были, по-видимому, обеспечены также с тыла, т. е. со стороны Удури-Этиуни. Этим, именно, и целым рядом других причин, следует объяснить внезапное падение Тейшебаини.

Такова, в общих чертах, наша точка зрения о стратегическом значении урартской страны Аза с ее крепостями Эребуни, Аргиштихинили и Тейшебаини.

---

[31] *Г. А. Меликишвили*, Наири-Урарту, Тбилиси. 1954, стр. 312.

[32] Занимаемая цитаделью Тейшебаини площадь составляет 4 гектара, в то время как Эребуни —6 гектаров.

[33] Об этом подробнее см. *И. М. Дьяконов*, Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. ВДИ, 1951, № 2, стр. 29—39.

Остановимся теперь вкратце на экономической роли страны Аза.

Начиная еще с 782 г. до н. э., т. е. со времени вторжения урартийцев в пределы страны Аза и сооружения здесь военно-стратегического опорного пункта Эребуни, царь Аргишти I уделял неустанное внимание плодородной Араратской равнине. С воздвижением в 776 г. до н. э. Аргиштихинили, а также в VII в. до н. э. Тейшебаини, урартские правители все больше внимания уделяют хозяйственным нуждам страны Аза. В Аргиштихинили и в окружающем его районе Аргишти I и Сардури II проводят ирригационные каналы, разбивают виноградники, фруктовые сады и поля с посевами[34]. Позже царем Руса III сооружается здесь также зернохранилище, емкостью в 1432 «капи»[35] (УКН, 288).

Далее, те же урартские правители Аргишти I и Сардури II в Эребуни сооружают два зернохранилища, общей емкостью в 15 тысяч 200 «капи».[36] Кроме того, при раскопках на Кармир-блуре открыты помещения, засыпанные пшеницей. При этом, зерновые остатки были обнаружены здесь и в целом ряде других помещений[37]. Все это свидетельствует о том, что зернохранилища существовали также в Тейшебаини, вопреки тому, что известные до сих пор письменные источники упорно умалчивают об этом.

В связи с зерновыми запасами страны Аза примечательно, например, то, что сооруженное царем Аргишти I в Эребуни зернохранилище по своей емкости (в 10 тысяч 100 «капи») занимало своеобразное место среди зернохранилищ Ванского царства, сооруженных как в центральных областях, так и на периферии. Хотя оно уступало, скажем, зернохранилищам Сардури II в Патноце (более 18 тысяч 400 капи) и Аствацашене (свыше 15 тысяч 300 капи), но превышало все остальные урартские зернохранилища. Мало того, аринбердское зернохранилище Аргишти I по своим размерам несколько превышало даже зернохранилище того же царя, сооруженное в столице Ванского царства Тушпе (ровно в 10 тысяч капи)[38]. И если ко всему этому добавить еще тот факт, что из общего числа известных нам шести урартских зернохранилищ ровно половина была сооружена в интересующей нас периферийной области Аза, и накопленные запасы зерна (16632 «капи») составляли более четверти запасов известных нам урартских зернохранилищ (60332 «капи»)[39], то станет вполне понятной роль плодородной страны Аза для земледелия Урартского государства в целом.

---

[34] УКН, 127, IV, стк. 72—73; 136, стк. 1—5; 137, стк. 1—10; 142, стк. 3; 172, стк. 1.

[35] Урартск. kapi ср. с арм. կապէճ карêç „скирда сена и пшеницы". Սահակ վ. Ամատունի, Հայոց բառ ու բան, Վաղարշապատ, 1912, стр. 91.

[36] УКН, 139, стк. 1—4; 164, стк. 1—5.

[37] *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур, I, стр. 51, 53; он же, Искусство Урарту, стр. 40—41.

[38] Сведения о патноцском, аствацашенском и ванском (тушпинском) зернохранилищах см. в УКН, 162, 163, 135.

[39] Об этом подробнее см. *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 80—81. Начальник аринбердской экспедиции К. Л. Оганесян любезно ознакомил нас с обнаруженными в июне 1966г. новыми надписями о сооружении зернохранилищ в Эребуни царями Аргишти I (количество „капи" уничтожено) и Сардури II (вместимостью в 10 тысяч 100 „капи").

То же самое можно сказать о виноградарских и винодельческих запасах, ежегодно накапливаемых в многочисленных кладовых крепостей страны Аза. Согласно кармирблурскому археологическому материалу, в кладовых Тейшебаини хранилось свыше 400 тысяч литров вина. Подобными примерами урартоведение больше не располагает ни по археологическому, ни по эпиграфическому материалам. Даже крупные кладовые для вина, сооруженные Сардури II в центре Урарту—бассейне реки Аранани—по своим запасам (свыше 200 тысяч литров)[40] дважды уступают винным кладовым Тейшебаини.

Раскопки Эребуни свидетельствуют о том, что в этой крепости также существовали винные кладовые. Здесь были открыты две кладовые для вина, на карасах которых клинописью была обозначена их емкость[41]. Имеются сведения о том, что винные кладовые были также в крепости Аргиштихинили. Надписи, обнаруженные в этом районе, неоднократно повествуют о разбивке здесь виноградников[42]. Накопленные запасы виноградарства и виноделия должны были храниться именно в кладовых Аргиштихинили[42a]. О наличии здесь винных кладовых свидетельствуют также остатки урартских карасов, обнаруженные при раскопках 1963—1966гг.[43].

Таким образом, страна Аза по развитию виноградарства и виноделия занимала вполне обособленное место не только среди периферийных территорий, но и по сравнению с центральными областями обширного государства Урарту. Накапливаемые здесь регулярно зерновые, виноградарски-винодельческие и садоводческие запасы были предназначены, вероятно, не только для нужд урартских гарнизонов, расположенных в той или иной крепости страны Аза, но и для перевозки в столицу Тушпа и другие центральные районы и области.

---

[40] *Н. В. Арутюнян*, ЗСУ, стр. 109, 120–134.

[41] Эти материалы еще не опубликованы полностью. См. *К. Л. Оганесян*. Раскопки урартского города Эребуни, СА, 1960, № 3, стр. 291, рис. 5 и стр. 294; он же, Арин-берд. I (Архитектура Эребуни), Ереван, 1961, стр. 39, рис. 19, стр. 43, рис. 21–22.

[42] УКН, 137, стк. 9; 172, стк. 1 и т.д.

[42a] Это подтверждается археологическим материалом 1965 г. на Давти-блуре.

[43] В связи с высоким развитием виноградарства на территории Аза невольно привлекает наше внимание и само название страны Аза. Дело в том, что первый слог 'a этого названия следует воспринять, очевидно, как на (ср. D'A и DUa, D'Aruba(i)ni и DUaruba(i)ni). Следовательно, под названием 'Aza мы имеем дело, вероятно, с Uaza (читай Vaza!). С другой стороны, привлекателен тот факт, что армянское слово վազ vaz „виноградная лоза" не находит места среди индоевропейских корней (см. „Словарь корней" Р. Ачаряна). В этой связи возникает вполне уместный вопрос, невозможно ли это армянское слово, как и грузинские ვაზი vazi „виноградная лоза", ულტვაზი ulurvazi „дикий виноград" считать заимствованием из урартского клинописного языка? И если такая интерпретация урартского собственного имени 'Aza = ?Vaza так или иначе может быть правдоподобной, то не только уяснится происхождение армянского vaz и грузинского vazi, но и создадутся определенные предпосылки в урартском собственном имени Vaza(?) видеть его первоначальное нарицательное значение vaz „виноградная лоза". Следовательно, под страной 'Aza = ?Vaza урартийцы, быть может, первоначально видели одну из основных черт экономики этой страны, т.е. страну vaz'ов или страну „виноградных лоз". Подтверждением тому, по-видимому, может служить высокое развитие виноградарства на этой территории, начиная, по крайней мере, еще с VIII века до н.э.

На территории Аза находило некоторое развитие также скотоводство, о чем свидетельствуют материалы, добытые при раскопках Эребуни и Тейшебаини, отчасти также письменные источники. Раскопки Эребуни, например, дали костные остатки домашних животных—крупного рогатого скота, копытных, баранов, коз, свиней, собаки, а также диких животных—дикого козла и зайца (определение С. К. Даля)[44]. Это последнее свидетельствует о том, что население страны Аза занималось также охотой, некоторые сцены которой изумительно хорошо представлены на фрагментах бронзовых поясов, обнаруженных в Нор-Арешском колумбарии (у подножия Эребуни)[45]. Здесь были обнаружены также бронзовые удила[45].

Несравненно обильнее костный материал, обнаруженный при раскопках Тейшебаини. Раскопки городских кварталов отчетливо свидетельствуют о занятии туземного населения скотоводством еще до прихода урартийцев. В доурартском слое Тейшебаини были найдены костные остатки домашних животных: коровы, вола, лошади, осла, козы, свиньи. Кроме того, обнаружены кости джейрана, каменной куницы, собаки и т. д.[47]. О развитии скотоводства свидетельствуют также обломки маслобоек и сосудов для переработки и хранения молочных продуктов[48]. Было установлено, что абсолютное большинство обнаруженных костей принадлежало представителям крупного рогатого скота[49].

Что касается цитадели Тейшебаини, то костные остатки разных домашних животных здесь прослеживаются сплошь и рядом. Были обнаружены скелеты, конечности и т. д. крупного рогатого скота, лошадей, ослов, овец, коз и т. д.[50]. Отметим также, что археологический материал, относящийся к коневодству, представлен не только остеологическими остатками, но и принадлежностями конского убора[51].

Привлекает внимание тот факт, что костный материал Тейшебаини, относящийся к мелкому рогатому скоту, составляет незначительное количество, в то время как остеологические остатки крупного скота заметно преобладают над ними. Это можно объяснить тем, что на равнинной территории страны Аза, как это мы видели выше, естественно, было высоко развито земледелие, садоводство и виноградарство. Что касается ско-

---

[44] *И. М. Лосева*, Раскопки цитадели урартского города Ирпуни, КСИИМК АН СССР, 1955, вып. 58, стр. 51—52.

[45] *А. Мартиросян, А. Мнацаканян*. Урартский колумбарий из Нор-Ареша (на арм. языке), „Известия" АН Арм. ССР (обществ. науки), 1958, № 10, стр. 69—84.

[46] Там же, стр. 69 и табл. 3 на стр. 70.

[47] Определение С. К. Даля и С. К. Межлумян. См. *Б. Б. Пиотровский*, Кармир блур, I, стр. 18; *А. А. Мартиросян*. Город Тейшебаини, Е., 1961, стр. 67—68.

[48] *А. А. Мартиросян*. Город Тейшебаини, стр. 67.

[49] Там же, стр. 68.

[50] *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур, I, стр. 31—33 и т. д.; Кармир-блур, II, стр. 21—22 и т. д., а также *С. К. Даль*, Лошадь времен Урарту из раскопок Кармир блура, «Известия» АН Арм. ССР (естеств. науки), 1947, № 10, стр. 42—58. *И. О. Бурчак-Абрамович*, Находка домашнего осла в культурных слоях государства Урарту, «Природа», 1948 № 2, стр. 69.

[51] *Б. Б. Пиотровский*, Кармир-блур, I, стр. 53, 57, 66; Кармир-блур, III, стр. 17, 23, 43—48.

товодства, то здесь, вероятно, население в основном занималось выращиванием крупного скота: лошадей, мулов, ослов, быков и т. д., которые по-видимому, были использованы в основном в земледельческих и садоводческих работах.

С другой стороны, среди археологического материала Тейшебаини, относящегося к скотоводству, представляют определенный интерес письменные источники. В клинописной табличке, обнаруженной в 1949 г., повествуется об отправке шести быков и одной лошади для использования, по-видимому, в земледельческих или садоводчески-виноградарских работах[52]. Лошадь упоминается дважды (стк. 8, 17) также в другой табличке, происходящей из раскопок северо-западной части крепости в 1957 г. А в строке 9 той же таблички упоминается мул[53]. В другой табличке, найденной в 1955 г., повествуется о поставке продуктов скотоводства и ремесел—кож и шерстяных тканей—городу бога А (=Уа) страны Аза[54].

В свете приведенных выше фактов привлекают наше внимание также сведения XI года Хорхорской летописи (776 г. до н. э.), согласно которым Аргишти I, с одной стороны, сооружает город Аргиштихинили в стране Аза и проводит здесь ирригационный канал, а с другой—завоевывает приурмийскую страну Мана. В данном году урартским царем захватывается 2411 голов крупного рогатого скота, 170 коней и т. д. [55]. Исходя из того, что, согласно археологическим материалам и письменным источникам, скотоводство (главным образом крупный рогатый скот) и коневодство занимали некоторое место в занятиях населения Аза, приходится думать, что часть (пусть даже незначительную!) угнанного в 776г. до н. э. урартийцами крупного рогатого скота и коней приходится, по-видимому, на долю страны Аза.

Как известно из публикуемых текстов, в Тейшебаини был сооружен целый комплекс храмовых сооружений: Большой храм—дом susi, ворота бога Халди и Малый храм— дома бога Халди, sir(i)ḫani, adunusini. Исходя из этого, можно полагать, что в пределах Тейшебаини, в частности, и страны Аза вообще, наряду с царскими (государственными), общинными и т. д. хозяйствами, существовало также храмовое хозяйство, которое обладало, по-видимому, земледельческими, садоводчески-виноградарскими поместьями и скотоводческими богатствами. В свете сказанного весьма вероятно, что часть зерновых, винодельческих и других запасов Тейшебаини, о чем речь шла выше, принадлежала именно местному храму.

С другой стороны, новые кармирблурские тексты Русы II повествуют о необходимости жертвоприношения не только в связи с сооружением упомянутых культовых объектов, но и в случае регулярных посещений их разными категориями населения. То же самое относится, вероятно, и к сведениям звартноцской надписи того же царя о жертвоприношении в честь проведенного ирригационного канала Умешини, разбивке фрук-

---

[52] Кармир-блур, II, стр. 76 и рис. 43, стк. 7—8; УКН, 333, стк. 7—8.

[53] См. *И. М. Дьяконов*, УПД, стр. 35—36 (№ 7).

[54] ВДИ, 1957, № 3, стр. 144—149.

[55] ЭВ, VII, стр. 106—109 (IV, 67—V, 8); УКН, 127, IV, 67—V, 8.

товых садов и виноградников, полей с посевами и т. д. в долине Куарлиш. Нам кажется, что здесь, как и в Мусасирском и других храмах, земледельческие богатства были накоплены не только путем обработки храмовых хозяйств, но и путем приема разного рода богатств с населения под видом культовых пожертвований[56].

Таковы в самых общих чертах некоторые вопросы экономики интересующей нас страны Аза.

Наконец, последним вопросом, который можно рассматривать в связи с историей страны Аза, является этнический состав ее населения.

Основным ядром населения Аза являлись, несомненно, аборигены, которые, по-видимому, сыграли впоследствии определенную роль в длительном процессе образования армянского народа в одном из участков обширной территории Армянского нагорья, т. е. на Араратской равнине. Возможно, с этим туземным населением страны Аза неразрывно связан бог И(у)арша (или Иубша), который выступает то по поводу сооружения дома susi в крепости Эребуни[57], то в связи с культовыми обрядами (жертвоприношением) в честь нововоздвигнутых объектов (в том числе дома susi) в крепости Тейшебаини[58]. Сооружение культового объекта в честь местного(?) бога И (у) арша=Иубша или же упоминание его наряду с верховными урартскими богами (Халди, Тейшеба, Шивини, а также богини Уаруба(и)ни—супруги Халди) следует, по-видимому, считать результатом хитроумной политики урартских властей: показать «уважение» к суверенным правам туземного населения, в том числе к его религиозно-культовым верованиям. Это и послужило, вероятно, одной из причин (наряду с насилием) не только для окончательного освоения земель страны Аза, но и (при наличии возможно надежного тыла) для дальнейших стремительных походов на северо-восток в целях покорения стран и племен Севанского бассейна.

Другим основным компонентом в населении страны Аза являлись, вероятно, урартийцы. Не может быть сомнения в том, что заселение урартских гарнизонов и населения урартского (и не только урартского!) происхождения в той или иной вновь покоренной вражеской стране, в том числе в стране Аза, было одной из первоочередных задач Урартского государства. Именно этим, вероятно, осуществлялась власть урартийцев на тех или других территориях, включаемых время от времени в состав могучего Ванского царства. Привлекают здесь внимание некоторые сведения Хорхорской летописи, согласно которым Аргишти I в 782 г. до н. э. переселил 6600 воинов или военнопленных приевфратских стран Хате и

---

[56] *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту, Тбилиси, 1954, стр. 354.

[57] УКН, стр. 451—452, № 8—9, стк. 1—3. Под И(у)арша (чтение Иубша также закономерно) аринбергских идентичных надписей Г. А. Меликишвили склонен видеть лувийское Im(m)arša (Imtaršša), причем появление культа этого бога в Эребуни он связывает с хеттскими и цупанийскими переселенцами в качестве военнопленных. С другой стороны, по его же мнению, в лице Иуарша (Иварша) урартийцы подразумевали „бога долины"—ВДИ, 1958, № 2, стр. 42—47; 1962, № 1, стр. 60, прим. 64.

[58] См. выше, текст I, стк. 8. I(u)arša или Iubša не упоминается в списках урартских богов культовой надписи Мхер-капуси (УКН, 27).

Цупани (древнеармянская область Цопк) в Азайскую крепость Эребуни[59], которых он захватил, вероятно, во время похода предыдущего 783 г. до н. э.[60]. В этой связи заслуживает внимания мнение И. М. Дьяконова о том, что определенная часть захваченных урартийцами людей при покорении разных вражеских областей была включена, очевидно, в состав войска и размещены в качестве гарнизонов в различных урартских крепостях[61]. Так обстояло дело, как мы только-что видели, и с переселенными в Эребуни хеттскими и цупанийскими военнопленными. В свете приведенных фактов не остается сомнения в том, что в эребунийском гарнизоне должно было быть размещено, первым долгом, коренное урартское войско, причем в последнем, вне всякого сомнения, насчитывалось более чем 6600 военнопленных из стран Хате и Цупани. При защите знаменитого в то время военно-стратегического центра Эребуни, равным образом также всей страны Аза, разумеется, урартийцы не могли надеяться лишь только на военнопленных вражеских стран. Следовательно, преобладающая часть войска в гарнизоне Эребуни, как и в гарнизонах других урартских крепостей, была сформирована, очевидно, из коренного урартского населения.

Таким образом, надо полагать, что определенную часть населения страны Аза, вслед за аборигенами (resp. азайцами), составляли, вероятно, урартийцы. Изменение состава населения тех или других вновь покоренных стран осуществлялось не только за счет населения других, ранее завоеванных стран, но и за счет населения коренных урартских областей. Урартийцы, вероятно, во вражеских странах пользовались гораздо большими льготами, чем туземное население. Такая политика урартских захватчиков была направлена, очевидно, на окончательное упрочение урартской власти на вновь приобретенных территориях. О наличии здесь урартийцев в качестве коренных жителей Аза говорит звартноцская надпись Русы II, формула проклятия которой от имени Халди, Тейшеба, Шивини и т. д. угрожает урартийцам («жителям Биаинили»), а также азайцам, хеттам, цупанийцам и т. д. («жителям вражеских стран»), осмелившимся уничтожить или осквернить воздвигнутую стелу с надписью[62].

Таким образом, в этнический состав населения страны Аза наряду с аборигенами входили также урартийцы, хетты и цупанийцы.

Однако этим, вероятно, не ограничивалась разнородность населения страны Аза. В этой связи невольно привлекает внимание клинописная таблетка Сардури III, обнаруженная в 1956 г. при раскопках Тейшебаини. Здесь указывается, что установление по приказу царя стел или меже-

---

[59] *Г. А. Меликишвили.* УКН, 127, II, стк. 33—37; 128 А2 стк. 15—22.

[60] *Г. А. Меликишвили.* УКН, 127, II, стк. 5 сл.; он же, ВДИ, 1958, № 2. стр. 41—42. В данном случае почему-то упоминается только страна Хате.

[61] *И. М. Дьяконов,* К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952. № 1, стр. 100.

[62] *Г. А. Меликишвили,* УКН, 281, стк. 31—47.

вых камней между некоторыми земельными участками должны были совершить уединиец(?)[63]—чиновник и абилианец—резчик по камню[64].

Территорию племени Уедини (читай Ведини!) в настоящее время установить невозможно. Что касается племени Абилиани, то занимаемая им территория локализуется у верховьев реки Аракс, на месте древнеармянской области Абегянк[65].

Таким образом, в составе населения страны Аза, по-видимому, занимали некоторое место жители (ремесленники-каменотесы и т. д.), переселенные из верховьев реки Аракс и из другой, неизвестной территории. Следовательно, в лице представителей «вражеских стран», которым угрожает звартноцская надпись, Руса II имел в виду, по-видимому, не только азайцев, хеттов и цупанийцев, но и абилианихцев и ведиийцев (?).

По интересующему нас вопросу представляют определенный интерес также некоторые сведения новой кармирблурской надписи. Здесь формула проклятия содержит угрозу осквернителям и т. д. надписи не только со стороны верховной триады урартских богов Халди, Тейшеба и Шивини, но и, как это ни странно, со стороны Мардука—верховного бога вавилонян (см. выше, текст III, стк. 8). Следует отметить, что в данном случае мы имеем единственный факт упоминания в урартских надписях имени бога вражеских стран, причем Мардук здесь занимает то самое место формулы проклятия урартских надписей, где обычно выступает гетерограмма DINGIRMEŠ «боги», под которыми в свете новой кармирблурской надписи следует подразумевать, по-видимому, не только других богов урартского пантеона (кроме Халди, Тейшеба и Шивини), но и богов вражеских стран. Таким образом, упоминание вавилонского бога Мардука в новой кармирблурской надписи можно объяснить, как нам кажется, наличием вавилонского населения на территории Аза.

При подобной интерпретации фактов возникает вполне уместный вопрос: каким образом вавилонское население могло попасть в пределы страны Аза? Нам известно, например, что во время похода 781 г. до н. э., совершенного Аргишти I против Баби́лу (Вавилонии)[66] и некоторых других стран (Баруата, Паршуа, Бушту и т. д.), т. е. годом позже сооружения города-крепости Эребуни на территории страны Аза, урартийцы захватывают, в качестве военнопленных, значительное количество людей[67].

---

[63] Прежнее чтение didinišc(?) „дидиниец" (житель из племени Дидини?) в настоящее время мы считаем менее убедительным.

[64] *Н. В. Арутюнян*, Новая клинописная таблетка из раскопок Кармир-блура, „Festschrift Johannes Friedrich", Heidelberg, 1959, стр. 35—51.

[65] Абилиани упоминается в летописях Аргишти I и Сардури II: УКН, 127, I стк. 17; 155C, стк. 7, 21, 35, 37, F, стк. 15.

[66] Под Бабилу урартских текстов В. В. Струве склонен видеть Вавилонию, причем он одновременно полагает, что походы урартских царей достигали, по-видимому, лишь северных границ Вавилонского государства—«Ученые записки Ленинградского Госуниверситета», № 19, 1938, стр. 141; «Известия АН Армянской ССР» (обществ. науки), 1944, № 3—4, стр. 135. По мнению же И. М. Дьяконова, под Бабилу следует подразумевать вавилонизированную в то время страну Намру (в долине реки Диала)—АВИИУ, § 28, прим. 20; § 38, прим. 6 и т. д.

[67] *И. В. Арутюнян*, ХЛА. ЭВ, VII, 1953, стр. 98—99 (III, 8—17). Количество захваченных здесь людей сохранилось неполностью.

Далее, примерно через три десятилетия (в 751 или 750 гг. до н. э. ?) вступает в пределы Бабилу преемник Аргишти I—царь Сардури II. Из территории интересующей нас страны Бабилу и некоторых других стран[68] урартийцы уводят в качестве военнопленных 6 тысяч воинов, 25 тысяч женщин и 8 тысяч 135 отроков[69].

Таким образом, вавилонское население могло попасть в страну Аза начиная с 781 вплоть до 751—750 гг. до н. э. Руса II испытывал, по-видимому, в то время определенную опасность со стороны вавилонских переселенцев, в связи с чем он считал необходимым угрожать им не только всемогущей верховной триадой урартских богов Халди, Тейшеба и Шивини, но и, одновременно, верховным их богом Мардуком. И если подобное толкование приведенного факта может быть правдоподобным, то следует подразумевать что среди населения страны Аза находились, быть может, также вавилоняне.

Итак, разнородное население страны Аза состояло, по-видимому, не только из аборигенов (азайцев), но и из биаинили-урартийцев, хеттов, цупанийцев, абилианихцев, вавилонян и т. д.

Таково наше мнение по вопросам локализации, военно-политического значения, экономического развития и состава населения страны Аза—одной из важных политико-географических единиц древневосточного государства Урарту на его северо-восточной периферии.

В заключение следует отметить, что в дальнейшем, т. е. после падения Урарту, страна Аза продолжала успешно развиваться экономически, особенно в отрасли садоводства и виноградарства[73], причем постепенно выросло также ее политическое значение. На ее территории и на месте военно-стратегического центра Эребуни впоследствии вырос город под идентичным названием Ереван[71]. Здесь же, на основе араратского диалекта, постепенно оформлялся армянский литературный язык.

---

[68] Во время данного похода покоряется также страна Мана. После завоевания Бабилу текст одновременно упоминает о достижении урартских войск страны Баруата.

[69] *M. Tseretheli*, NHI, стр. 3—4 (A, стк. 1—10). *Г. А. Меликишвили*, УКН, 155А, стк. 1—10; он же, Наири-Урарту, стр. 225—226.

[70] *Страбон*, География в семнадцати книгах, М., 1879, стр. 519, 538, *Казар Парпеци* (V в.), История Армении (на древнеармянском языке). Тифлис, 1904, стр. 9—11. *Моисес Хоренаци* (V в.), История Армении, М., 1893, стр. 92.

[71] *И. В. Арутюнян*, К датировке основания города Еревана, ИФЖ, 1959, № 2—3; стр. 78—96.

УКАЗАТЕЛЬ К ТЕКСТАМ

Римские цифры указывают на текст, арабские — на строку. I, II, III, *x*—кармирблурские тексты, IV—армавирский, V — адыльджевазский текст.

A

A'B I, 11, 12.
[A'B] I, 7.
GUDA'B IV, 3.
[LU AD-si-ni?] I, 3.
a-du-nu-si-ni II, 5, 9.
То же, что É a-du-nu-si-ni (см.).
a-gu-li I, 12.
a-i-ni-i I, 21.
al-di I, 21.
a-li I, 2, 6, 8, 14 (2 раза), 16, 18, 21, 22; II, 2, 8; III, 3; V, 4, 7.
[a-li] II, 6, 10; IV, 7 (2 р.).
a-li-e I, 19; V, 2, 3, 5—7, 9.
[a-li-e] II, 3, 5, 7, 10.
al-su-i-še I, 5.
a-lu-si I, 17; IV, 10.
a-lu-še III, 4 (3 раза), 5, 6; V, 4.
[a-lu-še] II, 6; III, 5.
al-zi-na-i I, 9.
[al-zi-na-i] IV, 1.
a-ma-ni-i-gi-di V, 10.
От amani; ср. ebani и ebanigidi.
DAMAR-UTU-še III, 8.
Читай DMarduk-še (см.).
a-mu-li-ni V, 6.
[a]-mu-li-ni II, 8.
ar-[d]i-a-ni III, 2.
ar-di-še I, 5, 6.
ar-[di-še?] I, 6.
ar-du-li II, 1.
ar-du-li-ni I, 18, 19.
[ar-du-li-ni?] IV, 11.
[Ar-giš-[te-ḫi] I, 5.
[Ar-[giš]-te-ḫi-ni-še III, 3.
[[A]r-giš-te-ḫi-ni-še I, 1.
[ar-mu]-zi III, 9.
ar-ni I, 5.
a-ru-ni I, 3.
áš-du-li II, 10.
[áš-du-li] IV, 7.
áš-du-li-e I, 21; V, 7.
áš-du-li-ni I, 14; V, 9.
áš-du-li$_9$-ni I, 16.
[áš]-du-li-i-ni IV, 9.
aš-du-ú-ni I, 21.
a-še I, 10—12, 19, 22; II, 4, 7; V, 3, 5.
[a-še] IV, 2, 3.
áš-ḫa-áš-ti-ni I, 16.
Ср. aš̌h(u)-?
[áš-ḫa-áš-ti-ni?] IV, 9.
a-ši-i-ni I, 22.
áš-ka-ṭé-ni V, 8.
[áš-ka-ṭé]-ni II, 11.
a-šú-li I, 20; II, 2.
Ср. as-d(u)-?
[at-q]a-na-du-ni I, 2.
LU'a-u+e(?)-i-ṭé-ni II, 2.
[a-ú-li]-e III, 10.

'A

'a-ḫu-li-ni V, 11.
'a-[ḫu-li-ni I, 13.
'a-ḫu-li-i-ni V, 5.
['a-ḫu-li-i-ni] II, 7.
D'A-ru-ba-i-ni I, 11, 12.
То же, что DUaruba(i)ni.
D'A-ru-ba-i-ni-e I, 8.
[D'A-a-ru-ba-i-ni-e] IV, 4.
[D'A-ru-ba-ni] IV, 3.
D'A-ru-ba-i-ni-ka I, 15.
[D'A-ru-ba-ni-ka] IV, 8.
D'A-za-i-ni KUR-ni I, 2.

B

ba-du-šI-e I, 2, 4.
BAR V, 8.
[BAR] II, 11.
bar-za-ni I, 19; II, 1.
ba-ú-šI-[na-ni] III, 2.
BE·LI i, 8; II, 3, 6; V, 2, 4.
Ср. GIŠ.
BE·LI ga-zu-li II, 3.
BE·LI ga-zu-[l]-e V, 2.
BE·LI SIKIL II, 6; V, 4.
KURBi-a-i-na-u+e I, 6.
bi-di I, 4, 5, 9; IV, 1.
bi-di-ni I, 6.

D

[DAN·NU] I, 5.
[DUB-te] III, 4.
[du-l]i-e III, 5.

E

É I, 14, 20, 21; II, 5, 9, 10; IV, 8, 9; V, 7.
[É] II, 7; V, 3, 6.
É a-du-nu-sI-ni II, 5, 9; V, 3, 6.
Б.м. E'adunusini?
É sI-ir₁rI-ḫa-ni-ni I, 15, 16, 20, 22; IV, 8, 9.
Б.м. E'sIr(i)ḫanini?
DḪal-dI-ni-(e) É I, 14, 20, 21; II, 10; V, 7.
e-'a I, 1.
e-ia I, 5.
¦É·BA'R-ṣI TUR-lI I, 12.
[É·BA'R?]-ṣI TUR I, 13.
e-dI-ni I, 10.
[e-dI-ni] IV, 2.
el-mu-šE I, 10, 13; II, 11; V, 8, 11.
[el-mu-šE] IV, 6; V, 9.
el-mu-ú-šE IV, 2.
EN I, 1.
e-ra-šI-ni I, 14.
Б.м. lu-e-ra-šI-ni? UDUe-ra-sI-ni, UDUe-ra šI-ni (см.).
e-ra-a-šI-ni-e IV, 7.
e-sI II, 4; V, 3.
e-sI-i I, 4.
[e-sI-nI-nI] III, 7.
É sI-Ir-ḫa-nI-nI I, 15, 16, 20, 22.
То же, что sIrIḫanini, É sIrIḫanini (см.).
É sI-rI-ḫa-nI-ni IV, 9.
То же, что sIrḫanini, É sIrḫanini (см.).
É sI-rI-ḫa-nI-[ni] IV, 8.
É su-sI-e I, 1.
То же, что su-sI-e (см.).
e-sI-me-ṣI I, 10, 13; II, 11; V, 8, 11.
[e]-šI-me-ṣI IV, 2.
e¦-[šI-me-ṣI] V, 9.
[e-šI-me-ṣI] IV, 6.

G

ga-zu-li II, 3.
См. BE·LI gazuli(e).
ga-zu-li-e V, 2.
[g]i-e-i III, 1.
gi-¦I I, 3.
GI'R V, 8
[GI'R] II, 11.
GIŠ II, 7.
Синоним BE·LI (см.).
[GIŠ] V, 5.
GUD I, 7; IV, 3.
То же, что [GUDpa¦ini] (см.).
¡GUD¡ I, 11.
[GUD] IV, 5.
[GU]D(?)·TUR-ia III, 2.
gu-ni I, 6 (2 p.); III, 3.

Ḫ

ḫa-ab-tI-ni II, 10.
ḫa-[ab-tI-ni] V, 7.
[DḪal-dI-[... x, 4.
DḪal-dI-e I, 2, 7 (2 p.), 10, 11 (2 p.), 12, 17; IV, 4.
[DḪal-dI-e] I, 11; IV, 3 5.
DḪal-dI-e-I I, 12.
DḪal-dI-I-e IV, 3, 5.
[DḪal-dI-I-e] IV, 5.
DḪal-dI-I-ka I, 15.
DḪal-dI-na-a I, 9.
[DḪal]-dI-na-a IV, 10.
[DḪal-dI-na-a] IV, 1.
DḪal-dI-na-ni I, 6, 14, 17, 18 (2 p.); II, 6.
DḪal-dI-[na-ni] V, 4.
[DḪal-dI-na-ni?] I, 4; IV, 7, 11.
DḪal-dI-na-u+e I, 8 (2 p.).
DḪal-dI-ni I, 4, 20, 21
DḪal-dI-ni[... V, 10.
DḪal-[dI-ni] I, 8.
[DḪal-dI]-ni II, 10.
DḪal-dI-ni-e I, 14; V, 7.
DḪal-dI-nI-e É I, 14; V, 7.
Ср. DḪaldini É
DḪal-dI-nI É I, 20, 21.
Ср. DḪaldInIe É
[DḪal-dI]-ni É II, 10.
[DḪal-dI-nI É] IV, 7.
DḪal-dI-ni-I V, 10.
DḪal-dI-ni-li I, 4.
DḪal-dI-[ni-li?] I, 1.
DḪal-dI-šE I, 3.
[DḪal-dI-sE] III, 8.

ḫa-ú-li II, 6.
[ḫa-ú-li] V, 4.

I

i-[. . . . .]-e III, 1.
Б.м. i-[bi-ra-ni]-e или i-[ku-ka-ni]-e
...]-i-[... *x*, 1.
^{D}I-ár-šá-a I, 8.
Или: ^{D}I-ub-šá-a (см.).
i-e-še III, 3.
i-e-[še] III, 6.
^{D}IM-a I, 7.
То же, что ^{D}Teišeba.
[^{D}IM-a] IV, 6.
^{D}IM-ni URU I, 2, 19.
То же, что ^{D}Teišebaini patari.
[^{D}IM-še] III, 8.
i-na-a[... I, 9.
[i-na-a...] IV, 1.
i-na-a-ni III, 1.
i-ni I, 1, 16; III, 4; V, 3.
[i-ni] II, 5.
...]-i-ni *x*, 5, 6.
Б.м. i-ni?
i-ni-e? I, 22.
Б.м. zu-ma-[è-i-ni-e? (см.).
i-ni-li I, 4.
[i-ni-li?] III, 5.
[. . . . .]-šI I, 21.
Б.м. [i-ni-ri-a?]-ši.
ip-ḫi-e V, 10.
Ср. ipḫ(u)-?
i-ru-i-du-li II, 7.
i-ru-i-du-l[i] V, 5.
i-si III, 1.
i-šá-ḫi-ni II, 4; V, 3.
Ср. i-šá-ni?
i-šá-ni I, 15, 17, 20.
Ср. i-šá-ḫi-ni?
[i-šá-ni] IV, 8, 10.
iš-ti-ni I, 3, 13; V, 6.
[i]š(?)-ti-ni IV, 6.
[iš-ti-ni] II, 9.
^{D}I-ub-šá-a I, 8.
Или: ^{D}I-ár-šá-a (см.).
i-ú-me I, 3.

K

KA′ I, 8, 9, 18; II, 6.
KA′] I, 4.
[KA′] IV, 1, 11; V, 4.
^{GIŠ}KA′ I, 5, 6, 9, 14.
[^{GIŠ}KA′?] IV, 7.
-ka(i)
См. ^{D}Haldi-ka, ^{D}Arubaini-ka,
KA′-ka, KA′-kal, susini-ka.
KA′-ka I, 17.
KA′-ka-i I, 18; IV, 10.
[^{GIŠ}KA′-li?] I, 1.
kam-ni I, 21.
kam-ni-ni I, 19.
ka-qu-li I, 13.
KI^{TIM} I, 3.
То же, что KI^{TIM}-a(=qi(u)ra)—см.
KI^{TIM}-a I, 13; II, 8; V, 6, 11.
То же, что урартск. qi(u)ra.
KIN(?) II, 10.
KIN(?) ma-nu-ni; возможно
qi(?)-ma-nu-ni (см.).
[KIN?] V, 7.
KÙ II, 8; V, 4, 6.
[KÙ] II, 6.
ku-i I, 20, 21.
ku-ul-mu-li-ni V, 2.
[ku-ul-mu-li-ni] II, 3.
ku-me-mu-še II, 7; V, 4.
[ku-me-mu]-še II, 6.
[ku-me-mu-še] V, 5.
KUR-ni I, 2.
См. I'Azaini KUR-ni.
ku-ši-i-ni I, 15, 16.
[ku-ši-i-ni?] IV, 9.
ku-šú-ni I, 2.

L

[LUGA′L?] I, 5 (2 p.).
LUCA′L-e I, 19; II, 1.
LUGA′L-ni I, 19.
LUGA′L-tú-ḫi I, 3.
LUGA′L-tú-ḫi-ni-i I, 4.

M

ma-ni-ni I, 5, 20.
ma-nu V, 6.
[ma-nu] I, 2; II, 9.
ma-nu-li I, 14, 17, 19; II, 4; V, 3.
ma]-[nu-li I, 7.
[ma-nu-li] IV, 4, 7, 10.
ma-nu-ni I, 10, 13.
ma-[nu-ni] V, 8.
[ma-nu-ni] IV, 6; V, 9, 11.
...ma-nu-ni II, 10
Б.м. qi-ma-nu-ni? (см.).
[...ma-nu-ni] V, 7.
ma-nu-ú-[ni] IV, 2.
^{D}Marduk-še
То же, что ^{D}AMAR-UTU-še (см.).
ma-ri-a-ḫi-ni I, 15.
Ср. ^{LU}mari? marini?

[ma-ri-a-ḫi-ni] IV, 8.
ma-si-ni-li I, 9.
MA'Š · TUR I, 7, 10—12.
То же, что UDU · MA'Š · TUR (см.).
me-i I, 10, 13, 21; II, 11; III, 1, 2; V, 8, 9, 11.
[me-i] III, 9 (2 p.); IV, 2, 6.
me-ri-ip-te I, 17.
От той же основы mer-? (me-ru-ni. см.).
Ср. uštipte и uštuni.
me-ri-ip-[te] IV, 10.
me-ru-ni I, 17.
Ср. meripte.
[me-ru-ni?] IV, 10.
mu-ri-e I, 2
Ср. É muri(li), E'muri(li).

N

NA_4 V, 5.
[NA_4] II, 7.
na-ḫa-[di] I, 3.
na-ḫi-z/ṣi-e I, 20.
Ср. naḫ(u)-?
ni-ip-si-du-li I, 7.
ni-'ip'-si-du-li I, 12.
ni-ip-si-du-li-ni I, 11.
ni-ip-si-du-li-[i-ni?] I, 10.
ni-[ip-si-du-li-i-ni?] IV, 5.
[ni-ip-si-du]-li-ni IV, 4.
[ni-ip-si-du-li]-ni IV, 3.

P

pa-ḫa-zu-li I, 11.
[pa-ḫa-zu-li?] IV, 3.
[GUDpa-ḫi-ni?] I, 10
То же, что GUD (см.).
LU·pa-la-gi I, 14.
Читай LU'palaḫi!
[LU'pa-la-gi] IV, 7.
pi-e-i III, 9.
pi-ṣu-še I, 5.
pi-tú-li-e III, 4.

Q

qar-[bi] I, 2.
qi(?)-ma-nu-ni II, 10
То же, что ...ma-nu-ni, KIN(?) ma-nu-ni (см.).
[qi-ma-nu-ni?] V, 7.
qi-ú-ra-a IV, 6.
То же, что KITIM, KiTIM-a (см.).
qu-[d]u-la-ni I, 7.
Б.м. то же, что É · BA'R-ni!
[qu-du-la-ni] IV, 5.
qu-ul-di-ni I, 3.
qu-ul-di-ni-ni V, 6.
qu-ul-di-[ni-ni] IV, 6.
qul-di-ni-ni I, 13; II, 8; V, 11.

R

'Ru-sa-a I, 5, 18.
'Ru-sa-a-še I, 1, 2, 6, 8; II, 5, 9; V, 4, 7.
['Ru-s]a-a-še III, 3.

S

[sal-zi] I, 2.
['DSar$_5$-du-ri-e?] IV, 11.
...]-si-[... x, 2.
SIKIL II, 6; V, 4.
Эпитет BE · LI (см.).
si-li-iš-t[i?]-li I, 9.
si-ir-ḫa-ni-ni I, 15, 16, 20.
То же, что É siriḫanini (см.).
si-ir'-ḫa-ni-ni I, 22.
si-ri-ḫa-ni-ni IV, 9.
То же, что É siriḫanini, É sirḫanini (см.)
si-ri-ḫa-ni-[ni] IV, 8.
su-u-i-ú-li I, 9.
su-ú-i-ú-li IV, 1.
su-nu-e II, 7; V, 5.
su-ri I, 21.
su-si-e I, 1
То же, что É su-si-e (см.).
su-si-ni-ka I, 16.
[su-si-ni-ka] IV, 9.

Š

ŠÀ I, 18.
То же, что UZUtišnu (см.).
še-er-du-li-[e] III, 5
Ср. šerḫini?
še-er-ḫi-ni I, 4.
Ср. šer-d(u)-?
ši-da-[ú]-[ri I, 3.
ši-di-iš-tú-li I, 11.
[ši-di-iš-tú-li] IV, 3.
[ši-di-iš-tú-ú-li I, 4.
ši-di-iš-tú-ni I, 1.
'ši'-du-li-ni I, 10.
[ši-du-li-ni] IV, 2.
ši-e-du-li II, 11.
ši-e-du-li-ni V, 8, 9.
ši-la-ni-ni I, 20, 21.
...]ši-na-am-di-ni I, 22.
Б.м. ši-na am-di-ni?
ši-i-ni I, 15, 17 (2 p.), 20.
[ši-i-ni?] IV, 8, 10 (2 p.).
ši-si-ni II, 3.
ši-[si-ni] V, 2.
ši-ú-li I, 22.
[ši-ú-li-e?] III, 7.

ŠÚ I, 1.
šú-ḫi-na-ṣi I, 7.
От основы (корня) šuḫi; ср. KURIuluc и KURIululnaṣ KURḪate URḪatinaṣi.
[šú-ḫi-na-a-ṣi]-e IV, 5.
šú-i-ni-ni I, 18.
[šú]-[i-ni-ni IV, 11.
KURšú-ra-u+e I, 6.
KURšú-ri-ḫi9 I, 16.
[KURšú-ri-ḫi] IV, 9.
šú-si-e III, 6.

T

TAG I, 7, 11, 15, 17; II, 1; IV, 3, 4.
То же, что urpuli, urpuaṣi (см.).
[TAG] I, 11; IV, 5, 10.
TAG-ṣi IV, 8.
То же, что urpuaṣi (см.).
TAG-ṣi-ni-ni I, 19.
ta-nu-li I, 10.
[ta-nu-li] IV, 2.
ta-nu-li-ni I, 9.
ta-nu-[li-ni] IV, 1.
te-er-du-ḫi9 II, 4.
te-er-du-li-ni II, 3, 5; V, 2, 3.
[te-er]-du-li-ni II, 9.
[te-er-du-li-ni] V, 3, 6.
[te-ru-bi?] I, 6.
...]-ti(?)-[... x, 7, 8.
[ti-i-ni?] III, 9.
UZU[ti-iš-nu] IV, 11.
То же, что ŠÀ (см.).
ti-ú-li-e III, 5.
[tú]-[li-e III, 4.
TUR I, 13.
См. (UDU)·MA'Š·TUR, É·BA'R-ṣi TUR-li, [É·BA'R?]-ṣi TUR, [GU]D(?).TUR-ia, TURḪA'-ni.
TUR-ia III, 2.
См. [GU]D(?).TUR-ia.
TUR-li I, 12.
См. É·BA'R-ṣi TUR-li.
TURḪA'-ni III, 2.
Б.м. TUR-ḫi-a-ni? tur-ḫi-a-ni?
[tú]-ri-ni-ni III, 7.

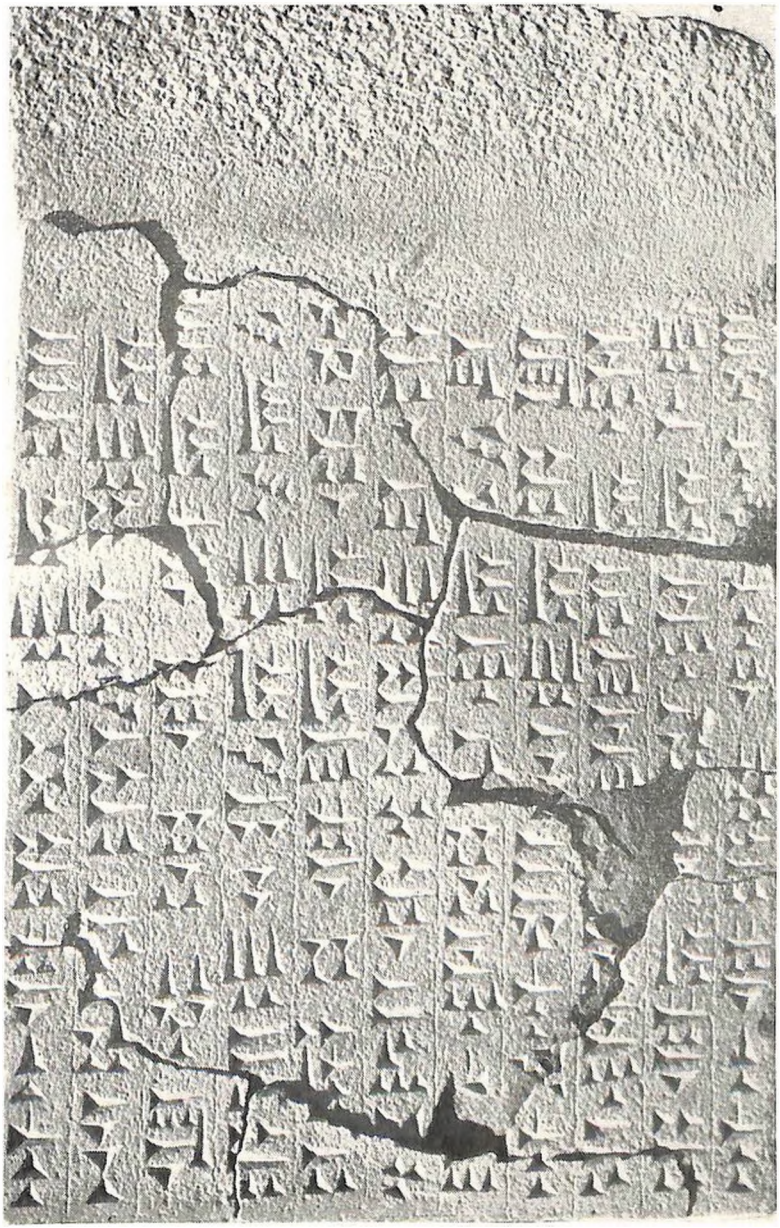
U

UDU I, 7 (2 p.), 8 (3 p.), 14; IV, 4 (2 p.), 7.
[UDU] IV, 4, 6 (2 p.).
UDU·MA'Š·TUR IV, 5.
То же, что MA'Š·TUR (см.).
[UDU·MA'Š·TUR] IV, 2.
ú-i I, 3; V, 9.
ú-ú-la-li I, 16.
[ú-ú-la-li] IV, 9.
ul-gu-še I, 5.
ú-li I, 16.
ú-[li?] V, 3.
[ú-li?] II, 5; III, 5.
ú-ú-li IV, 7.
ú-[ú-li I, 14.
ú-lu-li-e III, 10.
ur-di I, 13
Б.м. ur-di-a-li? (см.).
ur-di-a-li? I, 13.
Б.м. urdi ali (см.).
ur-pu-a-ṣi I, 18.
То же, что TAG-ṣi (см.).
URU I, 2, 19.
DIM-ni URU (см.).
uš-ma-še I, 5.
uš-ta-ku-ni V, 9.
DUTU-ni I, 7; III, 9.
То же, что DŠiuini (читай Šiwini!).
[DUTU-ni] IV, 6.
[DUTU]-še III, 8.
UZU ti-iš-nu] IV, 1
UZUtišnu=ŠÀ (см.).

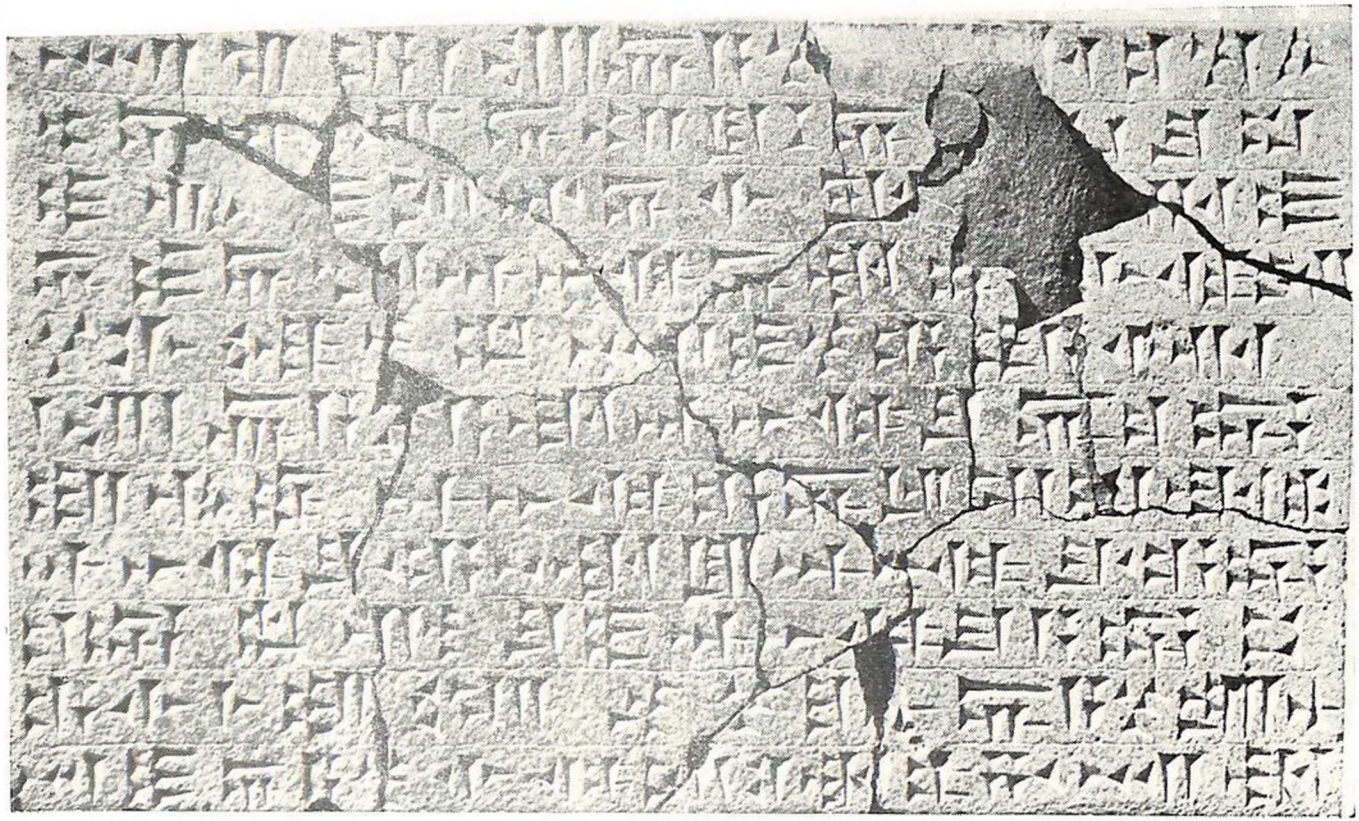
Z

za-di-ni IV, 8.
za-di-ni] I, 17.
[za-di-ni] IV, 10.
za-di-i-ni I, 15.
za-du-[...] x, 3.
[za-du-bi?] III, 6.
ZI I, 21.
ZI[MEŠ?] I, 20.
zi-el-di I, 18–20; II, 1.
zi-el-di-e IV, 11.
zu-ma-gi I, 21; II, 2.
Читай zumaji!
zu-ma-gi-e I, 22.
zu-ma-[è I, 22.
Или: zu-ma-[è-i-ni-e? См. i-ni-e?

ИЛЛЮСТРАЦИИ

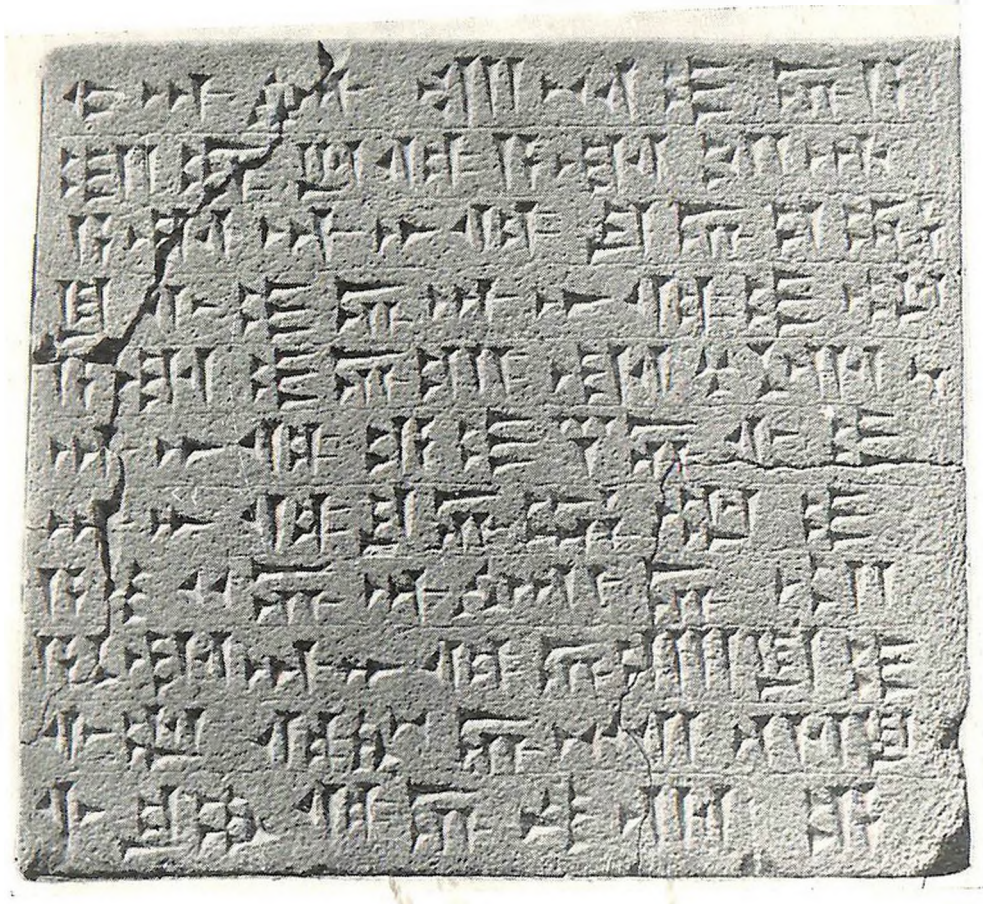


Текст I, рид I, № 1

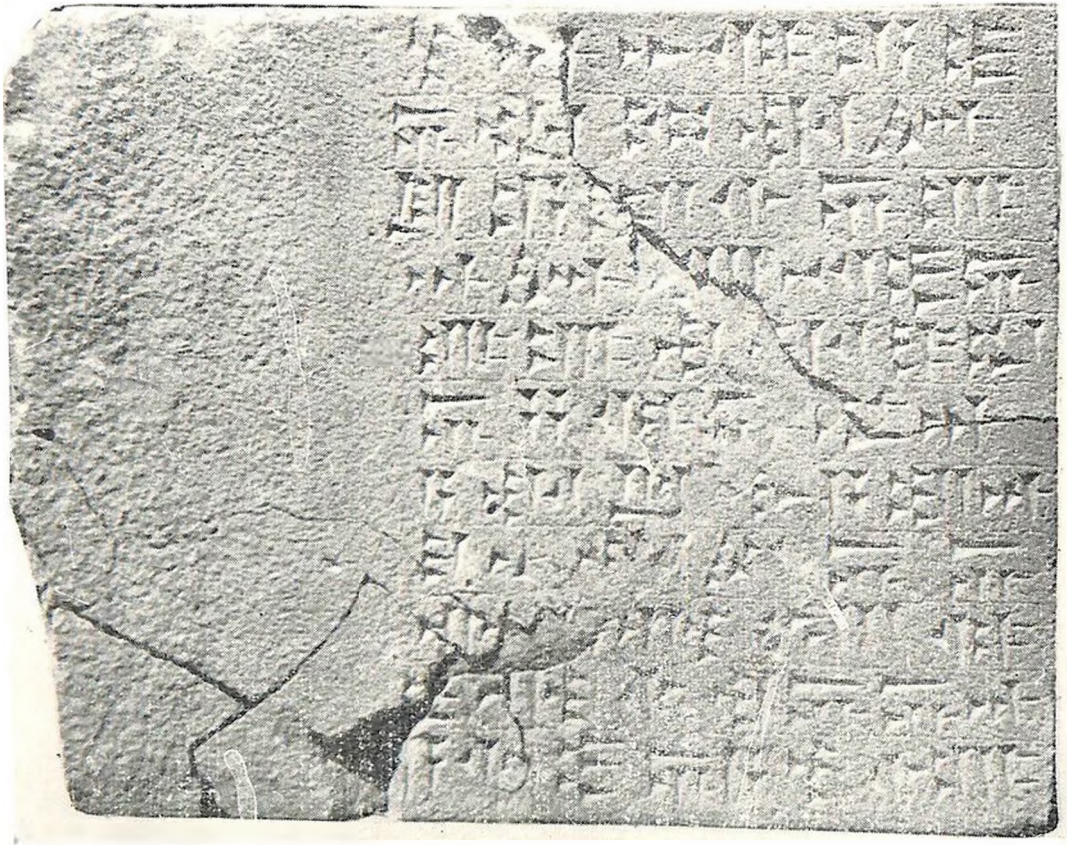


Текст I, ряд I, № 2

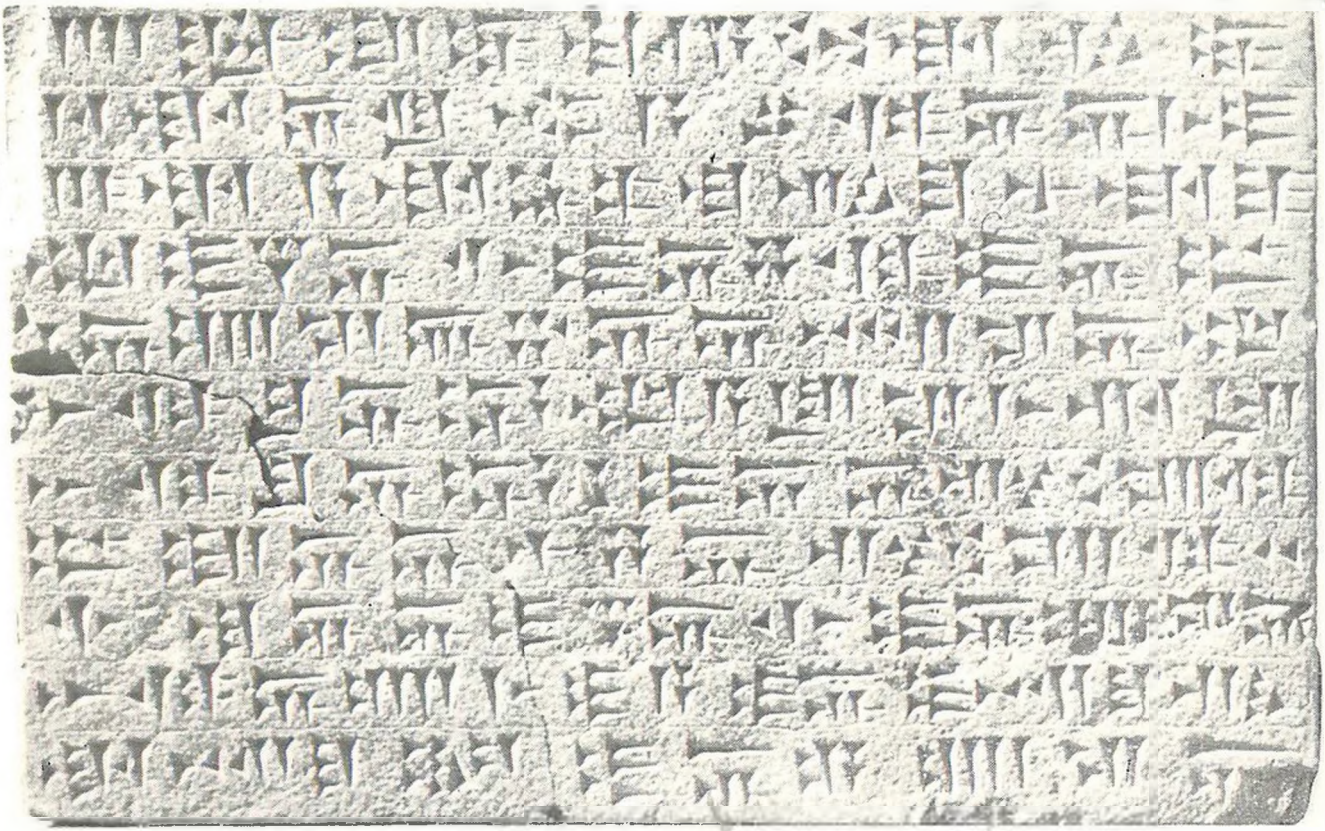
Текст I, ряд I, № 3



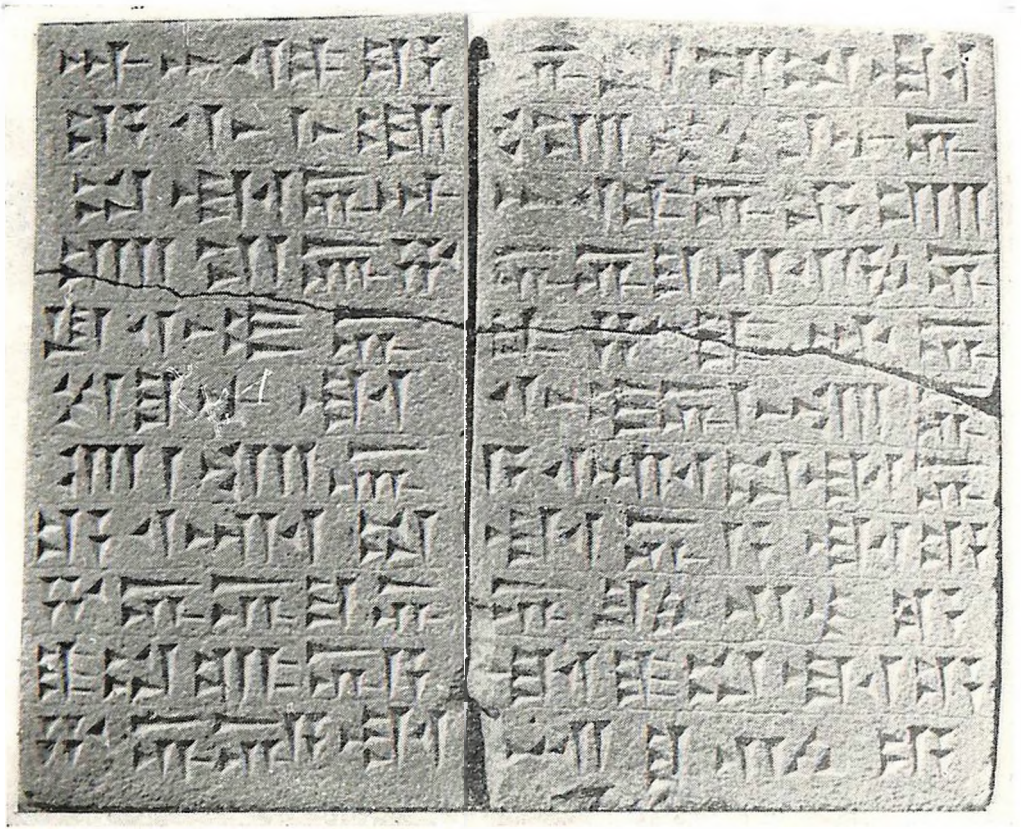
Текст. I. ряд II, № *x* + 1



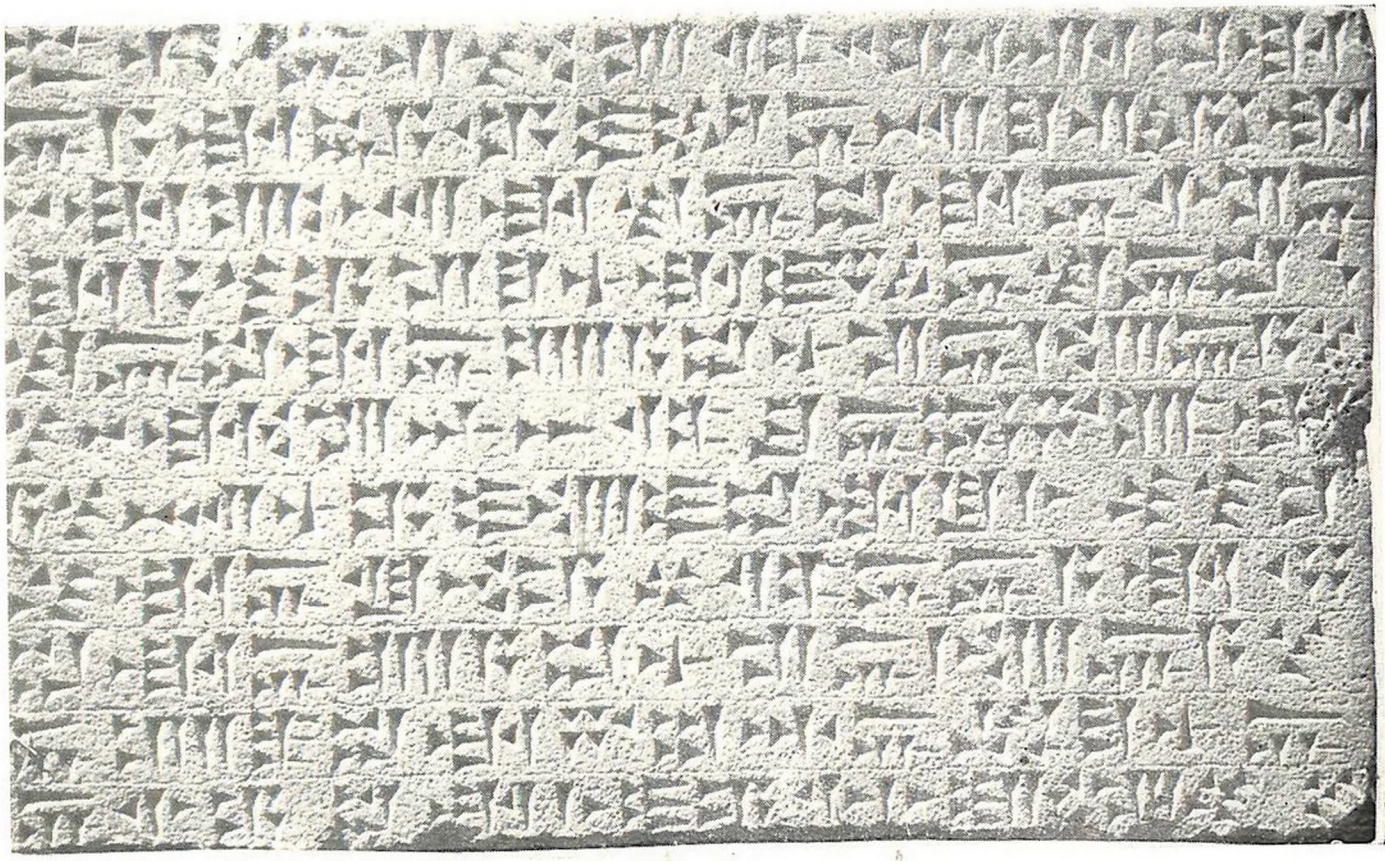
Текст I, ряд II, № *x* + 2



Текст I, ряд II, № *x* + 3

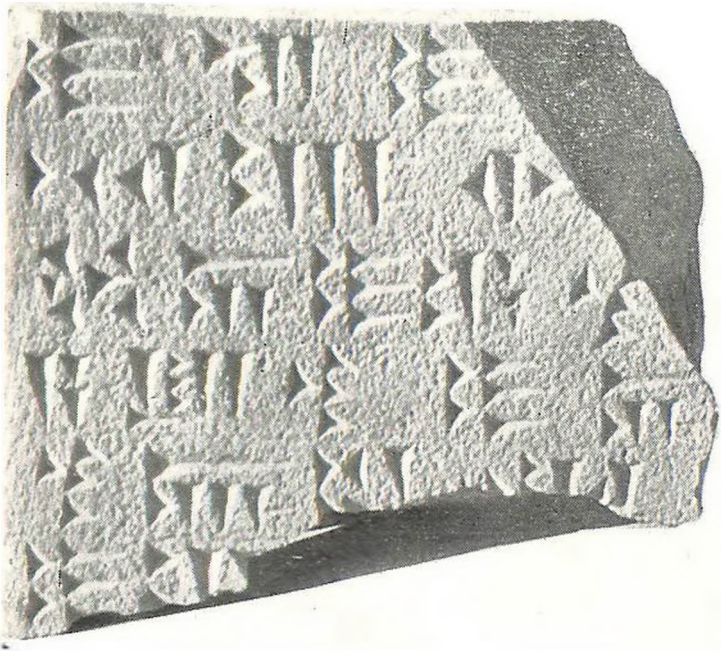


Текст I. рад II. № x+4, 5

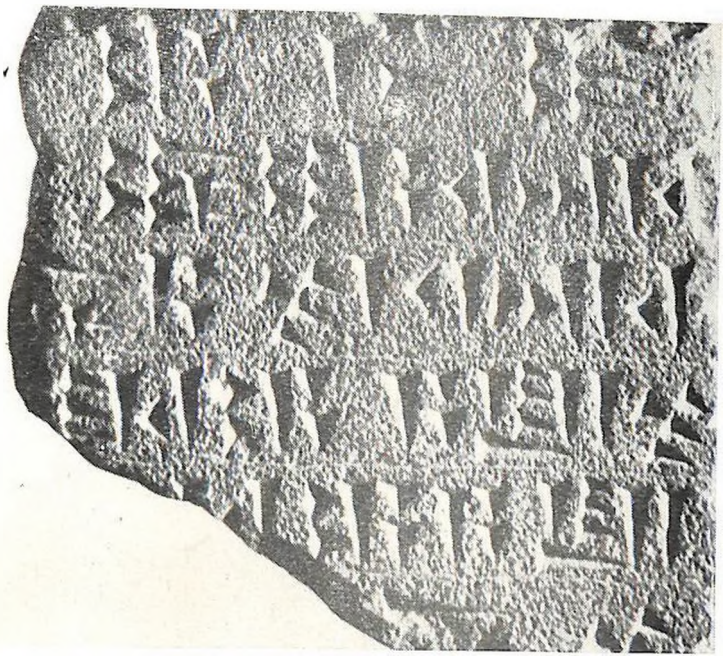


Текст II, № x

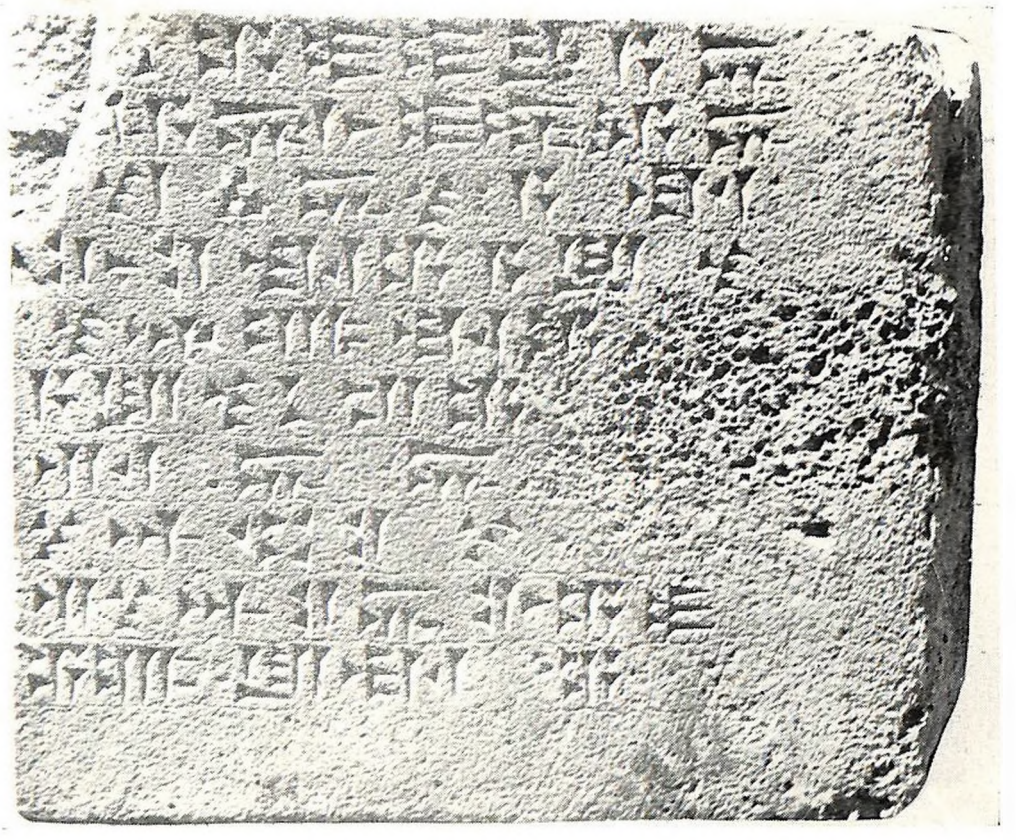
Текст *x*



Текст III, № 1

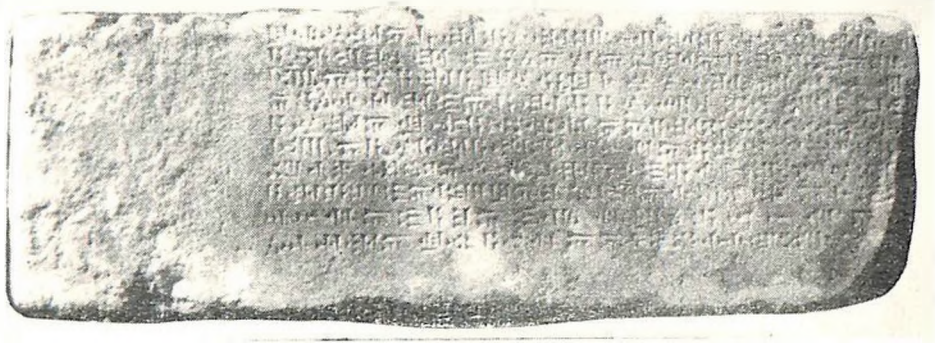


Текст III, № 2

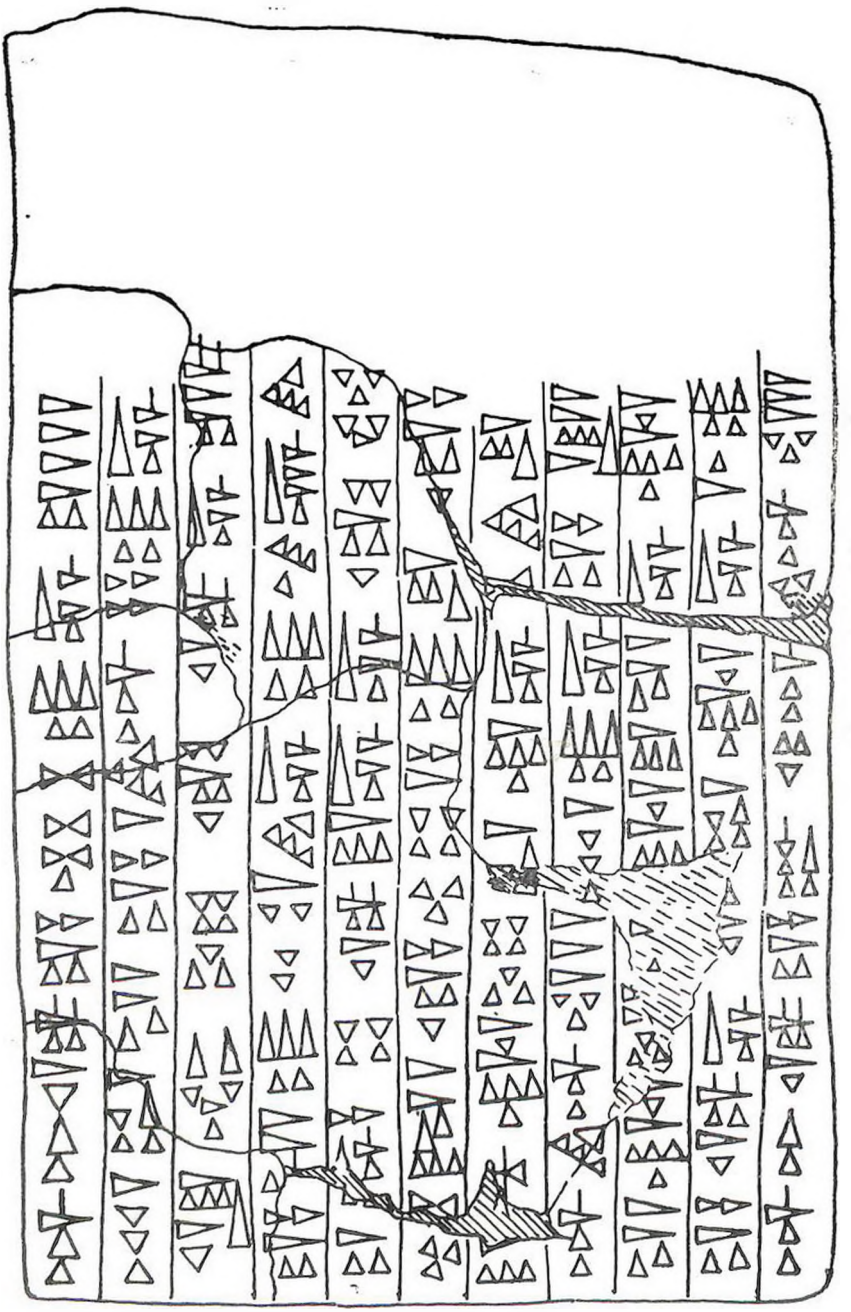


Текст III, № 3

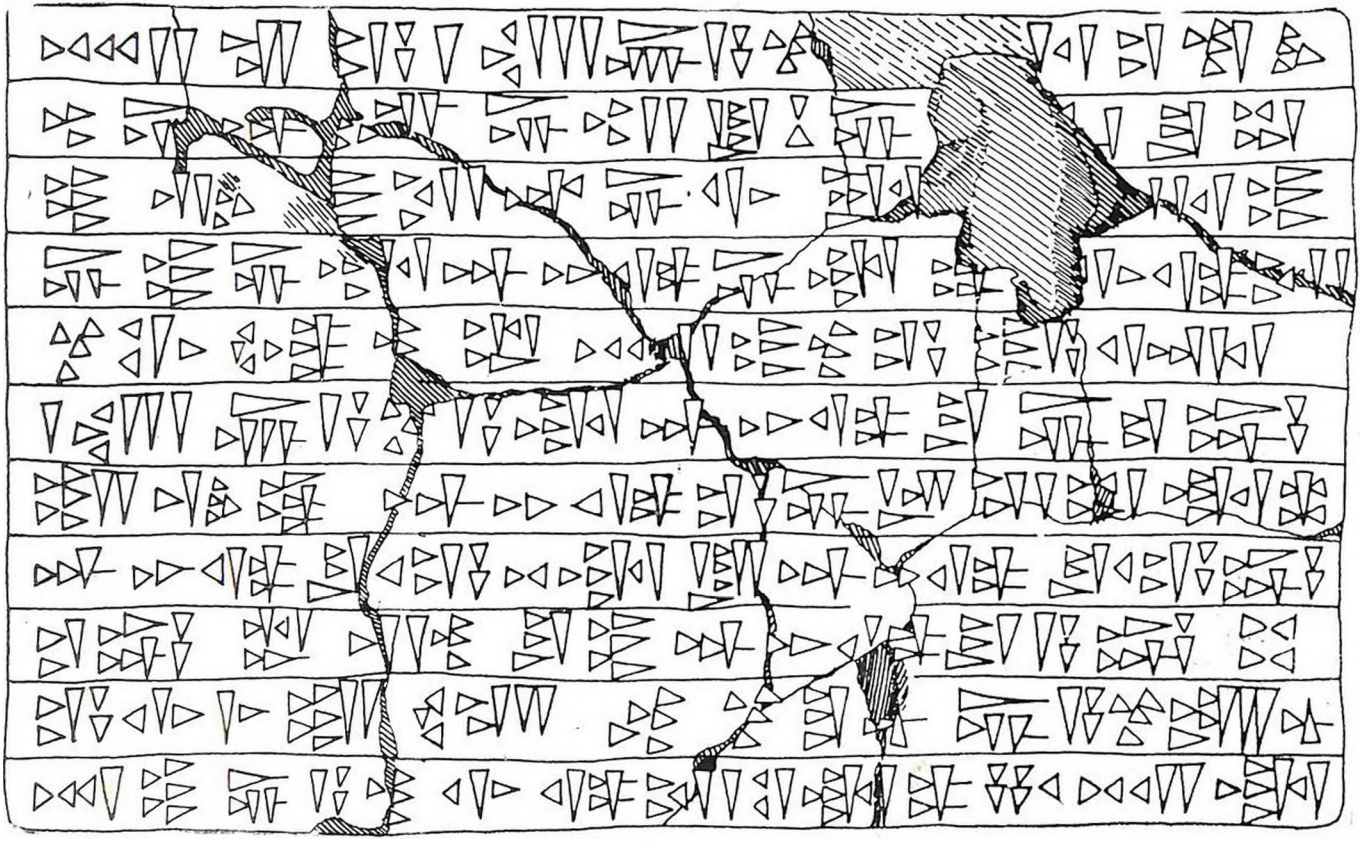
Текст IV, № 8



Текст V, № *x*

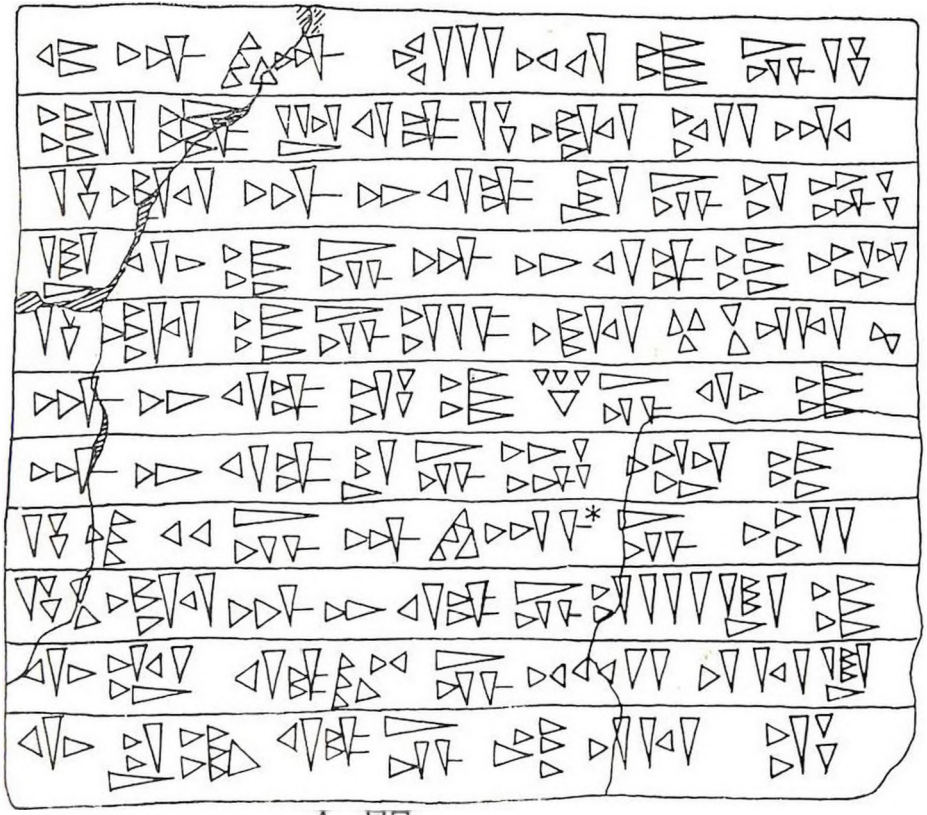


Текст 1, ряд 1, № 1



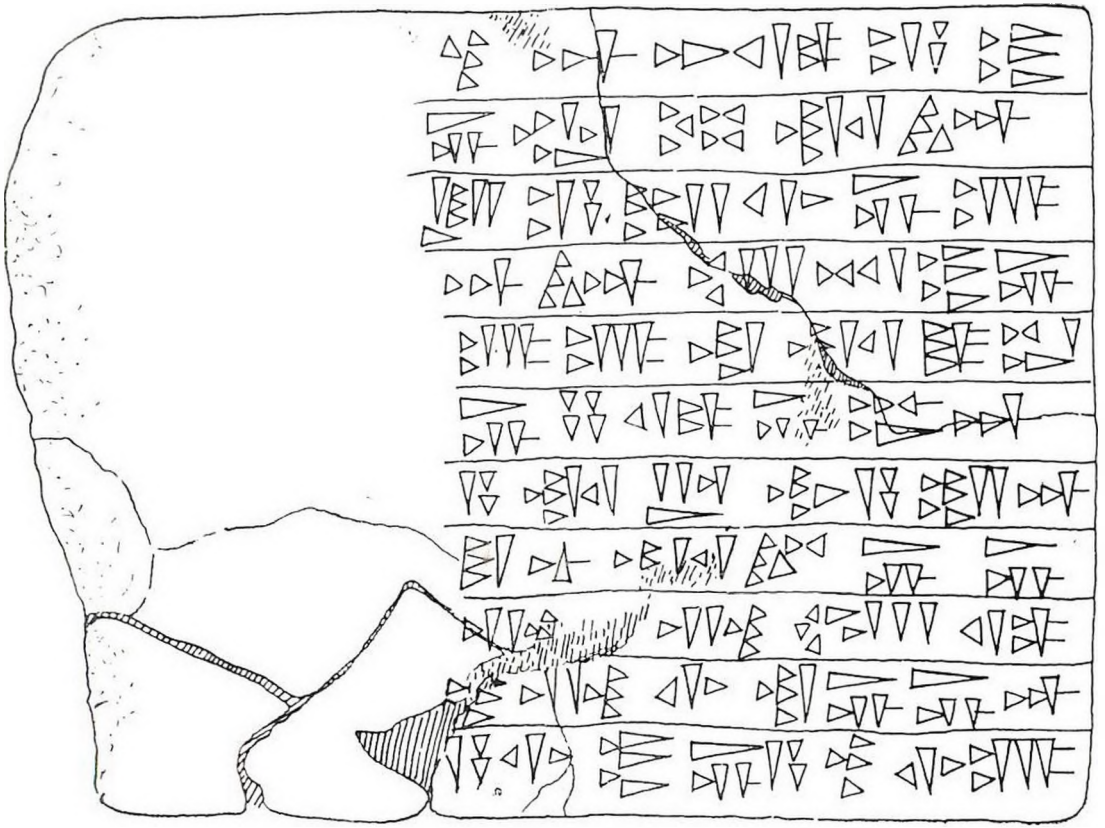
Текст I, ряд I, № 2

Текст I, ряд I, № 3

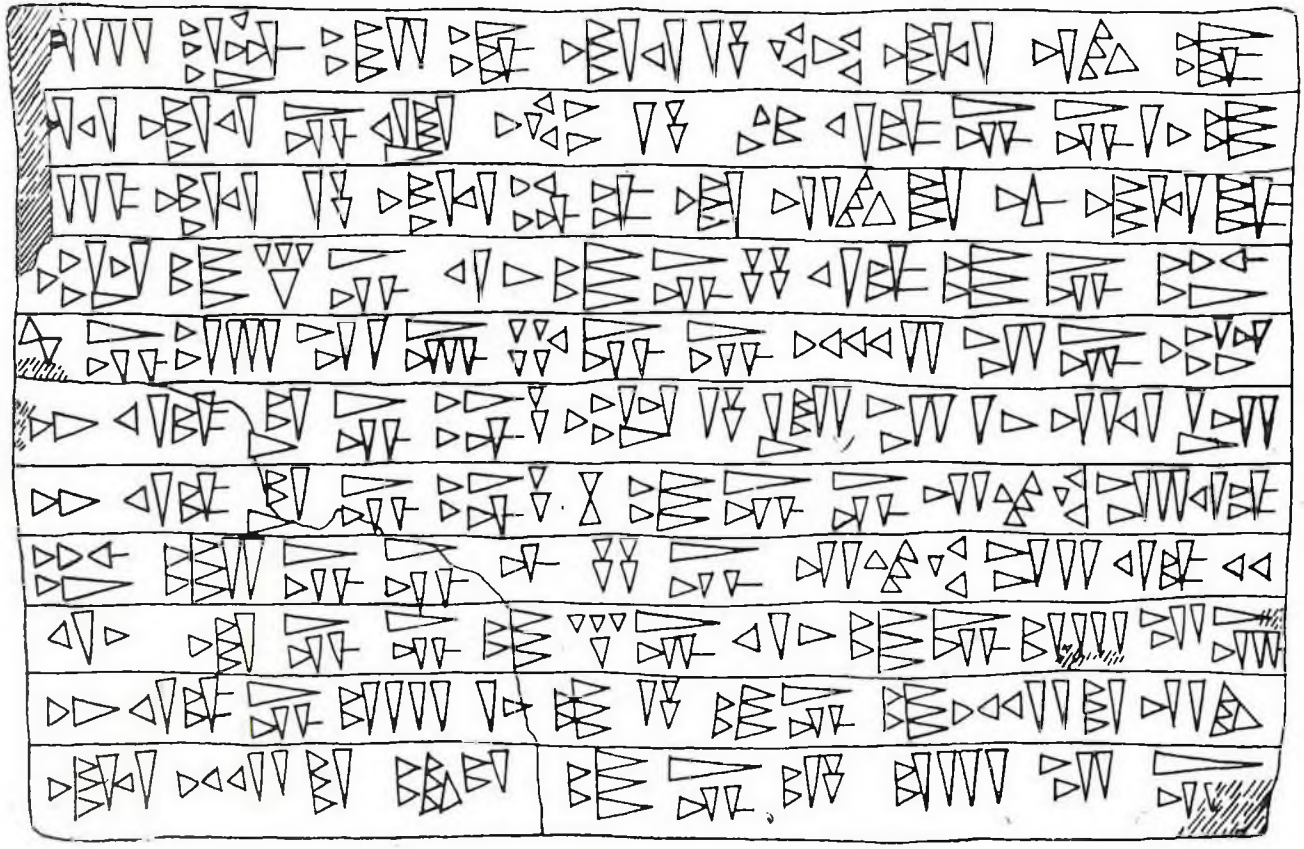


* Описка, вместо

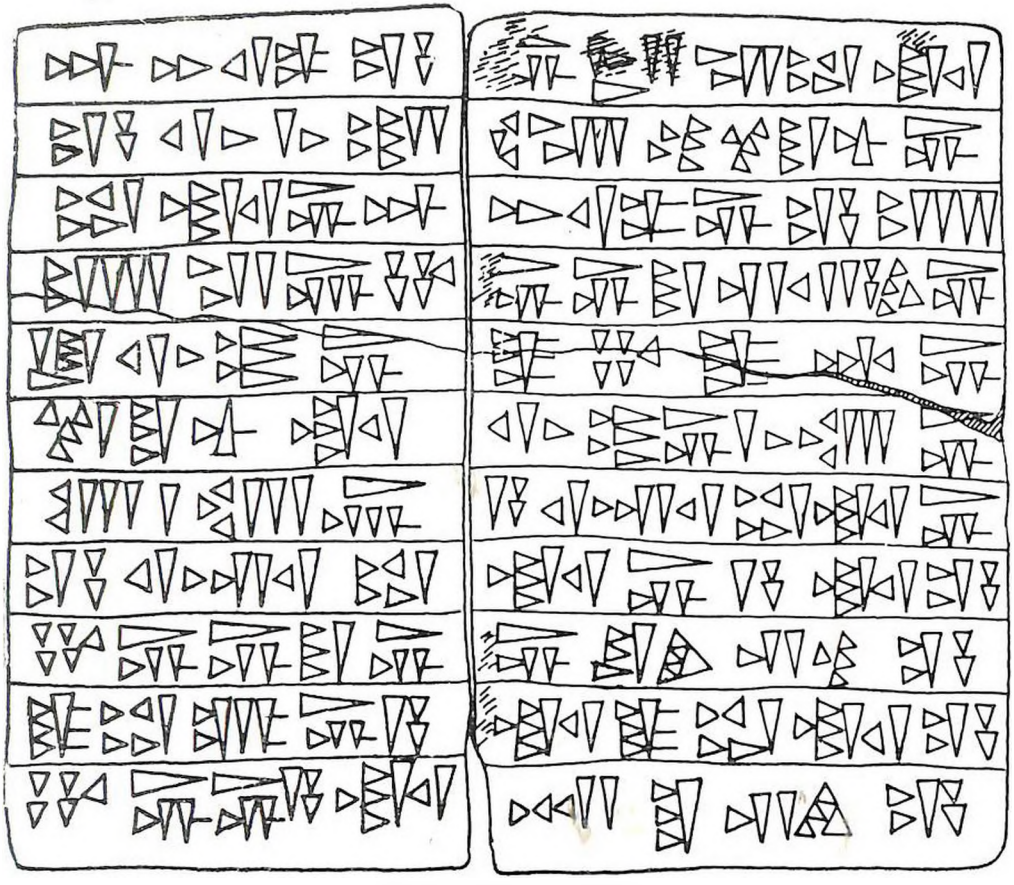
Текст I, ряд II, № *x*+1



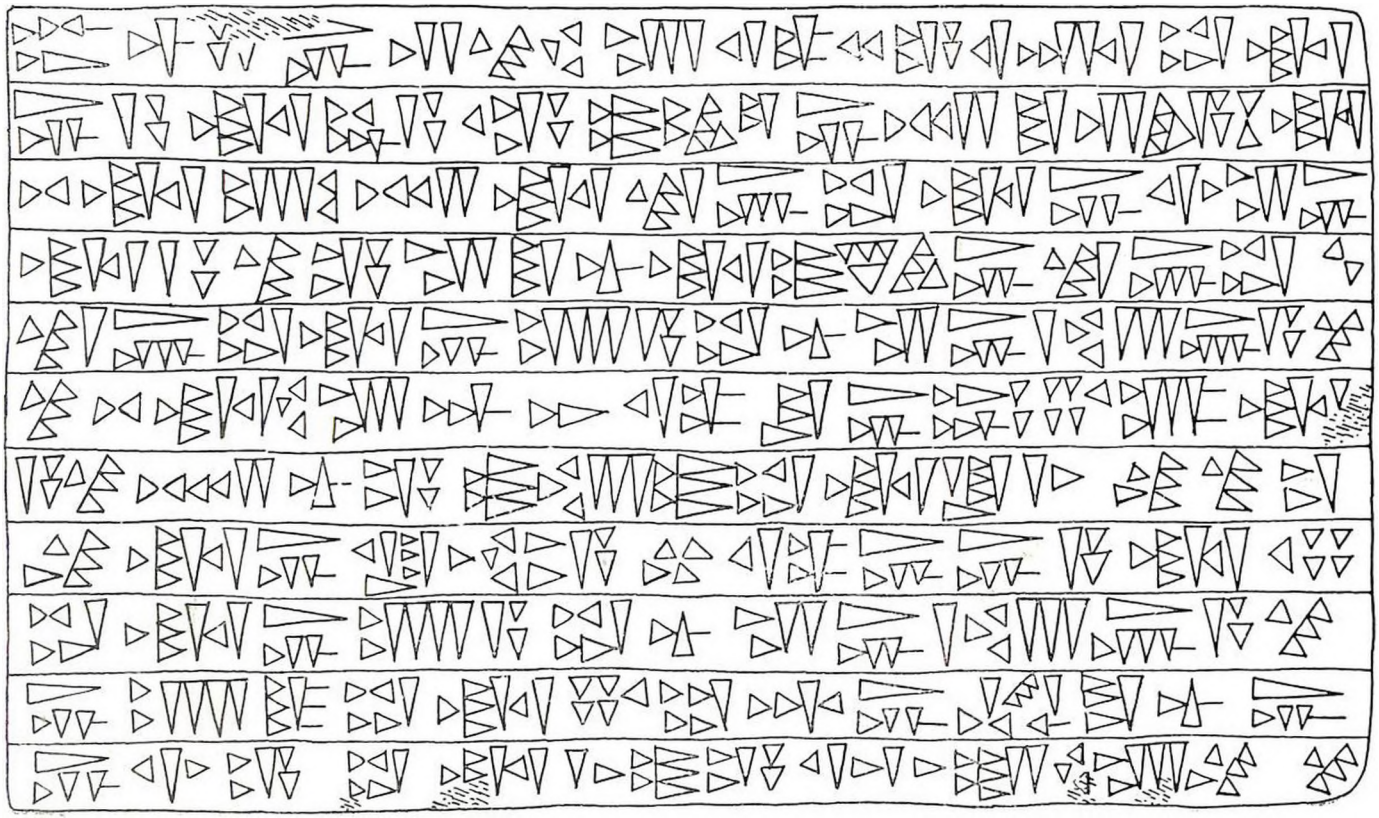
Текст I, ряд II, № *x*+2



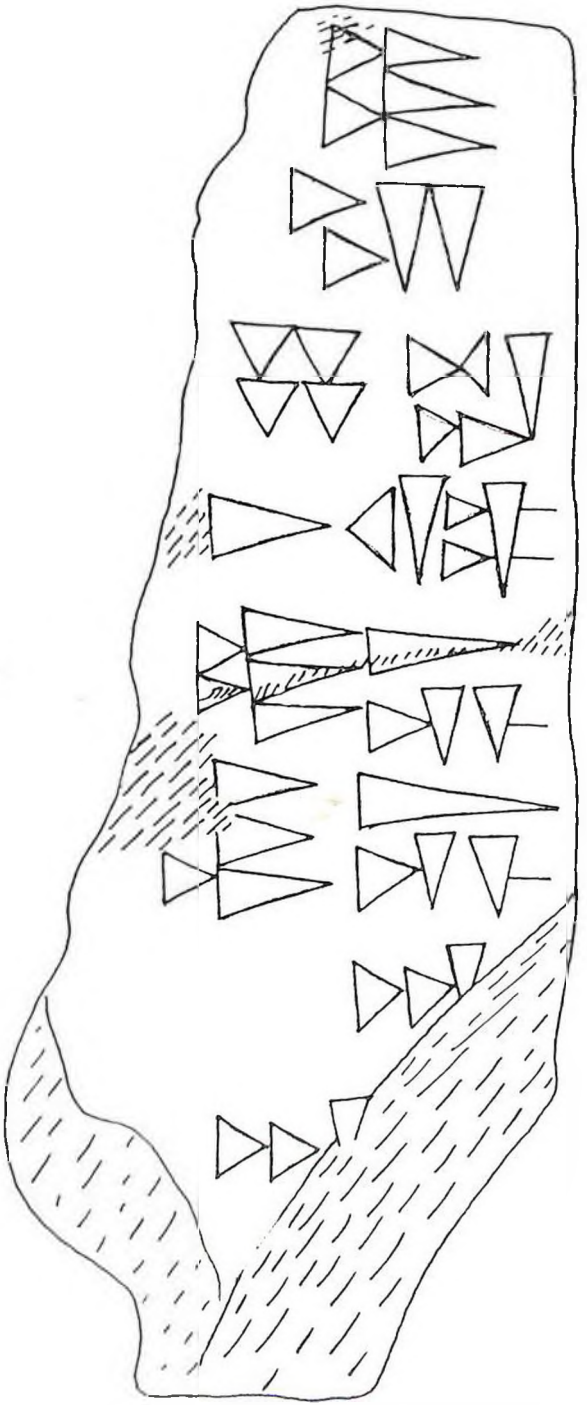
Текст I, ряд II, № x+3



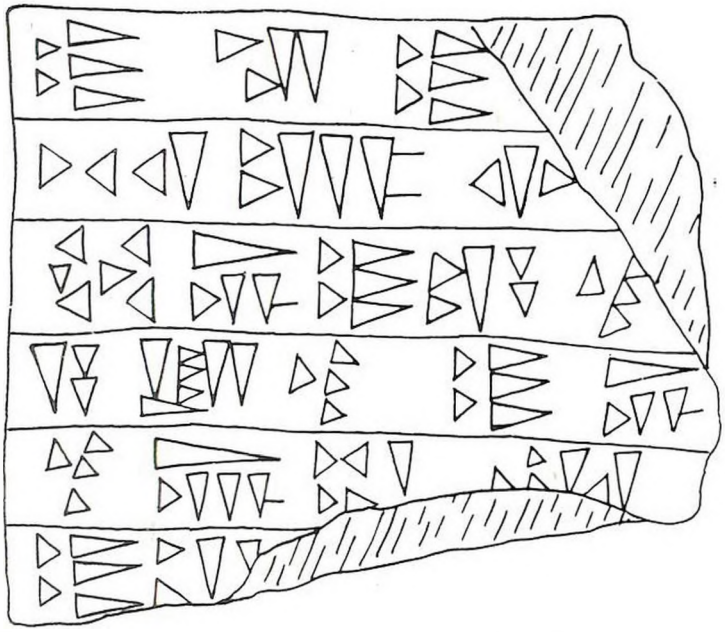
Текст 1, ряд II, № *x*+4, 5



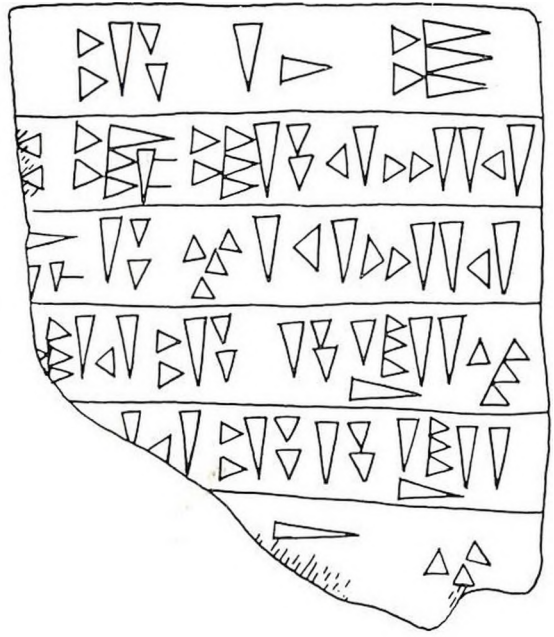
Текст II № *x*



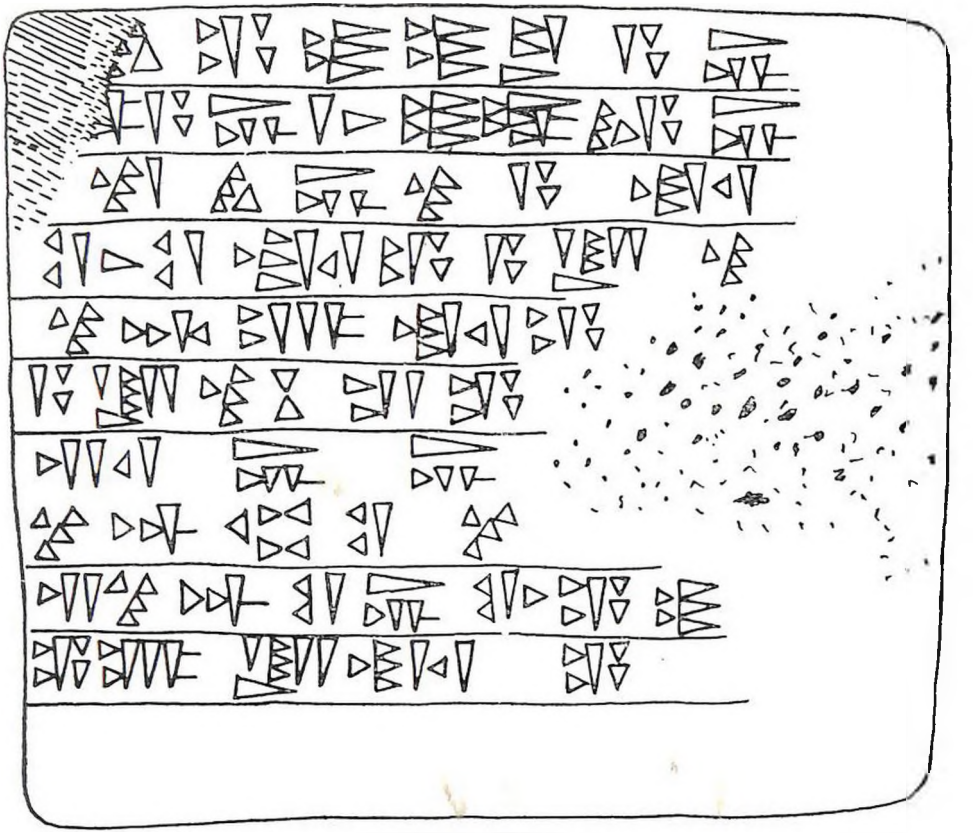
Текст



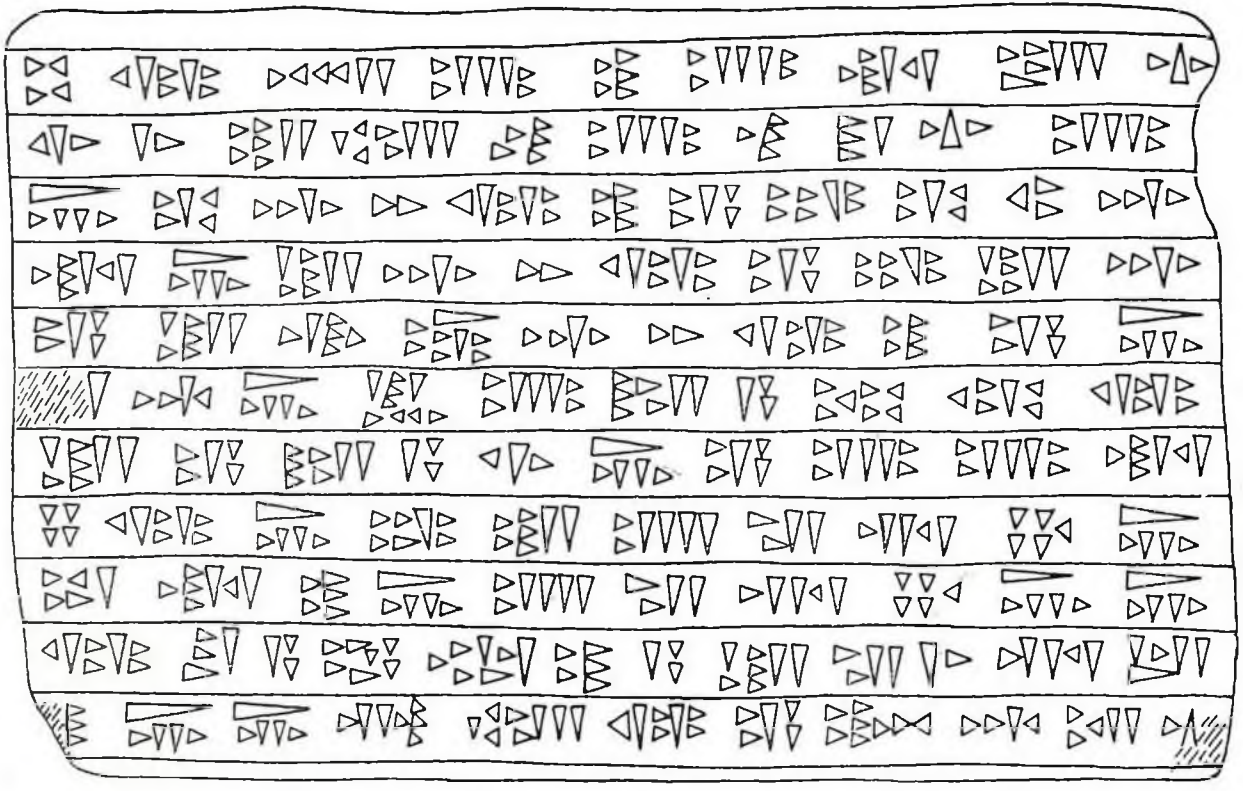
Текст III, №1



Текст III, №2



Текст III. № 3



Текст IV, № *x*

Текст V, № *x* (P. Hulin)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВНИУ—И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2, 3, 4.

АЯ—Л. А. Лишин, Аккадский (вавилоно-ассирийский) язык, I—II, Ленинград, 1957.

ВДИ—„Вестник древней истории".

ЗСУ—И. В.Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, Ереван, 1964.

ИЛТДА—Г. А. Канацян. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении, Ереван, 1940.

ИУ—Г. А.Канацян, История Урарту (на арм. яз.), Ереван, 1940.

ИФЖ—„Историко-филологический журнал Академии наук АрмССР".

КНЗ—М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья, МАК—У, 1896.

КСИИМК—„Краткие сообщения Института истории материальной культуры".

ПС—Переднеазиатский сборник, Москва, 1961.

СА—„Советская археология".

УКН—Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, Москва, 1960.

УПД—И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. Москва-Ленинград, 1963.

УПМГ—Г. В. Церетели, Урартские памятники музея Грузии, Тбилиси, 1939.

УЯ—Г. А. Меликишвили, Урартский язык, Москва, 1964.

ХЛА—И. В. Арутюнян, Хорхорская летопись Аргишти I (транслитерация и перевод), ЭВ, VII, 1953.

ЭВ—„Эпиграфика Востока".

AL—Friedrich Delitzsch, Assyrische Lesestücke, Leipzig, 1912.

AS—„Anatolian Studies".

CICh—Corpus Inscriptionum Chaldicarum, Berlin und Leipzig, I (1928), II (1935).

Einführung—Johannes Friedrich, Einführung ins urartäische, Leipzig, 1933.

HWb—Johannes Friedrich, Hethitisches Wörterbuch, Heidelberg, 1952.

Introduction—E.A.Speiser, Introduction to Hurrian, New Haven, 1941.

JAOS—„Journal of the American Oriental Society".

JRAS—„Journal of the Royal Asiatic Society".

MÉA—René Labat, Manuel d'épigraphie akkadienne, Paris, 1959.

NHI—M.Tseretheli, Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu, Heidelberg, 1928.

RA—„Revue d'Assyriologie".

RHA—„Revue Hittite et Asianique".

ŠL—A. Deimel, Šumerisches Lexikon, Rom, 1928—1933.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Текст I 9
Текст II 42
Текст III 55
Текст IV (армавирская надпись) 65
Текст V (адыльджевазская надпись) 75

Кармирблурские тексты и история страны Аза 80

Указатель к текстам 98

ИЛЛЮСТРАЦИИ: 103
Фотографические воспроизведения текстов 105
Автографические копии текстов 118

Список сокращений 131

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ АРУТЮНЯН

НОВЫЕ УРАРТСКИЕ НАДПИСИ
КАРМИР-БЛУРА

Редактор издательства Р. А. Штибен
Худож. оформление Г. Н. Горцакаляна
Техн. редактор Э. С. Аветян
Корректор Г. М. Аветисян

Вф 05078. Заказ 380. изд. № 2608. РИСО 980.

Тираж 1000

Сдано в производство 1. XII 1965 г.
Подписано к печати 7/VII 1966 г.
печ. л. 8, 25, изд. л. 9, 42, усл. п. л. 11, 3, бум. л. 4, 13
Бумага № 1 формат 70 x 108¹/₁₆
Цена 86 коп.

Типография Изд. Академии наук Армянской ССР. Эчмиадзин

ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.
FL0483668

ЦЕНА
Р III
21554